

Евгений РОМАНОВ

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА БОГУЧАРА

Исторические исследования, публицистика и проза.

Книга первая

ОАО «Воронежская областная типография»

Воронеж

2016

УДК 94(470.324)
ББК 63.3(2Рос– 4Вор-5)
Р69

Р69 Романов Е.П.

«Памятная книжка Богучара». Проза, публицистика / Е.П. Романов – Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография»– 2016. – 232 с.

ISBN 978–5–88519–602–4

В книге «Памятная книжка Богучара» собраны исторические повествования о малоизвестных событиях, происходящих на Богучарской земле. Это рассказы, исторические исследования об интересных людях, родившихся в городе и посетивших его. Особенно они актуальны в наше время, так как рассказывают о жизни в городе Богучаре со времени его заселения. Незабытые страницы истории, ранее опубликованные в периодической печати, предназначены для молодого читателя с его широким кругозором.

УДК 94(470.324)
ББК 63.3(2Рос– 4Вор-5)

Исторические исследования, публицистика и проза.

РОМАНОВ Евгений Павлович

Памятная книжка Богучара

Книга 1.

Редактор *О.В. Ситникова*

Изготовление оригинал-макета: *О.И. Сотникова*

Подписано в печать 2016. Формат 60×841/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Уч.–изд. л. 00. Заказ . Тираж экз.

Отпечатано в ОАО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.

ISBN 978–5–88519–602–4

© Романов Е.П., 2016

Корневое слово Евгения Романова

Письмо, присланное в редакцию газеты «Коммуна» по электронной почте, оказалось как никогда кстати. Через несколько дней в Воронеже открывался Третий международный Платоновский фестиваль (это происходило в 2013 году), и было бы очень неплохо напомнить читателям, чем, кроме писательства, основательно занимался наш выдающийся земляк Андрей Платонов. И потому письмо педагога и краеведа Евгения Романова тут же пошло в номер. Собственно, и письмом его трудно назвать, в данном случае это чисто условное название, а на самом деле – готовый, глубокий, насыщенный малоизвестными фактами исследовательский текст. Романов рассказал подробно и в деталях о том, чем занимался в Богучарском уезде губернский мелиоратор и производитель работ по электрификации, а в недалеком будущем классик мировой литературы Андрей Платонов.

Впоследствии Евгений Романов ещё не раз возвратится к теме «Платонов и богучарцы», и всякий раз на свет будут всплывать новые и неизвестные факты из биографии писателя.

Круг интересов краеведа и литератора Евгения Романова достаточно широк. И хотя он имеет строго очерченную географическую границу – Богучарский район, – он при этом на удивление богат на знаковые имена. Кроме Андрея Платонова, в том ряду стоят имена Нобелевского лауреата Михаила Шолохова (очерк «Улица называлась Мещанской»), поэта-фронтовика Алексея Суркова (материал «По улицам шли колонны чужих солдат»), клоуна и киноактера Юрия Никулина (документальный рассказ «Как Юрий Никулин в Доме колхозника ночевал»), героя Первой мировой Петра Агафонова (очерк «Георгиевский крест Петра Агафонова»). Что показательно: для Евгения Романова важно и приоритетно восстановить в характерных деталях и с предельной достоверностью то время и обстановку, в которой жили и творили его герои. Да, он бытописатель, предметно воссоздающий картину ушедшего времени, а это и есть одна из главных задач краеведа. Вот только один пример. На мой взгляд, яркий и характерный: «Уже в 1982 году мне удалось встретиться с Петром Калиновичем (очерк «Георгиевский крест Петра Агафонова»). Жил он тогда в селе Белая горка. Приехал я к нему с внуком Сергеем Агафоновым. Место жительства, наверное, было выбрано им не случайно.

Дом стоял на высоком берегу реки Дон, как говорят, на отшибе. От калитки тянулись веревочки по двору и в дом, на которых висели колокольчики. Как только мы открыли калитку, тут же в доме зазвенел колокольчик. Из хаты вышел хозяин и зычно спросил: «Кто это там?» Нас встретил высокий, ещё крепкий и статный пожилой мужчина лет восьмидесяти. Красивое лицо с правильными чертами, словно копия древнегреческого бюста...». Добротная, основательная проза, за скупым, в общем-то, письмом проступает достоверный образ простого человека, совершившего подвиг.

Поиски Евгения Романова возвращают нам незаслуженно забытые имена. И среди них – шахматист Николай Калинин, пианист Марк Гамбург, острогожский полковник Иван Дзиньковский.

Особое место в краеведческих изысканиях Евгения Романова занимает семейно-родственный клан писателя Антона Павловича Чехова. Если собрать воедино все написанное Романовым о Чеховых, то получится маленькая документальная повесть. Особенно трогательные страницы посвящены деду Антона Павловича – Егору Михайловичу Чехову, который жил на Богучарщине и здесь же похоронен.

...Его слово происходит от того же корня, что и сам литератор Евгений Романов – оно укоренилось в родной ему богучарской земле. От того сила и правда его слова.

Виктор СИЛИН,
лауреат премии Союза журналистов России.

Если бы на географических картах выделялась цветом степень насыщенности той или иной местности историческими событиями прошлых веков, наподобие той, как на них обозначаются равнины и горные массивы, то Богучарский район, наверняка, бы выделялся на фоне других районов нашей области.

Начиная с времен первого заселения нашего края оседлыми жителями и до наших дней, не было более или менее значимого исторического события в жизни страны, в которых богучарцы не принимали самого активного участия.

Причина такой, как сейчас говорят, креативности уходит корнями в далекое прошлое нашей малой родины – в ту пору, когда этот благодатный край, богатый дичью, рыбой, пастбищами, стал из дикого поля превращаться в один из южных форпостов Руси, охранявших державу от набегов враждебных тюркских племен. Здесь обосновались донские и украинские казаки. И сами они, и пополнявшая их ряды беглая вольница из Великой и Малой Руси принесли с собой мощный дух бесстрашия, упорства и свободолюбия, прочно закрепившись в генах последующих поколений.

Все это очень важно учитывать в наше непростое время, когда складывающиеся политические и экономические условия побуждают нас не только к общероссийской, но и местной, локальной самоидентификации: кто мы, что мы, откуда пришли и идем?

Одна за другой выходят публикации на историко-краеведческие темы в зарубежной и российской печати, издаются брошюры и книги. Вот и сейчас, уважаемый читатель, Вы держите в своих руках очередной исторический труд. Его автор Евгений Романов давно и плодотворно разрабатывает историко-краеведческую тематику, особенно касающуюся города Богучара, издал новую книгу.

Здесь под одной обложкой собраны очерки по истории нашего края от времен Булавинского восстания и до наших дней, зарисовки об известных деятелях литературы и искусства, знаменитых на весь мир людях, в чьи биографии так или иначе вошли эпизоды, связанные с Богучаром. Книгу с интересом прочтут все, кто интересуется историей своей малой родины. Большой интерес представляет обилие документальных источников, к которым обращается Евгений Романов – это особенность его творческого стиля.

Книга особенно ценна для тех, кому пригодится по роду своей профессиональной деятельности, и в первую очередь для учителей,

которые могут использовать её на уроках и дополнительных занятиях.

Можно только приветствовать подобные издания, когда укрепляется государственность и патриотизм, растёт роль понимания провинции, когда возрастает интерес молодежи к своему историческому прошлому, народным обычаям и традициям. Проблемам регионального развития и возрождения своей самобытности.

Глава администрации
Богучарского муниципального района
КУЗНЕЦОВ Валерий Васильевич

Автор выражает искреннюю благодарность за
финансирование издания книги и поддержку:
Главе администрации Богучарского муниципального района
КУЗНЕЦОВУ Валерию Васильевичу и учредителю
ООО «Гепар-Авто» КАНИСТРАТЕНКО Алексею Вадимовичу.

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ

Для историков, географов топонимика всегда представляла большой интерес. В последние десятилетия наиболее важным в этой области являются исследования доктора исторических наук, профессора ВГУ В.П. Загоровского. В книгах «О древнем Воронеже» и слове «Воронеж» (1971 г.), «Как возникли названия городов и сел Воронежской области» (1966 г.) и «Историческая топонимика Воронежского края» (1973 г.) он рассматривает историческое развитие в происхождении географических названий в Воронежском крае. В его работах исследуются и названия населенных пунктов Богучарского района. Интересна и работа по географической терминологии Центрального Черноземья воронежского историка – краеведа В.А. Прохорова, который в книге «Надпись на карте» (1977 г.) опубликовал большой историко-топонимический словарь населенных мест Воронежской области. Среди географических названий (топонимов), которые размещены на Богучарщине, в книгах В.П. Загоровского и В.А. Прохорова упоминаются г. Богучар, села Толучеево, Лофицкое, Луговое и др.

Между тем за последние тридцать лет наука накопила много нового в этой области, что значительно обогатило историю, языковедение и географию края. Каждая расшифровка топонимов иногда приводит и к научным открытиям. В основу исследования положена история нашей местности, начиная с периода VIII – XIII веков, ее география (связь с местным рельефом) и, конечно, языковедение. Самым старым памятником топонимики, несомненно, для нашего края являются половецкие и скифские названия наших рек и местности. Это Каразеево (ранее Пасековские Дворики), Толучеево, Богучар и другие. Первые упоминания в русских документах местных рек относятся к XVI веку. Оттуда к нам пришли названия рек Богучар и Толучеева. Переведены они могут быть как тюрко-язычными кочевниками во время татаро – монгольского нашествия, так и в более поздний период. Легко переводится с тюркского языка название села Каразеево. Очевидно, в период заселения этого места половцами слово звучало как «карасе», а уже позже оно дополнилось русским грамматическим суффиксом, обычным в топонимическом образовании России «ево», и стало произноситься как «Каразеево». В переводе с тюркского языка «кара» означает черный (более древний тюркский – «кара» означает

«земля», «се» – ручей, равнина). Действительно, в селе находится родник, который промыл сейчас большой овраг. Раньше он был почти на поверхности. Само поселение на месте села Каразеево появилось значительно позже – в XVIII веке. Его название принесли украинцы, которые пришли на это место из села Пасека. Первоначально село называлось Пасековскими выселками. Отдельные тюркские названия почти не изменились, начиная с 1571 года, когда впервые упоминается Тулучеевский ухжей, река называется Тулучеево, но еще и до этого название менялось. Русские документы XVI века называют реку Тулучеевой, причем так называется и современная речка Толучеевка. Без русского суффикса она называлась, возможно, Толучей или Талачей, что у Э.М. Мурзаева в «Очерках топонимики» объясняется в переводе с тюркского, как плоская равнинная река. Почти то же значение слова «тала» употреблялось и в Индостане, т.е. равнина, а «чай» – русло временной реки. У многих народов существует слово, как правило, «тул» – название местности, к примеру, по-лезгински означающей территорию, земельный участок, равнину, ровный участок в пересеченной местности. Впоследствии село Старотолучеево стало отражать в названии старший возраст села по сравнению с расположенными в Воробьевском районе селами Новотолучеево и Верхнетолучеево. В тюркских языках «тала» – это степь, равнина. Тюркоязычные народы (хазары, печенеги, половцы, татары) называли так речку, текущую от меловых гор по равнине к Дону.

Одна из труднейших задач, которую решали многие ученые, историки, краеведы при изучении названий рек, а следовательно, и города Богучара, не имела достаточно точного и весомого обоснования. Профессор В.П. Загоровский еще в 1966 году в своей книге «Как возникли названия городов и сел Воронежской области» утверждает, что слово «Богучар» сначала звучало как «баурча», что в переводе с тюркского означает «речка, текущая по отлогому склону горы». В.А. Прохоров в книге «Надпись на карте», опираясь на исследования О.И. Трубачева, приводит доказательства, что составная часть «чар» происходит от древнеиракского «двигаться», обоснование же первой части «бау» не дает.

Ранее в книге «Вся Воронежская земля» он опровергает В.П. Загоровского в том, что речка называлась «Баурча», так как это слово нигде не зафиксировано в документах, и нынешнюю реку Богучарку никак нельзя представить в силе горного потока. Здесь же он дает и

такое толкование, что на иракском «баг» – веревка, «учар» – рынок. Это утверждение тоже неверное, так как первое слово «Богучар» появилось как «боучар» (упоминается впервые как название реки в 1595 году), и лишь в конце XVII века в название реки добавляется буква «г». Хотя на всех иностранных картах обозначается как *Voegoehar* или *Voegotzar*. В последних трудах В.П. Загоровский пишет, что слово «Баучар», вероятно, тюркское. Есть и другое толкование. Слово «бугучар» в переводе с монгольского языка означает олень. Охотник на оленей переводится как «бугуч». Почему бугучар? Дело в том, что практически на всех старинных картах XVI – XVII веков река, вотчина обозначена как Бугучар, и нарисованы олени. Подтверждением этого являются и многочисленные документы этого периода, где упоминается Бугучар.

Известно также, что, когда в Монголии жили уйгуры, ханом их государства Хара Балгасуне, был Богучар. Сын названного хана Богучар вступил на престол в 746 году и правил до 759 года, нося титул «хан, правитель страны, ниспосланный небом». Памятник этому хану, высеченный из камня, в настоящее время стоит у истоков реки Могай-гол.

Есть немало других толкований. Можно, к примеру, перевести название как река у холма. И все же это только предположение, точное происхождение слова Бугучар пока не выяснено. Несостоятельно и утверждение отдельных краеведов, связывающих название города Богучар с деятельностью Петра I, приписывая ему основание города, так как река упоминается в 1595 году, а царь проплыл здесь спустя столетие и на берегу реки ночевал 11 сентября 1696 года. Мало того, именно здесь по указанию Петра I был сначала заселен, а потом сожжен казачий городок в 1705 году.

И все же название его тюркское, и пришло оно к нам через века, почти не изменившись. В описании «Об уездах Воронежского наместничества» содержится богатый гидронимический материал, своеобразный каталог водных источников каждого уезда.

О Богучарском крае пишется: «В уезде...1 река Дон и 9 речек. Река Дон выходит из Павловской округи и протекает чрез Богучарский уезд в земли Войска Донского. В него впадают из вершин в сем уезде речки: правая Богучар с вливающимся в нее левым Богучаром, Сухой Донец, Бычок, да входящая из Саратовского наместничества Тулучеева со впадающими в нее из того ж наместничества Кривушиного, да из вершины в Богучарской округе Меловатка, а в нее впадает

выходящая из земель Войска Донского Манина, а в сию из вершины в Богучарской округе Подгорная...»

Э.М. Мурзаев в «Очерках топонимики» объясняет, что специфика как иракоязычного, так и тюркоязычного слова такова, что оно может быть как двухсложным, так и трехсложным, то есть «Ба-уч-ар», а не двухсложным, как предполагалось до этого. В этом слове «ба» означает «большой» или «горный», «уч» – «река» или «вода», «ар» является типичным тюркским суффиксом, который употребляется в случае единого наименования двух речек, стекающих с противоположных сторон одного хребта и сближающихся. Вероятно, поэтому и у притока Богучарки нет названия кроме Левой Богучарки. Кстати, труд Э.М. Мурзаева изучал лично и впервые предположил, что слово Богучар трехсложное. В своем ответе мне воронежский краевед, профессор В.П. Загоровский, которому я изложил свой вариант происхождения названия города, согласился, что данная версия имеет под собой грамотное научное обоснование и имеет место быть. Впоследствии отдельные краеведы публиковали эту версию без ссылки на автора, что недопустимо.

Рядом с Богучаром располагались две слободы Лысогорка и Песковатка. Обычно Лысогоркой называли крутой склон реки с обнаженными подпочвами или коренными породами. Песковатка – это местность, где почвы в основном песчаные.

Развитие топонимики края особенно интенсивно шло в XVIII веке. В начале века в южной части Острогожского уезда становится много поселений. Сюда же прибыли и новые группы переселенцев с Украины. Земли, на которых появились первые населенные пункты по рекам Богучар и Толучеевой, были в 1710 году отданы Богучарской сотне Острогожского полка. Большинство возникающих слобод и хуторов на территории будущего Богучарского уезда получили имена, фамилии, должности казаков и старшин Богучарской сотни. Прежде всего это такие фамильные хутора первопоселенцев, как Твердохлебов – казака Леонтия Твердохлебова, Красноженов – казака Демьяна и Ивана Красноженовых (затем Радченское), Данцевка – казака Ильи Данцева, Дубовиково – крестьянина Ивана Дубовикова, Расковка – украинского переселенца Якова Раскова. Несколько позже, в середине XVIII века, появились слободы первопоселенцев с фамилиями казаков и впоследствии войсковых обывателей: Гадючин, Загребайлов (новое название Луговое получил в 1959 году), Дядин (на картах

XVIII века обозначался как Дедин), Галиев (первое название хутор Мараховский), Дьяченков (на картах XVIII века обозначался как Дьячков), и др.

Как писал историк-краевед Г.Г. Ткачёв в «Воронежских губернских ведомостях» в 1864 году, «...население более и более возрастало и являлись еще новые поселенцы, что первоначально населенные пункты или слободы были слишком многочисленны и малороссы стали уходить из селений в степь». Так образовались хутора, тоже названные по первопоселенцам: Кравцов, Степанков (ныне Лебединка), Малеванный, а также более крупные, основанные помещиками, приказчиками. Сначала хутор, где разместила своих крепостных крестьян Варвара Пушкарева назывался Шубинкой, затем Пушкаревкой, впоследствии Варваровкой по имени помещицы. Хутор Харин и Новохариново (с 1844 года – Шуриновка) возник в конце XVIII века, назывался Новохариново по имени владельца, титулярного советника – Харина Платона Стефановича. Особенно много новых названий на карте появилось после 1906 года (в период Столыпинской реформы). Это названия таких хуторов и сел, как Хрипун, Ново-Никольское, Марьевка.

Интересно, что отдельные села в своем образовании обязаны Донецкому Успенскому монастырю. Именно крестьяне, принадлежавшие этому монастырю, поселились в селах Абросимово (впервые Абросимовский караул упоминается в государевой отписке за 1645 год. По всей видимости, казак Абросимов был здесь в карауле), Донецкое (Монастырщина), Пасека (название по находившейся здесь пасеке монастыря), Архангельское (название церковное), Сухой Донец (название по пересохшему руслу реки). Терешкин караул, перелаз и пристань, село Терешково получили свое название еще в XVI веке. Интересно, что в Сухом Донце есть Попелушный яр, который расположен в юго-восточной части села. В яру находится глина рассыпчатая попелушного цвета. Говорят, яр назван по цвету глины. К селу подходит и другой яр – Дегтярный. По легенде, разбойники вылили в яр деготь с ограбленного на дороге в верховьях яра купеческого обоза. Аналогично получило свое название село Красногоровка, по известному красногорью и крутым красноглиняным донским берегам. Хотя местные жители предпочитают происхождение названия по большому количеству красных тюльпанов Шренка, которые покрывали всю гору у Дона весной.

Есть предположение, что хутор Голый при яре Голом получил свое название по месту стоянки атамана Голого, который с Кондратием Булавиным участвовал в восстании казаков. Впоследствии он стал хутором Степным.

Село Полтавка или сначала хутор Полтавский получил свое название по первопоселенцу Семену Полтавскому. Недалеко от села Монастырщина расположена Арсенова (Попасная балка) гора. Называют ее по имени дьячка Арсена, который изготовил крылья, забрался на гору, хотел полететь, да только разбился. С тех пор гору прозвали Арсенова. В селе Пасека была расположена Яшина мельница, названная по имени хозяина Якова. В его доме находится Монастырщинская участковая больница. Старожилы еще помнят дочь Якова – Капитолину Яковлевну, богатую и богомольную, 1892 года рождения. Рядом, в селе Сухой Донец, действующая Яграница мельница названа по имени хозяина – Яграни. Говорят, что каменная мельница строилась по проекту немецкого инженера.

Многие названия сел и хуторов уезда произошли от связи с местным рельефом, особенностями местности. К ним, в частности, относится село Журавка. Российский натуралист Самуэль Готлиб Гмелин, проплывая в XVIII веке мимо, записал в путевом журнале: «место, на коем оно построено, славно было потому, что там водились во множестве журавли и вили себе гнезда, от коих оно и имя себе получило». Село Лебединка получило свое название уже в XIX веке. Название хутора Степанков было заменено на Лебединку из-за большого количества лебедей, которые гнездились в пойме притоки реки Левая Богучарка.

Наиболее устойчивыми оказались имена водных объектов и произошедшие от них гидронимы. Это Криница, Белый Колодезь, Лиман, Залиман. Последнее село образовано в 1720 году жителями слободы Богучар, жившими на острове, а затем перешедшими «за лиман». Некоторые названия произошли от особенностей речного русла. Например, Плесновка от слова, означающего плес – «речной изгиб», когда-то протекающей протоки у хутора. В селе Белая горка есть местность, называемая Омелькины бахчи. По легенде Емеля посадил здесь бахчу. Когда жители пригласили его на свадьбу, которая продолжалась три дня, бахчу «обнесли». Большая часть дынь и арбузов была съедена на свадьбе. Это поле и прозвали «Омелькины бахчи». По большому количеству комаров получил свое название

хутор Комаривка. Первоначальное название хутор Свинухи (по гранитным выступам у берега Дона, на месте, где сейчас расположен гранитный карьер), затем хутор Свинюхи, современное название Тихий Дон. К сожалению, отдельные слова, в частности в период 1930–1950-х годов, были переименованы необдуманно. Загребайловка (название по фамилии казака Загребайлова, потомки которого стали помещиками) в 1950 году переименована в Луговое.

У села Белая Горка есть поле, где расположены Дмитриевы колодезя. Жители утверждают, что там было пять или шесть колодезей хозяина по имени Дмитрий. Надо сказать, что были попытки также переименовать город Богучар. На III съезде богучарских партизан было даже принято постановление о переименовании города, так как он носит название контрреволюционное: «Бог» и «Чара». Предлагалось назвать его Радченск, но все же решили переименовать только село Красноженово и назвали его Радченским. Было это в 1930-х годах.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ БОГУЧАРА

«В некотором царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха». Решил старик ее похоронить, да денег нет. Пошел старик к попу деньги просить. Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!» – «Что делать, – думает старик, – пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал–копал и выкопал котелок, глянул – а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе, господи! Будет на что и похоронить, и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой...». Так записал народную сказку «Клад» всемирно известный богучарский сказочник А.Н. Афанасьев. Финал этой сказки печален. Клад удачи не принес. И действительно, как только в стране наступает общественное бедствие, народная месть вызывает суровые казни, сожжения, потопления и зарывание в землю. Появлялись колдуны, ведьмы, прорицатели. Однажды мне довелось беседовать с одним нумизматом, который имел внушительную коллекцию золотых и серебряных монет. Уезжая навсегда из города Богучара, он невзначай сказал: «Да вот никто из детей не хочет заниматься нумизматикой, придется свою коллекцию оставить в Богучаре и зарыть ее в землю, когда-то найдут клад». Как говорится в русской пословице: «Без хозяина деньги-черепки». Природа кладов, сокровищ настолько таинственна, что есть большой соблазн, по естественным причинам, устремиться на их поиск. Не спешите! В народе утверждают, что их надежно охраняют сторожа. Не верите?

В семи верстах от Богучара есть большой земляной вал. «Под праздник Воскресения в одном месте вала каждый год горит свеча. Один смельчак, убежденный, что там непременно должен быть клад, решил, во что бы то ни стало достать его. Взяв с собой заступ и необходимые вещи, он отправился туда. Как только пришел к месту, где горела свеча, он увидел себя окруженным со всех сторон страшными чудовищами огромного роста. Они спросили: «Ты зачем сюда пришел? Мы поставлены сторожами, и знай, что тебе не удастся овладеть сокровищами». Страх овладел смельчаком, он сделался несчастной

жертвой чудовищ и собственной смелости». Это отрывок из статьи богучарского краеведа XIX в. Г.Г. Ткачева, помещенной в Воронежской газете в 1865 г. Место это хорошо видно со скифского кургана, который расположен к северу от села Залиман, называемое местными жителями «могила». Недалеко от него стояла ветряная мельница Харитона Бурлуцкого. Как бы то ни было, но данный клад был найден в конце 80-х начале 90-х гг. XX в. В нем содержались роскошные одежды, прошитые золотыми нитями, золотые украшения, серебряные чаши – пиалы, пояс, украшенный серебряными с позолотами бляшками. Курганная группа, в которой были найдены эти сокровища, принадлежала погребению бронзы и скифского времени V – IV вв. до нашей эры. В одном из них были захоронены представители Золотоордынской знати XII – XIV веков. Согласно исследованиям В.Д. Березуцкого, аналогичные погребения были обнаружены в землях Алтая и Тувы, возможно, данные люди пришли сюда вместе с монголами. Один из археологов, который нашел эти сокровища, стал «жертвой чудовищ», вскоре неожиданно погиб.

Существует крылатая фраза – «Зарыть талант в землю». «Талант» с греческого и латинского переводится как вес. Одно из многочисленных поручений Иисуса сводилось к тому, что некий человек, уезжая, оставил рабам своим деньги на хранение: одному пять талантов серебра, другому – два таланта, третьему – один талант. Первые двое пустили таланты в оборот и получили прибыль. А третий «пошел и спрятал серебро господина своего, закопав его в землю»¹, за что и был наказан. И еще крылатая фраза: «За найденный клад должна быть отдана одна человеческая жизнь». Каждому знакомо выражение: «Класть деньги в кубышку». Действительно, в глубокой древности деньги прятали в кубышку, небольшой глиняный горшочек, который наполняли золотыми, серебряными монетами и драгоценными камнями, а потом прятали. Искали место, высокий холм, пещеру, старое крепкое здание, дерево, как правило, дуб или грушу, а возможно, и высокий речной берег.

В народе говорят: «Деньги счет любят». Как правило, и место, а также сохранность. На Руси лучше всего деньги сохраняла земля. Гончары изготавливали специальные горшочки и кувшинчики для скромных кладов. Зарывали их в землю, если внезапно приходи-

¹ Евангелие от Матфея. Глава 25.

ли «враги», «лихие люди», а иногда и просто от «чужого сглазу». Во время войн количество кладов возрастало. Увы, умерший, убитый или угнанный в неволю владелец клада уносил с собой и его тайну. Волшебное таинство клада, мгновенное обогащение за счет этого закладывается в нашем сознании с детства. Неожиданное известие из земли, взять хотя бы детские игры. Написал записку, спрятал ее в бутылку, зарыл в землю и установил срок, описание клада и как найти, а кто-то должен найти по описанию. Знаменитые детские страшилки о черной руке, которая хранится в сундуке или знаменитый стих А.С. Пушкина:

*У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом.*

А раскопки Меркулова кургана у Михаила Шолохова в «Тихом Доне»². Не говоря уже о знаменитом романе А. Дюма, который прочитал практически каждый подросток, «Граф Монте-Кристо».

Клады бывают разные: эпохи каменного и бронзового века, хазарские и скифские, купеческие и казацкие, разбойничьи и трудовые. Существует поверье, что тот, кто сумеет найти цветущий папоротник, станет богатым и мудрым. И еще цветущий папоротник может открывать места, где зарыты клады.

Жителям с. Подколодновка знаком клад, спрятанный мельником возле одной из многочисленных мельниц XIX века. Клад был зарыт в период революционных потрясений и гражданской войны.

В 30–40-х гг. XX века в село вернулся старый мельник.

Приехал он не один, а в сопровождении родственников: детей и внуков. Зашел в сельский совет и сказал, что оставил возле мельницы, в месте, известном только ему, клад. По договоренности с властью ка-

² Стал быть, батя говорит: «Давай, Христан, раскопаем Меркулов курган». От деда слышал он, что в нем зарытый клад. А клад, стал быть, не каждому в руки дается. Батя сулил богу: отдашь, мол, клад – церкву прекрасную выстрою. ... Вырыли яму аршина в два, земля – чисто каменная, захрясла от давности. ... И дорылся он до каменной плиты. Кличет меня. Я, стал быть, подовздел ломом, поднял эту плиту... Верите, братцы, ночь месячная была, а под плитой так и блеснит...

ждому из родственников мельника должен был достаться один золотой червонец. В месте, показанном мельником, нашли кубышку с золотыми червонцами. Родственники получили обещанные червонцы, остальное сдали в милицию. И с миром разошлись.

Клады бывают не только золотые. Бывают и пьяные. Еще до революции в 1913 году, купец, проживающий в доме № 9 по улице Дворянской, решил расчистить подвал, который во время наводнения заилило. Как рассказывал В.Н. Пушкарев, они с товарищами взялись за работу и начали расчищать. Вдруг под лопатой раздался скрип по стеклу, и вскоре показались бутылки. Всего было выкопано более 200. Когда открыли одну бутылку, то обнаружили, что в ней вино. Сообщили хозяину дома, тот ничего об этом не знал и был приятно удивлен. Несколько бутылок работники украли и выпили. Долго еще вспоминал Пушкарев, что после выпитого голова была «светлая», а встать на ноги и идти домой не мог.

Интересна история с кладом, найденным в 50-х гг. XX века в подсобке с химическими реактивами богучарской аптеки, расположенной на улице Дзержинского в доме № 32. Здесь при ремонте бетонных полов был найден кувшин с серебряными и золотыми монетами. По городу ходили слухи, что на эти деньги была построена богучарская больница. В действительности, это только разговоры, клад был сдан государству. Аналогично, в городе Богучаре, на улице Театральной в доме, где было расположено РСУ, при расчистке старых конюшен, был найден кувшин с золотыми червонцами и серебряными монетами. Около 800 серебряных монет было найдено во дворе дома № 14 на улице Кирова. Ребята разбирали старый сарай, как вдруг на чердаке было найдено ведро, которое поднять было очень трудно.

Когда спустили ведро вниз, оно оказалось доверху набито «никлаевскими» рублями и «полтинниками». В этом доме, как удалось выяснить в 20–30-е годы XX века, жил работник НКВД. Возможно, это деньги какого-то купца. Как рассказывала Инна Щербань, она жила в доме № 11 по ул. Театральная. В 70-е годы в доме № 13 ЖЭК делал капитальный ремонт, полностью сносили старую постройку, обновляли фундамент и строили новое здание. До революции дом принадлежал одному из купцов. При раскопке фундамента нашли клад – в глиняном горшке лежали серебряные монеты. Смотреть можно было всем желающим, потом эти серебряники кто-то забрал. Ценности эти монеты тогда не представляли.

При исследовании кургана под руководством А.Т. Синюка у села Вервековка была найдена серебряная монета времен Золотой орды XII – XIV веков. Данная монета считается старейшей из найденных на территории Богучарского края. У древних греков мелкую монету клали в рот умершего человека. Этот обычай называли «обол мертвых». Обол предназначался для платы Харону – перевозчику душ умерших через реку подземного царства. Такой обычай сохранился и в средние века, да и в наше время, поэтому в могилах и курганах, часто находят только одну монету, будь это итальянец или русский.

Такая монета, достоинством одна копейка 1830 года, была найдена в одной из могил в селе Филоново, когда к школе³ подводили водопровод. У села Монастырщина в 70-х годах XX века найдены монеты, от которых пошло название «копейка». На одной стороне такой монеты чеканилось имя царя, при котором она выпущена, на другой – герб, изображающий всадника с копьем⁴. Поступи эти монеты в музей, была бы доказана гипотеза, что казацкая станица, действительно, была заселена Мещерскими казаками еще в XV веке, но, к сожалению, они разошлись по нумизматам.

Несколько слов о монетах из богучарских кладов и «черных копателях». В коллекциях богучарских нумизматов хранится много монет времен Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II. В основном, распространены монеты Елизаветы Петровны периода 1741 по 1761 гг., а также монеты Екатерины II периода 1762 по 1796 гг. В основном, это «пятаки». Внешне они отличаются только вензелем. Так, монеты Елизаветы Петровны отличаются симметричным вензелем, прозванным в народе «решетом». Подбрасывая монету, гадали, как она упадет: «копьем аль решкой», «орлом или решкой». Возможно, именно отсюда пошло название «орел» и «решка».

Много «потрудились» копатели в районе старой базарной площади, что за «маленьким мостиком». В частности, там была найдена польская монета один злотый 1838 года и две свинцовые пломбы, на которых выдавлено «Лодзь», находили и монеты грузинские номиналом одна бисти 1810 года. Дело в том, что в обращении в России

³ Филоновская средняя школа была построена на старом кладбище.

⁴ Серебряный слиток весом 294 грамма, переплавляли в проволоку и рубили на 200 кусочков, а затем штамповали. Их еще называют «чешуйками», так как по внешнему виду они напоминают чешую рыбы.

находились особые русско-польские монеты, а польские два гроша приравнивались к русской копейке, название «грош» в обиходе было перенесено на полукопеечную монету.

Грошом в России окрестили монету номиналом две копейки. Существует крылатая фраза: «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Алтын на татарском «шесть». В старину алтын приравнивался к шести деньгам. С 1704 года ненадолго получила материальное воплощение эта монета с надписью «алтын», «алтынник». В народе монету достоинством 15 копеек называли «пятиалтынник». На ярмарку в город Богучар приезжали из Саратовской, Астраханской, Киевской, Новгородской губерний. Возможно, был польский и грузинский товар, а соответственно грузины⁵ и поляки.

По одной монете можно многое установить, взять хотя бы монету, найденную Новиковым Н.Л. в селе Дубрава. Большая серебряная монета: номинал – куруш султана Мустафы III, чеканилась в Исламабаде (Константинополь), ориентировочно в 1766 – 1767 годах.

В начале 80-х годов в селе Терешково при расчистке свинарника, расположенного на берегу Дона, был найден клад с серебряными монетами в глиняном кувшине. Как утверждали очевидцы, это были «Кати» и «Пети» периода правления Петра Великого, Елизаветы Петровны и Екатерины II и талеры всего около ста монет отличной сохранности, видно, что только отчеканены. Этот клад был сдан в милицию, конечно, после того как там побывали нумизматы. Часть монет «осела» в их коллекции. Кстати, трагически погиб участковый милиционер, который занимался доставкой коллекции в милицию, разбившись на мотоцикле в районе «Красного моста».

Известен терешковским мальчишкам найденный ими клад в 1975 году. Дети, играя на крутом донском берегу в 200-х метрах от села, увидели круглую дырочку, раскопали; там был бронзовый кувшинчик с орнаментом в виде ромбов и круглыми выпуклостями в центре, а так же топор – кельт, он и поныне хранится у одного из них. После мальчишек там побывали археологи. Клад эпохи бронзы, как потом написали ученые-археологи, состоял из семи предметов: два топора – кельта, три серпа – косаря и нож – «бритва». находка хранится в Воронежском краеведческом музее. Клад датируется II тысячелетием до нашей эры.

⁵ Был у нас в Богучаре на рынке в 60-е годы XX века один грузин, торговал вином, возможно, и тогда вино продавали на разлив.

В одной из коллекций нумизмата из села Терешкова доводилось видеть даже талеры периода царствования Петра Великого.

Клад найти просто: бери лопату и копай, а иногда он просто лежит на поверхности. К сожалению, «черные копатели» не знают или чувство мгновенного обогащения затмевает разум, о том, что отсутствие одной монеты или вещи из клада существенно изменяет его значение. Клады, поступающие в музей целиком, представляют огромную ценность. Множество монет было изъято из земли «черными копателями» в последнее время и продано на рынках Богучара, Лосева, Павловска, Калача, Воронежа.

Так, в 2003 году в Богучарском районе был найден небольшой клад. Это – пятикопеечные медные монеты времен правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. В 2005 году найден клад в 60 серебряных монет. В составе клада только рубли. Период чеканки монет, начиная с 1721 года, заканчивая 1777 годом. В 2008 году поднят клад серебряных монет около 40 штук в районе села Старо-Толучеево. Ни одна из них не поступила в Богучарский краеведческий музей. Примеров много.

Как рассказывают жители села Монастырщина, много серебряных монет периода Золотой орды, крестиков, мечей и ятаганов было выкопано в районе Селища⁶ в период первого десятилетия XXI века. В одном месте, практически на одном квадратном метре, было найдено пять нательных крестов. Возможно, это место казни казаков Донецкой станицы. Тут летели буйные головушки, а кресты падали на землю.

Здесь же была обнаружена часть царской казны, которую вез полковник Бильс в Азов. Казаки Донецкой станицы встретили Бильса с почестями, но как только он отплыл за поворот, был ограблен. Денежная казна по архивным данным была в 2000 рублей. Каждому из нападавших, а их было около 100 человек, досталось по два рубля с гривной, атаману Никите Колычеву в десять раз больше – 21 рубль. Таким образом, при дележе он получил 21 рубль. В 2008 г. экспедиция кладоискателей из трех человек вышла на Донецкий городок. Место

⁶ На этом месте, как рассказывали жители села Монастырщина, в XIX в. жили Мамаи, и стоял шатер их хана Мамаю. Его еще называют Княжьим. Здесь стояли войска князя Долгорукого, и была грандиозная битва с казаками казацкой станицы Донецкой.

это красивое. Когда в мае 1696 г. Петр I проплывал мимо городка, еще был разлив. Поэтому часто в документах упоминается, что городок на острове. Действительно, с юго-востока от городка было озеро Кривое, с севера казаки прорыли канал. С запада подступала река Дон. Было найдено несколько ядер, ведро пуль свинцовых, керамики, а на глубине 40 сантиметров была найдена кубышка. В глиняном горшке оказались 2100 монет петровской «чешуи», как раз на 21 рубль. По всей видимости, это была доля атаманов Микулы и Никиты Кольчевых. Говорят, что был найден еще один клад чешуи россыпью и несколько монет Золотой орды. Частично об этом писалось в 2009 году в статье «Дети подземелья» в воронежской газете «Мое».⁷ Кладоискатель Николай Скок описывает, как он искал клад. В действительности, место клада было найдено богучарцем В.П. Фурсовым еще в 2008 г. В 2010 г. в районе бывшего монастыря у села Монастырщина проводились раскопки, рассказывают, что еще раньше там находили глиняный кувшин с золотом, как будто бы спрятанный еще служителями монастыря. Там же был найден и кувшин с серебряными «крестовиками», талерами. Клад, к сожалению, разошелся по жителям села. Где-то в селе Монастырщина хранится и золото, награбленное разбойником Чекушей в годы Гражданской войны. Один из служителей Богучарской тюрьмы рассказывал, что когда Чекушу арестовали, то сначала содержали в Богучарской тюрьме. После вынесения приговора повели на расстрел. Ямы, как правило, копали сами, и в одну яму хоронили по пять – шесть человек. Так получилось, что после расстрела Чекуши ушли за следующей партией, а яму еще не засыпали. Чекуша остался жив, в одном нижнем белье он побежал к с. Полтавка, но вскоре был схвачен и расстрелян повторно. Надзиратель рассказывал, что кому-то из родственников Чекуша рассказал, где спрятал золото.

Вернемся ккладам города Богучара. Помню из детства, в 1966 году, когда был очевидцем найденного клада купца Селиверстова. В городе достраивалось здание Богучарской типографии, его восточная часть.

Вдруг по Богучару разнеслась весть – нашли клад серебряных и золотых монет. Как рассказывали богучарцы, двое мальчишек, Чернов Петр и Котов Вовка из соседнего дома наблюдали, как тракторист грузил на машину землю из котлована. Вдруг из ковша вместе с землей по-

⁷ Газета «Мое». – Воронеж, 1 декабря 2009 год.

сыпался «золотой дождь» из раздавленного деревянного ларца. Тракторист Емельян Понамарев выкопал и выбросил в отвал клад золотых и серебряных монет, а потом тракторист с землей в ковше и водитель автомобиля сразу пустились «наутек». Как рассказывал один из мальчишек того времени, который тоже спускался в котлован: «Золотые десятирублевые червонцы, которыми он набил оба кармана, штук сто, отлично летели из рогатки по воробьям». Еще двое мальчишек тоже залезли в котлован и стали собирать монеты. За всей этой историей наблюдал из окна типографии Н.П. Анников, который сразу сообщил об увиденном в милицию. Котлован сразу же «оцепили». Шофера и экскаваторщика быстро поймали, землю просеяли.

Всю ночь возле котлована дежурила милиция, толпились люди. Утром на месте найденного клада толпились мальчишки. В центре котлована стоял представитель из Москвы. В руках он держал бумажный кулек, свернутый наспех, и в него бросали найденные в земле золотые и серебряные монеты.

Это были золотые червонцы – золотые монеты номиналом в 5 рублей, 7 рублей 50 копеек, 15 рублей и 37 рублей 50 копеек,⁸ а также серебряные «николаевские» рубли и полтинники. Всего было сдано в местное отделение госбанка 235 золотых червонцев « нарицательной стоимостью 1470 рублей».⁹ По нынешнему курсу 2011 года – на сумму более двух миллионов 300 тысяч рублей. Более 600 монет «ушло на сторону». У богучарцев появились золотые зубы, сережки, перстни и новые автомобили. Своими рабочими местами поплатились не только коммунисты.

Из рассказа одного из «старожилов» города Юрия Вострухина удалось узнать, что клады находили в Богучаре и в других местах. Они не отражались в архивах, и деньги, найденные в них, не сдавались в банк. Один из таких кладов был найден в 60-ые годы при строительстве дома по улице Ленина, № 2. При рытье котлована он лично не присутствовал, но уже значительно позже люди находили на этом месте мелкие серебряные монеты. Кое-кто из мальцов, как рассказы-

⁸ 37 рублей 50 копеек выпущена в 1902 году. Или, если быть точнее, 100 франков. 100 франков – очень красивая, редкая и дорогая монета. Благодаря своему номиналу монета считается нонсенсом монетной системы Российской империи.

⁹ Газета «Молодой Коммунар». – Воронеж, 16 октября 1966 год. – СС. 1 - 2.

вал Ю. Вострухин, имел значительные личные собрания монет из серебра и отдельные золотые из этого клада, что говорить о взрослых, участвовавших в строительстве этого дома?! И еще интересный факт – после демонтажа старых массивных входных дверей в здании администрации района уже в 70-е годы нашли накладную времен строительства здания и золотой червонец.

Как удалось узнать мне из архива, в квартале, где стоят здания женской гимназии, «пожарки» и нынешнего «Эльдорадо», хранится в подземных ходах клад Богучарского собора. По рассказу директора Богучарской средней школы № 1 С.Т. Сергуткина, однажды в школу привезли краску. На автомобиле было около десяти 200-литровых бочек. Когда автомобиль стал разворачиваться в школьном дворе, то неожиданно задние колеса его провалились под землю. Осмотр провала показал, что под землей находится ход со сводами, выложенными из кирпичей. Аналогичный ход вел и в сторону собора, куда по сей день сливается канализация из здания бывшей женской гимназии.

Как рассказывают очевидцы, подземные ходы Богучарского собора ведут и в здание «Эльдорадо», и к зданию нынешнего краеведческого музея, и даже через улицу Халтурина в селе Залиман (в районе котельной богучарской районной больницы), в сторону Галиевских пещер. И это не «байка». Подтверждение этому есть. Во-первых, на улице Халтурина стоит дом, в котором жила старая учительница. У нее был во дворе погреб, в котором почти как в известной сказке «Золотой ключик, или Буратино», есть потайная железная дверь, которая открывает вход в подземелье. Во-вторых, в конце 70-х годов XX в. рабочие МПМК 897 достраивали здание райкома партии на месте, где стоял дом самого богатого купца Куранова. Во дворе райкома партии еще с 50-х годов стоял туалет, как раз напротив подземного хода, и все нечистоты уходили в подземелье. Рабочими был обнаружен вход в подземелье, но его засыпали. Сейчас в это место уходит вода из «ливневки» внутренней части здания в подземелье. Возможно, где-то рядом с памятником В.И. Ленину остался и клад купца Куранова.

Был и еще один случай, на месте продолжения подземного хода из Богучарского собора и соединения его с Рождественско – Богородицкой церковью. Это произошло уже в начале 80-х годов XX века. На провальное место возле церкви сразу же устремились кладоискатели, захватив с собой кирку и лопату, но поздно. Когда пришли на место, там уже стоял бульдозер и все партийное начальство во главе с первым

секретарем райкома КПСС. Как потом рассказывали, ход засыпали и ничего не нашли. Вообще вход в подземелье находился в церкви под алтарем и многие кладоискатели 70-х годов XX века копали в церкви.

Практически под каждой церковью остались подземные ходы, и в них по сей день хранятся богучарские сокровища. В начале 60-х годов XX века, когда разбирали церковь в селе Полтавка, бульдозерист «вывернул» из земли кувшин с золотыми монетами.

Золотые червонцы быстро разошлись по жителям села. Село Полтавка в основном заселено выходцами из Украины, народ добрый, прижимистый, в обиду не дадут. Долго потом участковый милиционер собирал эти червонцы по домам. А закончилась сказка о кладе так: «Слушай, старик! – говорит поп. – От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал – думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил!» Глянул старик в окно – торчат козлиные рога с бороною: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! – думает старик. – Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!»

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой. Воротился. «Ну, – говорит, – деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал».

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать – как польется кровь, как заорет он: «Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!» Начнет она пороть в ином месте – то же самое! Крутом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли – нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, господь покарал за великую жадность!»

РЫЖКИНА БАЛКА И ЗОЛОТОЙ ШЕЛОМ

Легенду о знаменитой Рыжкиной балке впервые услышал от стариков из сел Монастырщина и Сухой Донец, а затем уже от богучарских краеведов. Впоследствии в Воронежском государственном архиве и архивах Богучарского краеведческого музея в трудах краеведов и летописцев XIV и XIX веков удалось найти и некоторые документальные подтверждения увлекательных рассказов.

По утверждению диакона Игнатия, который проплывал в 1389 году через весь Придонской край, «кругом была одна пустыня, не видно было там ни города, ни села, а бывшие древние города прекрасными и красивыми на видных местах, пuste ж все и не населено». То есть в южной части Богучарского края, что подтверждается и историком А.П. Беляевым, стояли пустые половецкие, а, возможно, еще хазарские города. Историк и краевед Беляев даже указывает их предположительные названия: Балин, Чехлоев. По мнению некоторых ученых, пределы Богучарского края в XII веке были густо населены. По берегу Дона в XII – XIV веках существовала крупная и развитая в экономическом отношении область под названием Червленьый Яр – с селами, городами и монастырями. Через нее пролегли кратчайшие торговые пути из стран Востока в Киев и Волжскую Булгарию, в Ростово-Суздальское княжество и Рязань, а оттуда – в далекий Новгород. В период татаро-монгольского ига Червленьый Яр входил, возможно, в состав Синей Орды.

Достаточно сказать, что в 1997 году отряд археологической экспедиции ВГПУ по правому берегу Дона от с. Красногоровки до с. Абросимово нашел восемь археологических памятников. Среди них два городища, два курганных могильника, два одиночных кургана, одна стоянка и одно место нахождения керамики эпохи бронзы. Учеными было установлено, что протяженность «турецкого вала» составляет 540 метров, «с юга городище укреплено валом и рвом». Сейчас через вход в городище проходит дорога из с. Красногоровка на Рыжкин кордон. Об этом знаменитом вале и серебряном колодце рассказывали и жители с. Красногоровка.

Писатель-этнограф Г.Г. Ткачев писал об этих местах: «От татар кроме курганов еще остались два колодца: один в яру, около слободы Колесниковки, не обделанный и называется Криницей; другой верстах в пяти от сл. Красногоровки на высокой горе, на дне круглой ямы. Последний очень неглубок, – воды в нем всего на три аршина;

как все здешние колодцы, внутри он выложен камнем; наверху дубовый сруб, но без «журавля».

С преданием об остатке этого колодца от татар у красногоровцев соединен еще религиозный обычай: каждый год весной освящать в этом колодце воду, вследствие того, что будто бы если не освятить в нем весной воду, то в этот год будет неурожай и засуха. В народе говорят, что Красногоровский колодец серебряный и лечит от бесплодия. Ближе к реке Дон в том же месте есть еще один колодец, считается, что из него есть выход к реке и в нем лежит клад.

Именно в этом городище и находился когда-то, по утверждению жителей с. Сухой Донец, в частности, моего отца Романова П.И., то ли турецкий, то ли хазарский дворец. Еще до войны, как рассказывал отец, он видел тесанные из камня арочные ворота, которые еще его дед называл «железные ворота». А за ними площадка 40 на 40 метров, вымощенная камнем. Говорили, что стены дворца разобрали на фундаменты домов, в частности на фундамент больницы в с. Монастырщина. Здесь также находили искривленные мечи длиной с руку.

Известно, что местный краевед-поисковик Н.Л. Новиков нашел на площади городища фрагмент каменной колонны из серого песчаника длиной 40 сантиметров. Под прямоугольником вокруг колонны расположены окрашенные синей краской треугольники вершинами вниз. То, что здесь жили «агаряне», подтверждается и изысканиями XIX века краеведа Г.Г. Ткачева в его описаниях края: «В народе тоже долго ходили предания о Донском походе и предания собственно о герое похода Мономахе, как он пил Дон золотым шлемом, как загнал окаянных агарян за «железные ворота». Шелом (шлем) – это воинский головной убор с высокой колоколовидной тульей и длинным шпилем на вершине. Шлемы богатых воинов отделявались серебром и золотом, а иногда были целиком позолоченные. В древнерусских сказаниях о шлемах говорится в поэтической форме: «Сядем, братие, на свои борзи комони, испием, братие, шеломом своим воды быстрого Дона, испытыем мечи свои булатные...»

Где же это место древних городов, золотых шеломов и железных ворот? Как утверждает легенда, это и есть район Рыжкиной балки. Возможно, именно здесь Мономах убил на охоте последнего богучарского льва. «Верстах в семи от села Красногоровка находится Рыжкина балка – луг, окаймленный с трех сторон в виде полукруга рекой

Доном, с четвертой стороны замыкаемой возвышенностью, которая служит как бы хордою дуги, образуемой рекой Дон.

Г.Г. Ткачев пишет: «Все почти жители Богучарского уезда говорят, что когда-то, очень давно, на месте этого уезда жили мамаи; некоторые из жителей указывают даже место на левом берегу Дона, против села Монастырщины, называемого Селищем, где жили мамаи. В селе Монастырщине говорят, что мамаи жили до потопа и пришли издалека. Потом, по рассказам, мамаи куда-то исчезли и на место их явились корсаки, киргизы, татары, хапуны и калмыки».

По словам одного из «черных» кладоискателей, летом и осенью 2010 года на этом месте были найдены серебряные монеты времен татаро-монгольского ига, мечи, крестики, медные монеты времен Петра I, наконечники стрел. По описанию дьякона Попова Н.А., рассказанному воронежскому краеведу Е. Маркову в конце XIX века, еще и до 1861 года вдоль реки Богучарки и реки Дона от Казанского перелаз до Белого затона (с. Верхний Мамон) стояли большей частью дремучие дубовые леса, «... по Дону солнца, бывало, до полудня не увидишь». «Это место очень живописно, оно имеет в окружности около трех верст, на нем много кустарников. На одном конце возвышенности или хорды находятся два кургана из цельного камня, называемого Вальковым, а на другом – неглубокий Скрынников байрак (яр, покрытый мелким лесом), за которым следует довольно высокая гора. От Вальковых курганов до Скрынникова байрака идет ров глубиною аршина три и такой же высоты вал. И тот и другой пересекаются площадкой «для ворот», этот вал был укреплением балки, как говорит народ», – отмечали изыскатели. Где-то в этом районе, возможно, и находился город скифов или хазар, а может, половцев или татар. Н.Л. Новиковым здесь был обнаружен наконечник стрелы, который, по утверждению ученого-археолога А.П. Медведева, был распространен в Монголии в XIII – XIV веке. Аналогичные наконечники найдены также в столице Чингисхана-Каракоруме.

Одно появление красных шапок у богучарцев напоминало о рыжих татарах.

Г.Г. Ткачев писал: «О набегах татар в устах веселых стариков сохранился следующий анекдот. Однажды жители одного из окрестных богучарских хуторов, кажется, Раскова, в настоящее время слободы, увидели, что из высокой травы показываются часто красныя верхушки шапок, похожих на татарския. Хуторяне, думая, что татары ждут

ночи, чтобы сделать нападение, переполошились и почти все бросились в Богучар, делая на пути тоже тревогу. В Богучаре собралось очень много людей и приготовились к защите и даже стреляли, но дня два неприятель не показывался, тогда богучарцы сделали вылазку... Но каково было их удивление, когда они вместо татар увидели вполне распустившиеся большие красные цветы одного растения, будяка, которых в тихую погоду за высокой травой было не видно, но когда был маленький ветерок, то трава наклонялась, а растение, имея негибкий стебель, стояло покойно. А как трава постоянно то подымалась, то опускалась, то очень легко можно было вообразить богучарцам, что это выглядывают красные верхушки шапок».

Место района Рыжкиной балки издавна вызывало страх у жителей. Оно было связано с понятием о разбойнике Рыжке, который жил в этих местах на рубеже XVII – XVIII веков. В различных воспоминаниях говорится, что «у народа соединено и понятие о страшном колдуне, знакомом черту. Так, например, его пулей нельзя застрелить, цепью заковать, потому что он знает заговор и заклятие, а его можно застрелить золотой пуговицей, удержать, только связав веревкой, потому что от этого нет заговора. Даже нельзя наказать, если он не захочет, потому что были случаи, как при всех на эшафот клали и привязывали к кобылке разбойника, а через несколько минут он стоял около кобылки, а палач сек не его, а кобылку». По словам предания, Рыжка с большой шайкой останавливал идущие по Дону каторги и барки цепью, перетянутой через весь Дон. К тому преданию добавилось в XIX веке утверждение о том, что «... москали и французы и теперь говорят: «Пойдем к Рыжину выручать дедов брыль (шляпу)». На берегу Дона, у Рыжкина кордона, рядом с городищем и поныне существует полуразрушенная каменная пещера. Старожилы рассказывали, что разбойники сидели в пещере, куда с Дона от цепей на веревках тянулись колокольчики, а когда барки проходили по реке, то дном цепляли за цепь, и колокольчики звенели. Словом, место тут непростое, мистическое. У местных рыбаков из сел Сухой Донец и Монастырщина даже существует примета, что когда проплываешь у берегов Рыжкина кордона по реке Дон, то может резко подняться ветер, а то в мгновение наступит жуткая тишина, и становится не по себе, как говорят, «аж в ушах звенит».

Возможно, на этом месте жил и не разбойник, а место это прозвали Рыжким потому, что здесь часто грабили народ рыжие та-

тары. Нападения эти продолжались до конца XVII века. Документальные подтверждения этому факту имеются многочисленные. Так, в апреле 1645 татары напали на стрельца Ивашку Сомарина с одиннадцатью товарищами «государевой откупной вотчины, с Боучара», которые занимались промыслом. В государственной отписке впервые упоминается и нынешнее село Абросимово. «И апреля де, государь, в 8 день, как они будут ниже откупной вотчины Богучара, против Обросимова караулу, и их де громили в полночь воровские черкасы, конные и пешие и в судах рекою Доном, взяли де у них те черкасы трех человек живых да одного убили до смерти из пищали, а их де ушло семь человек. А по смете де тех воровских черкас была человек с триста и больше».

Ивашке Сомарину удалось спастись. Впоследствии он рассказывал, что два дня пролежал в камышах и слышал, что на утренней заре была большая стрельба, но не понятно, с кем был бой, и говорили нападавшие русским языком, а не по-черкасски. Потом он перебрался на противоположный берег, поднялся на курган на Крымской стороне у Абросимова караула и видел много пеших и конных людей да стада лошадей. О нападении черкасов докладывал в этом же году и крестьянин Гордюшка Кузьмин из села Юрлыкова, который зимовал с товарищами в казачьем городке на Хопре. Кузьмин жаловался, что когда проезжали Боучарский юрт, то «у Абросимова караулу и их погромили воровские черкасы с Крымской стороны и с Ногайской стороны, конные и пешие, и рекою судовые». Участь крестьян, которые плыли с Гордюшкою, была страшной: «...Петрушку Самойлова, Сидорку Филатьева срубили, а ево де Гордюшку повели черкасы сечь, и он де Гордюшка утек у них связан». Вообще, в народе рыжий – цвет охры, красный, огненный, смесь цветов: красного, желтого и бурого, разных теней и оттенков. Рыжий цвет в народе обычно ассоциируется с нечистой силой. Существует множество поговорок о рыжих: «С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи», «Рыжий, как огонь», «Рыжий да красный, человек опасный», «Рыжих и во святых нет», «Зырянин рыж от Бога, татарин рыж от черта». По рассказам одного из жителей с. Филоново, который после войны был надзирателем в Богучарской тюрьме, один из заключенных рассказывал, что видел карту, где в Рыжкиной балке обозначено место расположения клада, что место это, действительно, существует и к нему в свое время стремились добраться турки, французы и немцы.

Другое название района «Рыжкиной балки» – Berretto frigio (фригийский колпак, шляпа), часто используется итальянскими историками и исследователями боевых действий 8-й итальянской армии на Дону.

Один из ныне здравствующих старожилов села Сухой Донец рассказывал, что в детстве с мальчишками лет десяти-двенадцати они нашли две каменные пещеры: одна была у берега реки Дон, вторая чуть выше. В той, что возле Дона, ничего не нашли, а вот в другой хранились сабли, мечи, кольчуги и шлемы. Одну из сабель он забрал с собой и стал играть. Сабля была тяжелой и острой. Вырвавшись из руки, сабля ударила лезвием по ноге и рассекла ее. С тех пор на ноге остался шрам. Позже, будучи юношей, он пытался найти пещеру, но не смог.

Так это было или не так, но легенда утверждает, что в районе Рыжкиной балки зарыт драгоценный клад. И он хранится там поныне – в рыжей или красной шапке, наполненной драгоценными камнями и золотом. А зарыли его то ли скифы, то ли мамаи, то ли знаменитый разбойник Рыжка.

Возможно, на дне реки Дон в этом месте лежит золотой шлем Мономаха.

К сожалению, многие «черные» кладоискатели выкапывают раритеты, уничтожают ориентиры, по которым можно было бы найти этот клад. Ведь иногда даже один наконечник стрелы может рассказать о том, кто жил в этой местности, как одевался, что ел и откуда пришел.

«...И НА ИНЫЕ МЕСТА НЕ СХОДИТЬ»

История знакома нам из книг, статей в газете, архивных материалов, по рассказам очевидцев. В 1974 году молодой кандидат исторических наук Е.И. Габелко в простой районной газете сделал вызов именитому профессору В.П. Загоровскому, доказав документально, что есть упоминания о городе Богучар в 1704 году. Хотя во всех книгах истории периода СССР утверждалось, что город был основан в 1716 году. В.П. Загоровский не забыл этой статьи и в ответ нашел подтверждение, что город основан еще раньше в 1701 году, и опубликовал свою статью в воронежской газете «Коммуна».

Как видно из проведенного исследования, годом основания казачьего города Богучар нужно считать год 1701, но никак не год 1704. Так как на то есть царский указ и подтверждение документами, сделанное профессором В.П. Загоровским.

И еще, теперь уже профессор Е.И. Габелко в своем письме мне писал: «Если на одном и том же месте возникал город и пропадал, то основание его все равно считается с первых заселений». А если подходить с даты освоения местности, точнее первых поселений Русского государства, то год 1614, когда появилась первая вотчина Боучар, на которой постоянно жили промышленники и казаки, но, к сожалению, в другом месте.

Как уже упоминается в книге, в середине XVI века начинается активное строительство города Воронежа «в 1586 году уже выставлены первые сторожа, для охраны границ на юге государства». Среди четырех дальних сторожей был и Баучарский юрт. В 1590 году город-крепость Воронеж был razорен разбойничьим отрядом черкасских казаков, которые сожгли его дотла. Только к 1594 году город восстановлен заново.¹⁰ В 1592 году появился и Богучарский юрт, на месте бывшего сторожевого поста Рязанского княжества, выставленного там еще в 1571 году.¹¹ И хотя В.Д. Сухоруков¹² утверждает, что постоянных поселений не было, это не совсем так.

¹⁰ Кретьова О.Н. Русский город Воронеж. – Воронеж, 1986. – С. 15.

¹¹ Письменное упоминание о Богучарском юрте (зимовище) содержится в документе XVI века «Росписи польским дорогам», относится к 1594 году, на реке располагается Богучарский Юрт (зимовище) – место поселения донских казаков. На Боучаре появляется первое поселение донских казаков.

Действительно, сторожевые посты на реке Тулучеевой не стояли с 1571 года, но город Бугучар уже в конце XVI века и начале XVII века был нанесен на все иностранные карты.

С 1594 по 1613 гг. наш Богучарский край контролировали только донские казаки, так как ногайские татары, черкасские казаки, даже отряды атамана Ивана Заруцкого¹³ постоянно совершали набеги в южные рубежи Русского государства. Лишь с 1614 г. Баучарский юрт (упоминаемый как ухожей) переходит в постоянное владение воронежских стрельцов.¹⁴ В сентябре 1615 года своей грамотой правительство по челобитию Войска Донского разрешило казакам свободный проезд в украинские города с товарами и без товаров, вольный и беспошлинный торг и запретило воеводам и приказным людям совершать над ними насилия. В 1620 году на верхнем Дону царским указом выделяются земли для Борщевского монастыря с затонами для рыбной ловли по речку Тихая сосна, а в Боучаровском юрту с 1645 года откупные царские вотчины. Таким образом, казачий городок Мигулин уже в XVII веке определялся как последний чисто Войсковой. Казаки же на зимовье селились и на Боучаре. Поэтому и считали его своим и активно отстаивали его перед началом Булавинского восстания. В грамоте от 22 октября 1625 года, укоряя казаков за нарушение

«Зимой они жили в юртах (зимовника), а рано по весне уходили на поиски военной добычи. А в городках оставались бортники или же рыболовы». См. Романов Е.П., Романова З.М. Богучар. – Воронеж, 2010. – СС. 32 - 33.

¹² Исторические описания Войска Донского // Дон. – № 9. – 1986.

¹³ Заруцкий Иван Мартынович (?-1614), донской атаман. В 1606-1607 гг. примыкал к И.И. Болотникову, в 1608-1610 гг. боярин Лжедмитрия II. В 1611 г. один из руководителей 1-го земского ополчения, после распада которого выдвигал на русский престол Сидорку, затем сына Марины Мнишек. В 1613-1614 гг. возглавлял крестьянско-казацкое движение на Дону и в Н. Поволжье. Выдан правительству яицкими казаками. Казнен.

¹⁴ Закрепляется за стрельцом Иваном Савельевичем Шамаевым «на откуп в тое вотчины платить девять рублей». Занимаясь промыслом Шамаев И.С., как пишется в книге «Города воронежской области» Прохорова В.А.: «Скорее всего, он возглавлял группу людей в 15-20 человек». В том же году Тулучеевский юрт был сдан Юрию Перегудову, крестьянину Воронежского Успенского монастыря. Воронежский стрелец Шамаев И.С. занимался торговлей и имел лавку в Воронеже. Несомненно, казаки Донецкого городка зимовали в Богучарском юрту. См. Романов Е.П., Романова З.М. Богучар. – Кн. 1. – Воронеж, 2010. – С. 33.

мира с Турцией и Крымом, правительство напомнило им о том, что при прежнем царе Борисе им было запрещено приезжать не только в Москву, но и в украинские города, когда казаков хватало и сажали в тюрьму, а многих вешали и в «воду сажали». Взамен торговые люди из Москвы свободно проезжали по Дону. При Михаиле Федоровиче казаки начали получать жалование. Торговое движение по Дону стало оживленным. Сотни тысяч жителей украинских городов свободно проходили на Дон и тем самым усиливали развитие южной Украины городов казачества. Особенно большой приток населения был с 1616 по 1629 г. на Воронежские земли. Казаки, обычно заключая такое перемирие, редко его исполняли. Магмет Гирей и Шагин Гирей неоднократно жаловались русскому царю на нарушение договора, так как казаки продолжали свои походы. В 1627 г. татары перешли Дон выше казацких городков и разделились на два отряда, один пошел в воронежские и елецкие места в количестве 300 человек, громя на своем пути откупные вотчины и ужожи. Практически на всех картах того времени с 1630 г. город Бугучар указывается стоящим напротив устья реки Богучар. Этому подтверждение: карта Москвитии называемой Руссии 1660 года, выполнена Фредериком де Вит по оригиналу Исаака Массы (составленной в 1633 году); карта Якова Вилимовича Брюса; карта Николоса Висхера (Пискатор) 1660 года; и даже карта Москвитии юный лист 1709 года, выполнена Г. Делиль в Амстердаме.

В июне 1630 года в Москву прибыл Фома Кантакузин, который привез султанскую грамоту, в которой говорилось, что турецкие войска готовы принять участие против войска польского и, что крымскому хану приказано не нападать на русские земли. В 1630 году русский государь решил пойти на разрыв с казаками, им было отказано в предоставленных льготах, так как когда царь приказывал казакам прийти на помощь турецким войскам, то те ответили отказом. Казаки понимали, что оставят свои городки на разграбление не только крымцам, но и ногайцам. Татары, нарушив обещание, данное туркам, выступили на русские города. Узнав об этом, Белгородский и Валуйский воеводы послали ратных людей на Калмиусский и Изюмский шляхи, дожидаясь из Руси татар, которые безрезультатно простояли у верховья рек Айдара и Богучара. Когда они стали возвращаться в свои города, встретили один татарский отряд в 70–80 человек, многих убили. Один из пленных показал, что отряд был большим около 600 человек, но разделился на три отряда, и их отряд потерпел поражение

возле Валук. Остальные повели пленных «пашенных людей» около 300 человек.

Татары, выйдя на Русь Калмиусским шляхом, поворачивали налево через Оскол на Изюмский шлях, а часть по бородам через р. Большую Сосну проникали в Елецкий уезд. Идти через Богучарскую вотчину было невыгодно, так как по-над Доном были большие леса. Да и само население, состоявшее из охотничьих людей да казаков, имевших оружие, отбивалось прямо на месте. Регулярные набеги татар продолжались и в 1632 году. Отряды были большие от 1000 до 2000 человек. Тут-то и пришла на помощь казацкая мудрость. Действительно, в 1633 году казаки имели первое столкновение на реке Быстрой с Малыми ногаями, захватив в плен 30 человек. Остальных порубили, за что государь обещал им свою награду.

Казаки, получив поощрение, совершили еще более дерзкий поход и напали на войска мурзы Салтан-Мурата, разгромив его. При этом более 7000 перебили. Татарские набеги продолжались еще долго. В 1636 году крупные татарские силы в количестве от 20 до 30 тысяч расположились на кочевья по рекам Деркуль, Боучару и Глубокой, где собирались и готовились к походам. В апреле татарские силы перешли в движение. Так, войско в количестве более чем 5000 татар устремилось к Валуйкам, жителям удалось спастись, но город был сожжен. 29 апреля около 500 татар вышли на Козлов и Касимов, но, встретившись с войском козловского воеводы, бежали в степи. Многократны были походы татар по воронежским местам. Только в Воронежском уезде действовал отряд в количестве 600 татар. После наступления морозов ногайцы возвратились в пустыющие, а зачастую сожженные вотчины, а затем ушли на помощь турецким войскам.

С 1637 года татарские набеги на русские города и казацкие городки резко сократились. В результате набегов на Русскую землю только в 1632, 1633, 1637 годах татары увели в плен до 10 тысяч человек.

Первая попытка строительства крепостей на юге, главная задача которых заключалась в своевременной доставке сведений о татарских набегах, относится к 1640 году. В отписке Воронежского воеводы Мирона Андреевича Вельяминова о приготовлении Турецкого султана к походу на Азов, было сказано: «А поехал де он, Иван из Азова на Воронеж декабря с восьмой день. И как де они будут по Крымской стороне на речке на Черной против казачьего городка Вершок, и тут де на них приходили Тотарва, человек с двести и тут де их осадили,

и были в осаде три дня. Да ему же де Ивану сказали в Воронежской вотчине на Богучаре воронежские жильцы Хоршалко Стрыгин да Микитка Ондреев, что стоят де Тотарва в Воронежской откупной в вотчине на ногайской стороне на устье речки Меловой, да в другом месте речки – же Мамоне, а многие ли люди, и тово им достаточно не ведомо». ¹⁵

Подтверждение того, что город уже назывался Богучар и стоял в устье служит еще один документ. 8 апреля 1641 года в отписке Воронежского воеводы царю сообщается: «И как де, государь приехал тот Трофимка Федоров в зимовный городок откупную вотчину в Богучар де Сенке Воронежцы, да стрелец Данилка Филипов, а сказывали де ему, Трофимке, тот беловестный казак Левка Дугин да стрелец Данилка Филипов, брали де нас черкасы на устье Богучару к Дону в Тарлавной Избушке, заготовев на Федоровой недели в пятницу, пети человек и товарищев де, государь, их трех человек, срубили, полкового казака Васка Гуткова, де беломестного казака Олешку Баклыкова, да казачья шурина Ортюшку Иванова. А держали де, государь, те черкасы у себя на курнях того Левку Дугина да Данилку Филипова недели с три; а приходило де государь, тех черкас на устье Богучару к Дону к Тарлавной Избушке без двух человек двадцать, а двадцать де человек было на курнях». ¹⁶

В этом же году из вотчины Толучеевского юрта докладывали, что видели они, что «пошли Тотарова в Русь по Крымской стороне на три полка» перелезли, через реку Дон на ногайскую сторону и направились в Воронежский уезд.

В апреле 1646 года воевода А.В. Бутурлин докладывал государю, что к реке Дон перекочевали калмыки и снова приходили черкасы: «Да он же де слышал в твоей откупной вотчине на Боучаре у стрельца Фильки Волуйского, что видели оне Черкас на Дону, меж Боучара и Мигулина». То есть, снова Боучар упоминается как город. Возможно, эти нападения и передвижения черкасов, нагоев, калмыков и татар послужили тому, что 6 октября 1647 года воронежский воевода Андрей Васильевич Бутурлин писал в Посольский приказ о постройке городка на Дону между Богучаром и Казанским перелазом: «...на Боучаре, государь, или на Козанском перелазе доведется быть городу и

¹⁵ Донские дела. Книга вторая. – СПб., 1996. – С. 6.

¹⁶ Донские дела. Книга вторая. – С-Петербург, 1996. – С. 96.

ратным людям стоять, потому, что воровские Черкассы реку Дон отняли небольшими людьми, и впредь торговым людям ходу на Доне от Черкас не будет.... И я, холоп твой, по твоему государеву указу, про угодыя и про леса спрашивал Усмонских и беломестных атоманов, которым река Дон в тех местах знатка. И атоманы, государь, мне холопу твоему, сказали, что межь де государь Боучару и Казанского перелазу на реке на Дону городу быть мошно: место погоже и леса де, государь большие. И будет де, государь, всей нашей украине, тот город годен; и о том тебе, государь, об указе писать велели, чтоб на реке на Дону, ты государь, указал город поставить ... И прежде сево, государь, в тех местах заставные люди для воровских Черкас и Тотар стаивали». ¹⁷ Воевода предлагал поставить там город-крепость.

В.П. Загорский в своей статье «Лыжный поход к Богучару 309 лет», опубликованной в газете «Сельская новь» в 1980 году, пишет: «Отряд двинулся вдоль берега Дона. До реки Мамон беломестные атаманы доехали на лошадях, но здесь из-за обилия снега лошади у них «пристали». Следовательно, реку Дон они не переходили, а шли по ногайской стороне, точнее к городу Богучар, расположенному напротив устья реки Богучар. Да постоянных жителей в городке не было, но жили в вотчинах практически постоянно.

С 1670 по 1677 г. в Богучаре городке жили и ловили рыбу на бударах жители города Воронежа: Гаврил Струков (сын порутчика Федора Струкова), племянник воронежского дворянина В. Таратыкова, полковые казаки во главе с Н. Люковым и крестьяне из села Чертовицкое: Смолка Любавин, Максим Лопатин, Куприк Найденев, Кондрашка Колычев, Пронька Матвеев, Гришка Терехов, Охремка Борисов, Яик Крисанов, Федька Бовыкин, Яким Степанов, Ильюшка Муковнин, Фочка Бовыкин, Тимошка Голенев, Филимошка Сергеев, Ефремка Васильев, Кузька Фомин, Микитка Фомин, Ивашка Исаев, Макарка Степанов, Деметка Никитин, Стенька Земин, Филька Ягодников и Иван Михнев со своим дворовым человеком Микиткой. На откупную вотчину они спускались «в двух бударах да в коючке для рыбной ловли». При этом отпуск осуществлялся с августа и до Егорьева дня (23 апреля). При этом к отпускной бумаге была приписка: приглядывать за Смолкой, Максимкой и Куприком, чтобы не при-

¹⁷ Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и частично Курской и Воронежской губернии. – Харьков, 1890. – С. 44.

стали к воровству. Часто к зимующим прибивались казаки и беглые, поэтому по приказу воронежских воевод вотчины проверялись. Так, в 1674 году воевода Бухвостов направил атамана Семена Лукянова с товарищами проверить воронежские вотчины «до впадения реки Черной Калитвы в дон до Богучара провести во всех вотчинных юртах, где ныне вор Ивашка Миюский зимует и много с ним людей и во скольких верстах от которого города».¹⁸

В 1685 году строитель Спасского Семилуцкого монастыря Иосиф с братию, которым сдавался оброк за владение Богучарского юрта, жаловался государю на Федора Струкова, что тот не представляет «платежных описей на ту Богучарскую вотчину», денег не платит с 1670 года по 1677 год. Какой был «допрос», но в 1686 году Петру Алексеевичу доложили, что в 1686 году «с юрта Богучарского и с речки Тулучаевке двадцать два рубля», а 1687 году «с юрта Богучарского и с речки Талучаевки одиннадцать рублей, с рыбных ловель, что ловят свежими, восемь рублей двадцать один алтын четыре деньги». Чтобы представить себе, сколько нужно было поймать и продать, чтобы заработать и еще отдать оброк, приведу цены с рынков того времени. Острогжский Кондрат Долгополов продал: 2000 сомов сухих по 20 рублей за тысячу, 10000 тарани сухой по 20 алтын за тысячу, 10000 щуки и 10000 сулы сухой по 5 рублей за тысячу, 10000 чебаков сухих по 2 рубля и 1200 сазанов вяленых по 1,5 рубля. На рынке продавали и другую рыбу. Так, три воза стерлядей и карасей, 90 белуг коренных по 1 рублю, бочка зернистой икры весом 10 пудов стоило по 20 алтын за пуд. Интересно, что с 1632 по 1672 год цены значительно изменились. Если в 1632 году кобыла стоила 1,5 рубля, мерин – 2 рубля, корова 16 алтын, то в 1672 году конь – 15 рублей, корова 2–3 рубля.

В книге «Историческое описание земли войска Донского» за 1904 год говорится, что в 1672 году на Дону насчитывалось 48 казачьих городков, и приводится их список, донецкого и богучарского казачьего городка в нем нет.¹⁹ 24 апреля 1672 г. (1672) вестовщик Дементий Высоцкой, докладывая воеводе Борису Бухвостову, сообщал о передвижении татар: «А идут де те воинские люди вверх по речке Меловой к

¹⁸ Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Воронеж, 1903. – С. 167.

¹⁹ Историческое описание земли войска Донского. Издание второе. – Новочеркасск, 1904. – С. 380.

Богучару старую сакмою, что в прошлые года приходили к Острогужску, а по смете де тех воинских людей тысячи четыре и больше». И снова не на, а к Богучару, то есть к городу.

В 7194 г. (1686) черные старцы и трудники Дивногорского монастыря получили разрешение ездить в монастырскую откупную Богучарскую вотчину для ловли рыбы «... дана оброчная вотчина Богучарский юрт с рекою Толучеевкою, а та вотчина ниже застав порубежна с верховым казачьим Донецким городком...».

В походном журнале царя за 1695 год и «Тетради записной, как пошли певчие дьяки под Азов» от 1696 года, о Донецком пишется: «Первой казачей городок сидит ... на ... острове Дона – реки».²⁰ Было ли уже поселение казаков многочисленным или нет, судить трудно, так как место, где стоял казачий городок, было в стороне, и Петр I туда не заплывал. Согласно исследованиям М.А. Рыбаловой, «Первые городки строились в низинах, в камышовых зарослях, на островах, то есть в местах неудобных для жилья, но дающих возможность легко укрыться, уйти через ерик или реку на лодках».²¹ По наблюдениям адмирала К. Крюйса 1690-х гг., донские городки в большинстве своем были построены на речных островах.²² «Городки, все без исключения, – как писал В.Д. Сухоруков, – стояли при больших реках: Доне, Донце и Медведице, по удобности в тех местах промыслов, от коих казаки имели тогда пропитание, и для лучшего защищения от неприятельских набегов».²³

В мае 1696 года Петр I проплыл из Воронежа в сторону Азова. Следом за ним на следующий день проследовал адмирал Лефорт²⁴.

²⁰ Королев В.И. Роспись донских казачьих городков конца XVI века / Историко-археологические исследования в Азове и Нижнем Дону в 1991 году. – Вып. 11. – Азов, 1993.

²¹ Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. – Волгоград, 2002. – С. 28.

²² Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями казаках), учиненное по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 году и поднесенное царевичу Алексею Петровичу. Отечественные записки. – 1824. – № 10. – С. 49.

²³ Сухоруков В.Д. Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822-32 гг. – Новочеркасск, 1891. – С. 130.

²⁴ Лефорт Франц Яковлевич (1655/56-99), российский адмирал (1695). По происхождению швейцарец. С 1678 на русской службе. Сподвижник Пе-

Дневники «Певчих дяков», датированные 1696 годом и обнаруженные воронежским краеведом Е. Болховитиновым, сообщают о роде деятельности в вотчине Боучарский Яр: «... пятый день во вторник поутру проплыли реку Богучар, течет с правой нагорной стороны. Тут рыбные ловли Дивногорского монастыря, а отдают оброк города Рыбново, мужикам».²⁵ Монахи их монастыря посылали в богучарский юрт «трудников» за использования юрта в казну платили 23 рубля 10 денег в год.²⁶ На «7 день мая» 1696 года мимо устья реки Богучар по Дону проплыло восемь галер под командованием Петра I, которые двигались к крепости Азову.

Путеводный журнал описывает путь отряда так: «... да речку Богучар, с правой стороны, впала в Дон. День был красный с погодою, и был дождь и гром, а ночь была тиха, во дни и ввечеру шли парусом и греблю».²⁷ Казалось бы, почему нет упоминания о Богучарской вотчине как городке, ведь на картах он нанесен.

Ответ прост, столица вотчины стоит в местечке, называемом Богучарской сагой на высоком крутом берегу, среди густого леса и окружена озерами. Естественно, с реки Дон ее не видно.

В архивных документах говорится: «Мая в 6-й день в среду ... поутру приплыли в первый казачий городок Донецкой, а сидит он на острове Дона реки, и был тут до обеда, а после обеда приплыли во 2-й городок Казанка». При походе на Азов Петр I, находясь на «Принципуме», написал 15 статей, которые были объявлены 8 мая 1696 году, как «Указ о галерах». В «Походных журналах 1696 года» пишется: «В 10 день (от автора – 10 сентября 1696 года), день был красный и холодный приехали к городку Донецкому, и ночь была холодная, и ночевали». Возможно, именно здесь и состоялся разговор за чаркой вина с донскими казаками, среди которых и был уроженец Донецкого – Кондратий Булавин, которым он разрешил селиться по речке Богучар.

тра I, командовал флотом в Азовских походах. В 1697-98 гг. один из руководителей Великого посольства.

²⁵ Де-Пуле М.Ф. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний ... – С. 390.

²⁶ Михалевич В. Материалы для географии и статистики России. – СПб., 1862. – С. 286, 96.

²⁷ Кретьова О.Н. Русский город Воронеж. – Воронеж, 1986. – С. 15.

В своем очерке «Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок» Евгений Марков пишет о своей беседе с дьяком Н.А. Поповым из с. Монастырщины: «А где же был первый монастырь?» – спросил я. Дьяк указал рукою к северу на берег Дона. Вон там верст 5 выше; первый монастырь деревянный был, а каменный уже здесь выстроен, на другом месте. Там и до сих пор кости вымываются в полую воду, крестики и всякие старинные вещи. Там то и встретил царя Петра старец Иоанн, который предсказал ему взятие Азова ... еще когда и первого монастыря не было. Должно, он и погребен там ... У нас дьячек есть, 45 лет без перемены при церкви нашей стоит, так тот еще сам помнит, какие тут огромные леса кругом стояли, по Дону, солнца, бывало, до полудня не увидишь. Да и по степи сквозь терновники зеленели, яблони, груши дикая, гушь такая была везде.... Тоже и на Богучарке реке. Погублять стали в 61 году, когда воля пришла, а в 72 году совсем прикончили, когда грамоты однодворцам выдали. Смотреть было жалость. Сколько его дуром пропало, никому не в пользу. Рубили целыми селами, друг перед дружки, кто поскорее ... А теперь вот ни лесу, ни воды. В чистую Дон обмелел».²⁸

Петр хорошо запомнил Донские леса, которые высоко стояли над Доном. Еще в октябре 1698 года в Донской город был послан прапорщик Антон Салтанов вместе со ста двадцатью курчанами на стругах и плотах с целью сбора лесных припасов по Дону. Сплавливаясь по реке Дон, было собрано «соснового тесу семьсот шестьдесят тесниц мерою полутрети и трех сажень, дров пятьдесят одна сажень, сто тридцать шесть огнив, шестнадцать пластин, сто сорок четыре поворотины, семнадцать правил». Дойдя до казачьего городка Донецкого «работные люди разбежались», осталось только 57 человек, и те отказались идти дальше. Дон замерз. Антон оставил лесные припасы Донскому атаману под роспись. Петр I указал боярину Тихону Никитьевичу Штешневу: « ... леса тому начальному человеку беречь до весны, и весной итить с теми лесами на Озова».²⁹ Уже во время второго похода на Азов в 1699 году российской эскадры в составе пяти кораблей и 28 малых морских судов Петр I останавливается в казачьем

²⁸ Там же. – С. 128.

²⁹ Вейнберг Л.Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний / Древние акты XVII столетия. – Вып. IV. – Воронеж, 1885. – СС. 222 - 223.

Донецком городке. Было это 9 мая, из городка он направляет письмо князю Андрею Юрьевичу Криветкину. Возможно, именно тут состоялась встреча с казаками Донецкого, которые просили разрешения поселиться на реке Богучар.

На обратном пути Петр, недовольный вольными поселениями у реки Битюг, принимает решение о насильственном переселении на Битюг дворцовых крестьян из центральных уездов. В казачьем городке Донецком при своем возврате из Азовского похода 10 сентября 1696 года ночевал царь Петр I. Интересно, что 11 сентября, двигаясь сухим путем, уже перед вечером Петр I, перейдя две реки Богучар, ночевал на берегу реки Богучар.³⁰ Возможно, отсюда и пошла легенда, перейдя две реки Богучар, немудрено было промокнуть и не грех выпить чарку на берегу реки. До речки Калитвы Петр I добрался только 14 сентября.

Царь проводит в ноябре – декабре жесткие карательные операции и уничтожает новопостроенные поселения по Битюгу, в том числе Бобров (считается, что основан в 1698 года, в документе 1685 года упоминается Бобровский откупной юрт) и Анну (считается, что основан 1698 году, хотя первый ухажай появился 1 марта 1697 года).

В период с 1695 по 1700 гг. казаки Донского городка стали селиться по реке Богучар. Архимандрит Дивногорского монастыря Амвросий, встревоженный поселением казаков, в своем письме Петру I докладывал: «В прошлом государь, 1701-м году, незнаемо по какому твоего великого государя указу, в той оброчной вотчине Богучарском юрту, на речке Богучар, по крымскую сторону реки Дону, поселились незнаемо какие люди, человек с двести, а сказывающца донскими казаками».³¹ Во всех публикациях идет такое продолжение. Петр I, 28 апреля 1702 года, приказал воеводе города Острогожска о новом поселении в Богучарском юрту «сыскать накрепко».³² Это не совсем так, впервые о том, что на Богучаре по реке Богучарке жили донские казаки написал В.П. Загоровский в воронежской газете «Коммуна». Обратите внимание, что возмущение архимандрита было не в том, что казаки заняли город Богучар, а реку Богучар в оброчной вотчине.

³⁰ Походный журнал. – Спб., 1853. – С. 33.

³¹ ЦГАДА. Ф. 210.стобец Белгородского стола. № 1871. л. 44.

³² Письма и бумаги императора Великого. – Т.2. (1702 - 1703) – СПб., 1889. – С. 328.

В книге «Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишинским», том I, изданной в Новочеркасске в 1891 году, публикуются указы царя и великого князя Петра Алексеевича, где есть интереснейшие факты.

Во-первых, в отписке царю, после доклада архимандрита сообщается: «Да в октябре месяце прошлого 1702 года приехал к ним в Войско с реки Бугочара новопоселенные их казаки, атаман Ларион Денисов с товарищами, которые по его, великого государя, указу и по присланным грамотам в те места переведены, что де в тою реку вступается Дивногорского монастыря архимандрит с братию, которому по силе его, государева, указу в 1701 году в сентябре месяце, отдана на 5 лет на оброк, а для того с грамотою великого государя для сыску приезжал воевода Иван Савинов, а те де их казаки не той речке поселены по челобитию архимандрита и той речке те их казаки поселены у самой Рыбенской дороги, и прежде сего тот архимандрит владел Бугучарским юртом самовольно и безоброчно». Следовательно, Петр I по ходатайству архимандрита уже поселил казаков. И далее в вышеуказанном документе: «И милости у великого государя просит, чтобы тех казаков с той реки не ссылать и их не разорять, потому, что де их новопоселения велми оскудали и на новое место за скудностыю переселиватца им нечем, и тот Дивногорский монастырь в дальнем разстоянии». Разбирательство длилось долго. По всей видимости, князю, генералу Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому, удалось убедить государя не сгонять казаков с реки Богучар, а напротив 11 февраля 1703 года была прислана грамота, которой генералу И.М. Кольцову-Мосальскому «велено по прежнему его, великого государя, указу те вышеописанные места, в чьих они дачах, описать и чинить чертеж, и новопоселенных жителей переписать, и тех донских жителей поселение от поселения торских черкас в скольком разстоянии, и какая крепость у них, донских жителей, построена и сколько людей поселено, до тому всему описанию и переписные книги и чертеж прислать к Москве в Разряд не замотчав».

18 февраля указом царя было предписано: «А которые их донские казаки поселились на речке Бугучарах, и тем казакам жить на той речке и на иные места не сходить; а Дивногорского монастыря архимандриту на то место выезжать и вступатца не велено, потому что они, казаки, в тех местах поселились по его, великого государя, указу

и о том для вехода из Посольского приказа послать в Монастырский приказ память». 26 февраля 1703 года грамота Петра I, написанная дяком Иваном Волчковым, была передана в Посольский приказ боярину Федору Алексеевичу Головину. Казаки начали активно занимать берега реки Богучар. Поселения их разместились в районе нынешних сел Талы, Твердохлебовка, Полтавка, Дядин и других.³³ В 1705 году казачьего городка Богучар не стало³⁴, но осталась вотчина Богучар.

³³ Интересно, что в трудах историка Маркова Е.А. упоминается, что «Донской городок» мог быть родиной Кондратия Булавина, и дается ссылка об этом на Воронежские Епархиальные Ведомости 1866 г. Свидетельством тому, что еще до 1704 г. казачий городок существовал, служит опубликованная в 1864 г. С.П. Елагиным в Санкт-Петербурге «История русского флота», где упоминается 1703 год как год существования поселения. «Согласно «переписным книгам» стольников Кологривова и Пушкина и «сыскам» атаманов и казаков верховых поселений, в 1703 году в Донецком городке проживало 88 человек». См. Романов Е.П., Романова З.М. Богучар. – Кн. 2. – Воронеж, 2010. – С. 44.

³⁴ 1 августа 1704 года Ф.М. Апраксин в тревоге сообщил царю: «... послал я в Богучар, казачий городок, и велел их сослать, чтобы они тут же жили, что поселились подле самих лесов выше Донецкого... и ныне мой посланный писал, что учинились, сильны, переписать себя не дали и сказали, что де мы найдем без письма войскового из Черкасского... их поселилось с 500 человек». 7 августа снова письмо царю: «... послан от меня майор с ним 50 человек солдат для свода казачья городка Богучар и они учинились ослушны и писали в Черкасский. Ныне прислан из Черкаска казак Ефим Петров и с ним писал отписку к тому майору с великим невежеством, и с той отпиской послали список к Федору Алексеевичу (Головину)... Прошу государь милости. Повели, мне прислать указ, что с ними делать». В письмах и бумагах императора Петра Великого имеется текст письма Апраксина: «Новопостроенный городок казачей, что на Бугучаре, сводить ли? А построенный выше Донецкова в тридцати верстах при лесах». Тут же стоит резолюция Петра: «Сводить». Петр I, узнав об отписке, повелел: «О Богучаре при возврате своем из Азова учини так, взяв солдат, пошли, и, перехватив, пересажай на каторги». (Каторги – галеры. Сн. автора). Распоряжение о казачьем городке на Бугучаре происходит в 1704 г., как видно из писем Петра Великого к Апраксину. В 1704 г. в письме царю, Апраксин Ф.М. жаловался, что «из городов, которые приписаны к корабельному делу, выбежало более 3000 человек». К 1705 г. Богучарский казачий городок населяло уже более 500 человек. В 1705 г. городка не стало. См. Романов Е.П., Романова З.М. Богучар. – Кн. 2. – Воронеж, 2010. – С. 44.

Первая попытка строительства крепостей на юге, главная задача которых заключалась в своевременной доставке сведений о татарских набегах, относится к 1640 году.

В отписке воронежского воеводы Мирона Андреевича Вельяминова о приготовлении турецкого султана к походу на Азов, было сказано: «А поехал де он, Иван из Азова на Воронеж декабря с восьмой день. И как де они будут по Крымской стороне на речке на Черной против казачьего городка Вершок, и тут де на них приходили Тотарва, человек с двести и тут де их осадили, и были в осаде три дня. Да ему же де Ивану сказали в Воронежской вотчине на Богучаре воронежские жильцы Хоршалко Стрыгин да Микитка Ондреев, что стоят де Тотарва в Воронежской откупной в вотчине на ногайской стороне на устье речки Меловой, да в другом месте речки – же Мамоне, а многие ли люди, и тово им достаточно не ведомо». Подтверждением тому, что город уже назывался Богучар и стоял в устье, служит еще один документ. Восьмого апреля 1641 года в отписке воронежского воеводы царю сообщается: «И как де, государь приехал тот Трофимка Федоров в зимовный городок откупную вотчину в Богучар де Сенке Воронежцы, да стрелец Данилка Филипов, а сказывали де ему, Трофимке, тот беловестный казак Левка Дугин да стрелец Данилка Филипов, брали де нас черкасы на устье Богучару к Дону в Тарлавной Избушке, заготовев на Федоровой недели в пятницу, пети человек и товарищев де, государь, их трех человек, срубили, полкового казака Васка Гуткова, де беломестного казака Олешку Баклыкова, да казачья шурина Ортюшку Иванова.

А держали де, государь, те черкасы у себя на куренях того Левку Дугина да Динилку Филипова недели с три; а приходило де государь, тех черкас на устье Богучару к Дону к Тарлавной Избушке без двух человек двадцать, а двадцать де человек было на куренях».

В этом же году из вотчины Толучеевского юрта докладывали: видели они, что «пошли Тотаровя в Русь по Крымской стороне на три полка» перелезли через реку Дон на ногайскую сторону и направились в Воронежский уезд.

В апреле 1646 года воевода А.В. Бутурлин докладывал государю: к реке Дон перекочевали калмыки, и снова приходили черкасы: «Да он же де слышал в твоей откупной вотчине на Боучаре у стрельца Фильки Волуйского, что видели оне Черкас на Дону, меж Боучара и Мигулина». То есть снова Боучар упоминается как город.

Возможно, эти нападения и передвижения черкасов, нагоев, калмыков и татар послужили тому, что 6 октября 1647 года воронежский воевода Андрей Васильевич Бутурлин писал в Посольский приказ о постройке городка на Дону между Богучаром и Казанским перелазом: «...на Боучаре, государь, или на Козанском перелазе доведется быть городу и ратным людям стоять, потому, что воровские Черкассы реку Дон отняли небольшими людьми, и впредь торговым людям ходу на Доне от Черкас не будет... И я, холоп твой, по твоему государеву указу, про угодыя и про леса спрашивал Усмонских и беломестных атоманов, которым река Дон в тех местах знатка. И атоманы, государь, мне холопу твоему, сказали, что меж де государь Боучару и Казанского перелазу на реке на Дону городу быть мощно: место погоже и леса де, государь большие. И будет де, государь, всей нашей украине, тот город годен; и о том тебе, государь, об указе писать велели, чтоб на реке на Дону, ты государь, указал город поставить ... И прежде сево, государь, в тех местах заставные люди для воровских Черкас и Тотар стаивали». Воевода предлагал поставить там город-крепость. В.П. Загоровский в своей статье «Лыжный поход к Богучару 309 лет», опубликованной в районной газете «Сельская новь» в 1980 году, пишет: «Отряд двинулся вдоль берега Дона. До реки Мамон беломестные атаманы доехали на лошадях, но здесь из-за обилия снега лошади у них «пристали». Следовательно, реку Дон они не переходили, а шли по ногайской стороне, точнее к городу Богучар, расположенному напротив устья реки Богучар. Да постоянных жителей в городке не было, но жили в вотчинах практически постоянно.

ДОНСКАЯ СТАНИЦА

В начале XVIII века Россия вела напряженную и упорную Северную войну за выход в Балтийское море. В Воронеже активно строился новый флот и поэтому со «сводом» казачьего городка повременили, но уже 1 августа 1704 года Ф.М. Апраксин в тревоге сообщил царю: «...послал я в Богучар, казачий городок, и велел их сослать, чтобы они тут же жили, что поселились подле самих лесов выше Донецкого... и ныне мой посланный писал, что учинились, сильны, переписать себя не дали и сказали, что де мы найдем без письма войскового из Черкасского... их поселилось с 500 человек». 7 августа снова письмо царю: «... послан от меня майор с ним 50 человек солдат для свода казачья городка Богучар и они учинились ослушны и писали в Черкасский. Ныне прислан из Черкаска казак Ефим Петров и с ним писал отписку к тому майору с великим невежеством, и с той отпиской послали список к Федору Алексеевичу (Головину)... Прошу государь милости. Повели, мне прислать указ, что с ними делать». В письмах и бумагах императора Петра Великого имеется текст письма Апраксина: «Новопостроенный городок казачий, что на Богучаре, сводить ли? А построенный выше Донецкова в тридцати верстах при лесах». Тут же стоит резолюция Петра: «Сводите». Петр I, узнав об отписке, повелел: «О Богучаре при возврате своем из Азова учини так, взяв солдат, пошли, и, перехватив, пересажай на каторги». (Каторги – галеры. – Е.Р.).

Распоряжение о казачьем городке на Богучаре происходит в 1704 году, как видно из писем Петра Великого к Апраксину. В 1704 году в письме царю, Апраксин Ф.М. жаловался, что «из городов, которые приписаны к корабельному делу, выбежало более 3000 человек». К 1705 году Богучарский казачий городок населяло уже более 500 человек. В 1705 году городка не стало. Тем самым Петр I отменил выборность атаманов и неписанный закон: «С Дона выдачи нет!» Была и еще одна угроза так как: «Царское жалованье Войску Донскому не всегда удавалось благополучно провезти мимо Донецкого городка. Царю о том доносили: «... И после де того недели с полторы как пришел под Донецкой плавною рекою Доном на бударах с правивантом полковник Илья Билс с солдатским полком, которой шол с тем правивантом ... отошед от Донецкого версты з две в урочище за бурунами, ево, полковника, з бударами у берегу остоновили и, пришед на будары, взяв

ево, полковника, и офицеров перевязали и посадили в воду, а государеву денежную казну восемь тысяч шестьсот рублей и порох, и свинец, и знамена, и ружье, и ево, полковничьи, и офицерские пожитки пограбля, все меж себя роздували».

Вот как писал об этих событиях Д.Н. Петров (Бирюк) в книге «Кондрат Булавин»: «Особое негодование казаков возбудил майор Шанкеев, присланный на речку Богучарку для розыска бежавших на Дон рабочих людей... Шанкеев разорил до основания городок Богучар и выслал из него казаков с семьями внутрь России, не выяснив даже, природные они казаки или новопришлые». Но это еще не конец казаков. «Пускай, – говорили они, – пламя набегов сожжет городки наши – через неделю ... городок готов; скорее враг устанет сжигать наши жилища, нежели мы возобновлять их». Городок был восстановлен. Это подтверждают и исследования В.И. Лебедева. Нет сомнения, что найдутся документы, которые подтвердят, что было распоряжение атамана из Черкасска поселить казаков Донской казачьей станицы в Богучар, а возможно историки и археологи докажут, что половецкие или русские города стояли на месте нынешнего Богучара. Несомненно, казаки Донецкого городка зимовали в Богучарском юрту. Вот как описывает наш Донецкий городок писатель Петров (Бирюк) Д.И.: «трехизбяной городок был обнесен крепкой, надежной двойной надолбой (вкопанные в землю столбики, образующие защитную ограду)». Между частоколом насыпалась и туго прибивалась земля.

«По валу ходил с ружьем караульный казак ... ходил караульный по террасам (здесь старинное название крепостной стены) напевал песенку:

«На усть Дона тихо-ого
На краю моря синего-го
Построилась башенка,
Башенка высокая,
На этой, на башенке,
На самой, на маковке,
Стоял часовой казак
Он стоял, умаялся».

Отдельно от городка устраивались базы для скота, «вероятно, из стратегических соображений: меньшую окружность удобнее было за-

щищать, да и неприятель, поживившись «конским и животными стадами», не так был упорен в штурме укрепленных жилищ».

На Дону снова вспыхнуло восстание.

Интересно, что в 1706 году казак Ефим Петров был послан Петру I в Москву, именно тот старшина Ефим Петров, который был прислан из Черкаска.

При встрече с Петром Великим за верную службу Ефим Петров был жалован 25 целковыми и соболиною шубою. Старшина привез тогда челобитную царю, на что тот ответил: «Нет Ефимка, что ... хочешь, проси, только не это! Указа своего отменить не могу». Было это после подавления Астраханского восстания, в котором участвовали донские казаки. Интересно, что Ефим Петров был сыном московского купца, в 1670 году перебрался в Черкасск, где успешно промышлял торговлей, выдвигается старшиной. Его сын Данила был в 1738 году назначен атаманом войска Донского и в 1735 получил войсковой чин генерал-майора. Первым из донских казаков был удостоен гражданского чина тайного статского советника. В 1707 году посланный Петром сыскной отряд, для розыска Кондратия Булавина, во главе с князем Юрием Владимировичем Долгоруким а в Донецком и других казацких городках нигде не встретил сопротивления. 8 октября, остановившись в Шульгинском городке на ночлег, был застигнут врасплох и убит по приказу Булавина.

Существует предание, что с тех пор, если случалась с кем внезапная смерть, в народе говорили: «Кондрашка хватил». Впоследствии именно Василий Владимирович Долгоруков, брат убитого князя Юрия, руководил подавлением восстания Кондратия Булавина и Никиты Голого. Вместе с тем в 1708 году полковнику Тевяшову в Острогжский полк докладывали: «... сего апреля 20-го числа приезжали в Донецкой трех – избенках 2 человека казака от вора Булавина и говорили донским казакам, что шли в Пристанской, для того, что к Пристанскому пришли Русские войска, и они Донецкие казаки, отказали, итить не хотят». Здесь же упоминается о богучарских казаках. В частности «только веди у нас в монастырь наведываться Богучарским казакам, кои стоят на заставах». Находясь в Пристанском городке, Булавин дважды посылал казаков в Донецкий городок, где находились пушки Воронежского Адмиралтейства, однако достать их не удалось. И только прибывший из Черкаска казак Борис Яковлев, забирает находившийся там государев хлебный запас, шесть пушек и ядра, все это

он водным путем, на бударах и стругах отправляет в низовые донских станиц. В этом же 1708 году, как утверждает историк Марков Е.А. «... донская станица ... бывшая и родиной Булавина одна из первых погибла после гибели лихого атамана». Предание, относящееся к этому периоду, гласит, что возле Красногоровки «на Дону близ Селища, где жили Мамаи», свои укрепления имели булави́нцы. А при подавлении Булавинского восстания участвовал, какой-то князь и место, «на котором стоял лагерь князя. Называлось, Княжим».

Восстание донских казаков на этом не закончилось. С тремя тысячами казаков Никита Голый вернулся в сожженный Богучар, где был разбит лагерь.

Предание народа повествует о том, что Никита Голый был одним из первых поселенцев казачьего городка Богучар. В это время в Острогожске остановился князь Долгорукий. В письме царю он жаловался: «Зело поход мой труден, степь вся выжжена, кормов нет, люди и лошади томны», тем не менее, двухтысячный конный отряд в августе выступил на Богучар.

Бывшие булави́нцы ушли без боя в Донецкий городок, где им «помогли переправиться на бударах через Дон» и устроиться «в крепости под горой». Атаман городка Микула Кольчев помог им пушками. Когда конный отряд полковников фон Делдина и Тевяшова подошли к городку, то были встречены пушечным и оружейным огнем, а поэтому отступили назад в Острогожск. В книге Н. Задонского «Донская либерия» описывается, как атаман Микула Кольчев и Никита Голый в районе Донецкого городка разбили тысячный отряд полковника Ильи Бильса и ограбили речной караван, состоящий из ста будар. «Казакки бросились на офицеров и солдат, быстро их разоружили, полковника и его помощников утопили. Взяли несколько пушек, большой запас снарядов и пороха, ружей и пищалей. Государеву денежную казну, запрятанную в двух бочках». Именно этот клад ищут кладоискатели, который по легенде хранится в каменной пещере под горой и подвешен в чане на цепях. Большая часть солдат перешла тогда на сторону казак. К казакам Донецкой в отряд Никиты Голого после этой победы пошел разоренный люд, бурлаки из Микулинской, Решетовской, Вешинской, Тишанской и других станиц. На сходах в Казанской и Донецком казаки призывали идти на Долгорукого «или как он прейдет в Донецкий умереть им всем заодно, а Голого не выдавать». Когда стали читать указ царя о поимке Голого, то заявили, что

«Голого и иных никого не выдадут, потому что Булавин – де потерян напрасно... ». Подавленное булавинское восстание могло разгореться с новой силой.

14 сентября подойдя к Новому Айдару, Долгорукий надеялся встретить отряды Никиты Голого, но атаман восставших еще за 4 дня ушел оттуда в неизвестном направлении. Здесь к Долгорукому пришли свежие драгунские и солдатские полки, в том числе, около 2000 всадников, которые раньше находились в районе Маяка и Острогожска, а также Воронежский драгунский “шквадрон”.

Никита Гольй в это время направился к Донецкому городку. «От Голого в Донецкий прибыл полковник повстанческого войска Рябов. Он сообщил атаману, что повстанцы с обозом и с семьями вскоре должны быть в Донецком городке. Колычев подтвердил Рябову приглашение и готовность принять людей Голого. Не успел Рябов отправиться в обратный путь, как в Донецкий городок прискакал дьячок Ивашко «с товарищи». Он передал весть, что продвигавшееся к городку войско Голого осаждено у Богучара царскими полками и что оно нуждается в помощи». Уже ночью казаки Голого подошли к Донецкому и вместе с семьями были переправлены на противоположный берег Дона на бударах. Как писал Долгорукий в «доношении» Петру I от 3 октября, посланные им драгуны и нагнали войско Голого и приблизились к нему на расстояние в 3 версты, но в сражение из-за усталости лошадей вступить с ним не могли. «... Лошади все стали, зело скоро за ним гнали, верст больши 100 со вьюки».

Казаки готовились к встрече с войсками, выжгли степь, установили «по розным местам на курганах» караулы и высылали в округу «непрестанные» разъезды. Следовательно, войско Голого было своевременно уведомено о продвижении полков Долгорукого к Богучару, наперерез повстанцам. Когда Долгорукий узнал о разгроме Бильса и о движении казаков к Донецкому городку, он вынужден был приостановить сборы и выступить против Голого.

15 октября против Голого выступили остальные драгунские и пехотные полки карателей. 18 октября главные силы Долгорукого берегом Дона направились к Донецкому городку. 25 октября Долгорукий с главными силами карателей пришел на речку Тулучеевку «за три мили» до Донецкого городка. В Донецком городке оставалось лишь около 1000 защитников.

Голый не собирался превращать Донецкий городок в место решающего сражения с карателями, а Долгорукий понимал, что казаки Донецкого городка могли присоединиться к Голому.

В этой связи 4 ноября в отписке в Разряд Долгорукий писал: «И он... видя их такое воровское намерение, чтоб их ...из Донецкого к ... Голому и Колычеву в соединение не допустить, оставя обоз, с пехотой и роты московских чинов, и городских, и людей боярских, и черкас острогожских с одними драгунскими полками для лучшего поспешения с того вышеупомянутого урочища, с речи Тулучевы с полу ночи пошел к Донецкому и пришел 26 числа октября часу в третьем дни».

Уже в сентябре Долгорукий с несколькими полками численностью более четырех тысяч человек снова подошел к Донецкому городку. В это время Голый и Колычев ушли в станицу Решетовскую, а в городке осталось всего тысяча казаков во главе с есаулом Тимофеем Щербаком и братом Колычева Никитой. «Силы были неравные. Первый городок Донских казаков был разорен до основания, и жители его казнены или сосланы». Расправы были очень страшными. Князь Долгорукий отдал приказ пленных не брать, более трех тысяч казаков было порублено. Достаточно сказать, что жену Никиты Голого и мать утопили в Дону, брата Кондратия Булавина, сына Никиту и племянника казнили. «Эту же участь станицы разделили многие другие казачьи городки. Как доносил царю Долгорукий, 28 октября 1708 года во время приступа Донецкого: «милостью божиею их, воров, разбил... и многие метались и потопились, а драгуны побии их воров, на воде и живьем взяли с полтора человека, тех всех повесили....А Донецкий, государь, весь выжгли».

Голый знал о гибели его защитников. «Понятно и то, что Голый, не желая вести свои войска на верную гибель, не пошел к Донецкому городку».

В одной из казачьих песен «Ходил Булавин по кругу» рассказывается о приходе на Дон князя Долгорукого «и о том, что читались казакам «указы скорописанные да облыжные» и как защитник простого народа Кондратий Булавин убивает князя». В 1708 году Ефим Петров, вместе с ним войсковой атаман Лукьян Максимов, были казнены Булавиным по приговору Войскового округа.

Судьба Булавина была еще трагичней, ему была отрублена голова, а тело подвешено за ноги. Расправы с бунтовщиками были жестокими, булавинцам секли руки по локоть и ноги по колено, а потом

вешали, многих после жестоких пыток просто вешали. Атаманов Тимофея Щербакова и брата Микулы Колычева, Никиту, «четвертовали и приставили на колья». Как бы то ни было, но на Богучарской земле и по сей день живут первопоселенцы с фамилиями Булавин, Гольый, Колычев, Щербак и другие.

В 1936 году на хуторе Лысогорском Хоперского района была записана песня «На Донце-реке», которую пели казачки Володина П.И и Зенина Т.В.:

«На Донце – реке,
Во казачьем городке
Ой, да вот он, во казачьем городке,
Появился, объявился Булавин – он Кондрат,
Ой, да вот, Булавин – он Кондрат,
Кондрат – парень не простак, а удалой он казак,
Ой, да удалой он казак.
Зипун шит серебром, сабля вострая при нем,
Ой, да вот он, сабля вострая при нем.
Сабля вострая при нем, а глаза горят огнем.
Ой, да вот он, а глаза горят огнем.
Исть такие песни и в нашем крае».

В этот период на Дону появилось много разбойников. Среди имен разбойников, которые жили в крае, упоминаются Попугай, Стратий у села Кривоногово, Нестер у слободы Ширяевой, Клайдан у с. Петропавловка, Обросим у села Абросимова. Самым знаменитым из них был Рыжкин. Он останавливал на Дону корабли и барки, перетягивая через реку цепи. До сих пор существует предание, согласно которому в те времена была поговорка «пойдем в Рыжкину выручать дедов брыль (шляпу)». Близ села Воробьева в каменоломнях на горе лет восемнадцать назад ребятишки через провал проникли в подземелье, где нашли серебряные стремяна, пуговицы и старинную саблю. По рассказам стариков, в каменоломнях был разбойничий стан и зарыт клад. Селиться на Богучаре было запрещено, на просьбу полковника из Острогожска Тевяшова в 1709 году о возможности использования по реке Богучар порожних земель и сенокосов Приказ Адмиралтейских дел в Воронеже 15 мая ответил: «Чтобы черкассы Острогожского полка из Землянска и других безлесных слобод селились по реке

Айдар, а по реке Богучару отнюдь не селились и никаких займищ и земель, и сенокосовых покосов не занимали и лесов дубовых, которые годятся на корабельное дело, не рубили». На одной французской карте 1706 года восточная граница Московии с Сибирью проходит от Белого моря по реке Мезень, далее на юг, пересекая Северные Увалы и Волгу у Нижнего Новгорода, далее вверх по Оке до Касимова (а не вниз по Волге до Астрахани!), от Касимова по меридиану на юг до Богучара на Дону. Слева от Богучара вверх по Дону Московия граничила с казацкими землями (Диким Полем), а в промежутке «Тула – Калуга» – с Воротынью. При этом известно, что ни Дикое Поле, ни Воротынь налогов и податей Московии не платили, ибо были независимы. На Дону остались только казаки-старожилы. Земли, принадлежавшие уничтоженным поселениям, что составляло около третьей части Казачьего Присуда, отобраны в пользу России. Позднее, по указанию Петра I, на юг Воронежского края России были переброшены значительные группы переселенцев, основавших вблизи Донецкого еще три русских села – Пасека, Сухой Донец и Архангельское. Лишь в 1716 году новым указом генерал – адмирала Воронежской губернской канцелярии было «велено казакам Острогожского полка» вновь поселиться в новочеркасской слободе Богучаре. В 1716 году все землянские черкасы (дети и внуки первых поселенцев) были переведены в район реки Богучар и Черная Калитва. «Черкасы» – украинцы, бывшие жители разоренной татарами Украины, заселили берега реклевой Богучарки в районе нынешних сел Полтавка, Купянка, Дядин, Радченское (Красноженово). В феврале 1716 года Воронежской губернской канцелярии по предложению графа Апраксина было велено «...на речках Толучеевой и Богучар поселить две сотни черкас с Корочи, Ливен, Талецкого и других мест, а в марте 1717 году велено ему же, Тевяшову: Острогожского полку казаков, которые живут в Киевской губернии, и именно: с Ливен, Старого Осколу, а Корочи, а также Воронежской губернии с городов Тальца, Землянска, Чернавска и сел: Ендовицкое, Гваздиевки, Переливки, перевести и поселить в новоприписанные слободы на Тулучеев, Богучар, Айдар и другие. Из «Памятки», данной 29 апреля 1717 года по приказу Тевяшова «Ендовицкому» сотскому Савелию Яковлевичу, «атаману и всему посольству, хранящийся архив в делах Острогожского Уездного Суда, видно, что переселение это велено окончить в 1717 году, без всякого отлагательства».

Городки по Дону и после Петра I располагались до нынешнего Коротояка. Татищев В.Н. в своем «Лексиконе», написанном в 1744–1746 гг., указывает как донские станицы:

«Новогорье – станица донская на левом берегу Дона при устье реки Икорец, выше Колыбельки 12 верст, ниже Дивногорского монастыря; Усть-Битецкая – станица донская при речке Битюг, Воронежской губ., впадающей в Дон с левой стороны; Белогорье – станица донская на Дону выше Калитвы 30 верст, от города Павловска 5 верст ... станица Донская Бугучар, ниже Калитвы 35 верст».

ЧЕРНИГОВСКИЙ ПОЛКОВНИК ИВАН ДЗИНЬКОВСКИЙ, ОН ЖЕ ДЗИКА

В 1635 году было начато строительство крепостей Белгородской черты, а у устья реки Острогощи, выше «Каменного броду, на Сосне Терновая поляна», чтобы перекрыть Калмиусскую дорогу, контролировать передвижение крымских и ногайских татар по ней, – возведение сторожевого острога. Официально принято считать, что Острогожск основан 30 июля 1652 года под руководством воеводы Федора Юрьевича Арсеньева. Хотя, как считал воронежский историк В.П.Загоровский, «в эпоху Киевской Руси здесь находилось селение Острогоща», а в XVI веке располагался сторожевой пост.

Острогожск нередко называли Рыбным. Недалеко было озеро Рыбное, с большим количеством рыбы, и на здешних ярмарках шла бойкая торговля «красною и другой рыбою, привозимой на бударах и других судах». Возведение города-крепости начинали русские служилые люди: стрельцы, казаки, пушкари, воротники. Они не только строили, но и несли пограничную службу, а зачастую вступали в открытый бой с татарами.

В марте 1652 года, находясь на «Белых берегах под Путивлем», с челобитной «об отводе земли» черниговскому полковнику Ивану Дзике (Дзиньковскому) к царю Алексею Михайловичу было послано два стольника. Полковник писал царю: «Великий царь, князь Алексей Михайлович, помилуй нас, дай нам мешкать в городище Заводниское, бо если великие царь, где далеко даси, то все не зайдут, бо бардзо есть худых много, которых мало мают на чом поихати, так теж жадаемо и просимого милостивого помилования от тебя великий царь ...»

Долго не раздумывая, царь дал согласие, но место для поселения выбрали другое – у устья реки Острогощи, при впадении её в реку Тихая Сосна. С 30 июля 1652 года воевода Федор Юрьевич Арсеньев «начал устраивать на вечное житие нововыезжих черкас, полковника Ивана Дзиньковского, обозного Федора Шебортаса, писаря, девяти сотников, двух попов, есаулов, знаменщиков и рядовых черкас». Черниговский полк был основан в 1648 году во время восстания Богдана Хмельницкого.

По Зборовскому реестру территория и состав Черниговского полка были оформлены 16 октября 1649 года. В состав полка входили

997 казаков в 8 сотнях. Черниговский полк пришел в полном составе, точнее, то, что от него осталось после поражения под Берестечком. Напомню, что битва между армией Речи Посполитой и казацко-крымским войском произошла с 18 по 30 июня 1651 года у села Берестечко на территории Западной Украины (сейчас это Волынская область). Поражение под Берестечком привело к заключению 18 сентября 1651 года Белоцерковского договора, по которому казацкий реестр ограничивался 20 тысячами человек, власть гетмана распространялась лишь на Киевское воеводство.

Малороссы стали уходить под защиту Русского государства. Впоследствии на полковых регалиях острогожские гусары ставили год основания «1651».

Считается, что «личный состав полка составлял 1003 казака, из них: полковник, обозный, писарь, войсковой судья, 3 священника, 8 сотников, 11 есаулов, 10 хорунжих и 967 рядовых казаков. Всего было переписано 884 семьи, включая полковничью. Общее число переселенцев составило 4269 человек. Они имели скот: 1787 лошадей, 756 волов, 865 коров, 146 телят, 1438 овец и коз и 763 свиньи».

В Острогожск казаки пришли вместе с семьями, большим обозом и артиллерией, знамёнами и походной церковью. Большинство было людей богатых или, как говорят московские документы, «семьянистых и прожиточных». У первых восьмидесяти семейств имелось 99 коней, 69 волов, 141 корова, 124 овцы, 129 свиней. Бесконных было только два семейства. По разным источникам, «... пришли к Путивлю люди на вечное житье черниговского полковника Ивана Миколаева сына Дзиньковского да сотники Иван Остафьев, да Александр Григорьев, да Филипп Иванов... ждут они у превозу у Белых Берегов на реке Сейме». Для вооружения острога по царскому указу 13 сентября 1652 года выделили из Воронежа две железных пищали, а к ним сто железных ядер.

Это был первый слободской казачий полк, сформированный по украинским казачьим правилам. Уже к 1668 году в Острогожском полку: 1550 человек казаков полковой службы и 600 человек казаков городской гарнизонной службы.

Иван Николаевич Дзиньковский активно занимается обустройством территории полка, под его руководством основали сеть крепостей и местечек. Царь Алексей Михайлович острогожским черкасам (черкасы – так называли украинских казаков татары. – Е.Р.) пожа-

Острогожский полковник,
середина XVII века.
Гравюра Т.Н. Калинского

ловал право «всякими промыслами промышленяты, и всяким товаром торговать беспошлинно, также мельницами и рыбными ловлями и всякими угодыями владеть, шинки держать и вино курить и шинковать безоброчно и с тех промыслов полную службу служить им без жалованья». Полк с 1664 года стал именоваться Черкасско-Острогожский и состоял из семи сотен: Астафьева, Батуриной, Карабутинской, Иванова, Дубовика, Ботурлина и Конопской.

Строительная книга, составленная воеводой Ф.Ю. Арсеньевым, а также исследователь русской архитектуры А.В. Никишин в своей книге «Оборонительные сооружения Засечной черты (МИА СССР, 1955), сообщают, что город-крепость Острогожск представлял собой крупное и прочное сооружение, способное выдержать многодневную осаду: «Основой острожной крепостной стены были вертикаль-

ные толстые сорокасантиметровые дубовые бревна длиною в 3 сажени с аршином (около 7 метров)...» Крепость была окружена валом и рвом, а высота Московской башни составляла около 42 метров.

С этой караульной башни открывались взору просторы на 30 верст. Такие города татары не осаждали и предпочитали их не брать, потому что для этого нужны были артиллерия и тяжелое вооружение.

Иван Дзиньковский относился к довольно обеспеченным людям, был владельцем многих крепостных крестьян слободы Колыбелка (второе название – Полковничья), вкладчиком Дивногорского в честь Успения Пресвятой Богородицы монастыря. Вместе с женой он получил участок в 300 квадратных сажений, хотя остальные казаки имели по 70 квадратных сажений.

Кроме того, воевода наделил на надворные места «...полковнику в длину 20, а в ширину 15 сажень; обозному, писарю, сотникам, есаулу и литовскому попу по 12 сажень в длину и по 10 в ширину...»; под огороды «...полковнику в длину 30, в ширину по 15 сажень...».

Казакам вместе с полковником были отданы сенные покосы по обе стороны реки Тихая Сосна и «от Осинового броду до реки Дона... Сверх этого дано на сенные покосы по обе стороны реки Лубянки от верховья до устья, и по речке Мерину». Для охоты и рыбной ловли выделены реки Черная Калитва и Дон, кроме откупных и оброчных вотчин, «со впалыми речками и бобровыми гонами и звериными промыслами». На место нового поселения «...полковник Дзиньковский приехал с женой, сыном, писарем и несколькими челядниками. Он привез с собой 15 коней и 4 вола. Обозный пришел с женой, дочкой, двумя челядниками и привел 5 коней, 8 волов, 2 коровы, 6 овец, 10 свиней. Войсковой судья Величко привел 4 коня, 13 коров».

При этом надо учесть, что часть «добра» Дзиньковского осталась в его имении на Черниговщине. Да и на обустройство выделено «воеводою князем Григорием Семеновичем Куракиным из Государевой денежной казны 34 рубля на дворовое строение и на яровые семена».

В историко-художественном музее города Острогжска хранится копия документа, в котором упоминаются дети и родственники полковника: «... Богданка, да Миколайка, и Марица, да Агафьца и племянница Марица, по росписи приняты. Расписался подьячий Васка Корнилов». Кстати, в различных источниках фамилия Дзиньковский указывается по-разному – Дзика, Дзиковский, Дзиньковский, Дзинькивский, Зинковский, Зенковский.

Считается, что основой этой фамилии послужило церковное имя Зиновий. С греческого переводится как «рождённый богом» или «богоугодно живущий». В кириллице есть буква дз, пишется как латинское S, вероятно, поэтому и воспроизводилась фамилия по-разному. С польского Дзика переводится как шиповник. Деятельность полковника была многогранна. Ему удалось сохранить казацкий уклад: назначение на должность, подчиненность, символы – флаг, герб, шестопер (разновидность булавы шестигранной формы, полковник обязан был носить его с собой за поясом), хоругвь – знамя, полковую печать, полковую музыку (литавры, трубы, барабаны, тарелки, которыми «заведовал» есаул). У Острогжского полка было особое знамя:

на желтом фоне – рыба-кит с острой над головой. Изображение это выполнено на знамени из синей ткани. Здесь сохранилась и семейственность: многие должности передавались по наследству – дети старшин, как правило, были судьями, есаулами и обозными.

Надо учесть, что воеводе подчинялось великорусское купечество, торговый люд, служилые, а также строители города. Украинцы и казаки оставались под своим «полковым приговором». При непосредственном участии полковника Дзиньковского появились слободы Колыбелька, Новая Калитва, Старая Калитва, Подгорная, Поповка и другие. Украинцы селились по берегам рек «Выре, Псела, Ворсклы, Мерлы, Удь, Лопани, Харькова, Мжи, Коломака, Донца, Оскола, Торца...»

Кроме того, казаки по поручению Ивана Дзиньковского проводили большую агитацию среди своих земляков на Украине, оставшихся с поляками, с целью их переселения в Острогожск. Благодаря чему число переселившихся семей выросло до четырех тысяч человек.

Черкасы обосновывались также в Коротожке, Урыве, Воронеже, Новом Осколе, Перлёвке, Гвоздёвке, Ливнах и других местах пограничной линии. Сыграли здесь свою роль и привилегии черкас на беспощинное винокурение, что увеличило в Острогожске число великорусских купцов и воронежских жителей и даже привело к некоторому раздору между черкасами и великороссами, которые стали пользоваться их привилегиями.

Уже в 1653 году Иван Дзиньковский «испросил от митрополита Сарскаго и Подонского от преосвященнаго Питирима грамоту на сооружение» церкви «во имя Великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы». И хотя в грамоте был обозначен один храм, он построил два: Успенский, «с придельным – Пятницким».

При финансировании полковника был возведен Дивногорский монастырь. Его обнесли крепостной стеной. За свой счет Дзиньковский сначала основал Острогожский Пятницкий женский, а затем и мужской монастыри. В трудах историка Д.И.Багалея есть и упоминание о первых школах, в которых учились дети казаков церковно-славянской и российской грамоте. Одной из таких школ является школа в селе Ендовища. Как правило, подобные учебные заведения размещались около церквей в хатах.

Не оставляли без внимания черкасы и Святогорский православный монастырь, который остался на Украине, посылая туда своих казаков для его защиты. Монастырю были выделены даже пуш-

ки. Острогожскому купечеству разрешалось ездить туда со всякими «харчами» для храма без всякой пошлины. Острогожские казаки «широко развернули торговлю... Льготы всем слобожанам, которые расселились на местах, местечках, слободках, а не только купцам, зробили тоговлю немов загальным промыслом», – сообщает Д.И. Богалей в своей книге «История Слободской Украины», изданной в Харькове в 1918 году.

Но все же основной деятельностью Ивана Дзиньковкого было руководство полком, отстаивание интересов черкас. Острогожцы служили «под Варавью, под Конотопом, под Черниговом и под Котелью... под Белой Церковью». Острогожский полк участвовал в сражениях: в Дрижипольской битве – между польскими войсками и русско-малорусской армией во главе с воеводой В. Б. Шереметевым и гетманом Б. Хмельницким с 19 по 22 января 1655 года; громили «Юрася Хмельниченка под Бужиным над рекою Днепром». Постоянно контролировали «Озовскую сакму» и передвижение татар по ней.

Уже в 1659 году полк первым получил царскую грамоту о зачислении его в «Московский уряд». И при этом казаки Острогожского полка, которым досталась земля, занимались различными сельскохозяйственными промыслами. Косили сено по обе стороны рек Тихая Сосна, Лубянка и Мерина. Ловили рыбу на реке Черная Калитва и до верховья Дона «с впальми речками», промышляли «звериними промыслами» и «бобровыми гонами». В лесах охотились на медведя, лису, волков, куницу, горноста, диких коз и белок.

В 1665 году население черкас было обложено оброком, который они выплачивали нерегулярно. В период с 1665 по 1669 было собрано только 3120 рублей, а надо – 10458 рублей 50 копеек. Это всё взносы оброчных денег с таможен, шинковок, конных площадей и мостов. Но рост населения привел к тому, что свободной земли становилось все меньше. В.Н.Королев в своей книге «Старые Вешки», изданной в Ростове в 1991 году, писал: «Притеснения и взятки приказных вызвали нерасположение черкас к правительству и жалобы».

Иван Николаевич Дзиньковский практически до 1668 года оставался лояльным по отношению к царскому правительству. Острогожский полк постоянно участвовал в боевых операциях по защите южных рубежей русского государства. Так, в мае 1660 года при появлении у города Валук «... к городовым надолбам, татар с 500 чело-

век...» и других местах, для «оберегания украинских городов..», «... прислали в Охтырское рыбенского полковника Ивана Дзиньковского с его полком...».

Когда в 1667 году малороссийский гетман Иван Брюховецкий прислал гонцов острогожскому полковнику с просьбой поддержать выступление против Московского государства, тот ответил отказом, отказал он и атаману Ивану Сирко. За что полк получил льготные грамоты «промышлять безоброчно» на 13 лет. Было также списано 1619 рублей «недоимки».

Феодално-крепостные порядки все более усиливали власть воевод и бояр. Многие люди все чаще уходили к донским казакам. Обстановка на Дону накалялась. Противоречия между бедными и богатыми казаками усиливались. В начале 1667 года на Дон хлынули новые партии беглых. К середине мая этого же года началось восстание Степана Разина.

В «Топографическом описании Харьковского наместничества», изданном в Москве в 1788 году, приводится интересная грамота, направленная острогожскому полковнику. Согласно ей Ивану Зеньковскому (Дзиньковскому) в октябре 1670 года «самодержец пожаловал» вместо «годового денежного жалования оброчными деньгами ... промышлять безоброчно».

В документе была допущена ошибка: в это время Ивана Дзиньковского уже не было в живых. При написании даты авторы книги от 7178 года вместо 5509 отняли 5508. Следовательно, на документе должна стоять дата 1669 год. Обидно, что в Интернете выставлен именно этот документ, люди не сведущие в летоисчислении, его копируют. Важно другое, что, согласно документу, Иван Дзиньковский и все полковые люди в 1669 году были лишены годового денежного жалования. Думаю, что это был один из фактов, вызвавших их недовольство.

Началась блокада Дона. Заставы, выставленные в городах Острогожске и Коротояке, перестали пропускать «запасы» в низовья Дона. Разинцы сначала посылали в верховые заставы казаков с просьбами «пропускать на Дон запасы», а затем стали «призывать с собой охочих вольных людей». Часть местных острогожских казаков и черкас уходили к донским казакам.

Все эти проблемы приходилось решать Ивану Дзиньковскому. Многие донские казаки, которые ранее освобождали Украину от «польских панов» вместе с запорожцами, поддерживали родственные

связи с острогожцами. Достаточно сказать, что сам Иван Дзиньковский был лично знаком со Степаном Разиным и поддерживал с ним дружеские отношения.

Атаман Колчев, рассказывая на допросе о планах разинцев, сообщил: «А атаман Якушко Гаврилов хотел идти вверх по Дону к Острогожскому конницей по ногайской стороне, а пешие пойдут рекою в судах, для того, что им, поставя в городах заставы, в Острогожском и на Коротояке, и с Вороножа и с иных городов пропустить на Дон запасы, что... на Дону в городках у казаков в запасах великая нужда».

Даже монахов Дивногорского монастыря при их возвращении из донских городков, собиравших пожертвования в свою обитель, допрашивали в Коротояке как «воровских людей». Полковник острогожских черкас стал лично высказывать недовольство таким поведением правительства, а затем тайно передавать провизию и оружие казакам. Степан Разин понимал, что при своем походе на Волгу нужно укрепить тылы на Дону.

В своей книге С.П. Злобин «Степан Разин», изданной в Минске в 1987 году, приводит диалог Фрола и Степана Разиных: «Надо Черкасск укрепить, – согласился Степан, – пошлю я с тобой твоего тезку Фрола Минаева с двух тысячью казаков: пусть станут в Черкасске для береженья. Да пушек десяток с ними, да нашу казну. По всей Руси войсковую казну нам возить ни к чему. Мало ли случай какой на войне!.. Да Слободскую Украину пора прибирать к рукам. Дзиньковский там пособит, в Острогожске. Мы с ним, когда польских панов колотили, тогда говорили: до русских панов бы добраться!.. Ты ему больше пиши, да гонцов посылай для вестей. Как бы, вправду, бояре с Украины на нас не пришли!» Пленные разинцы на допросах общали: «...острогожский полковник Иван Дзиньковский к Стеньке Разину весною судами втайне многие подарки и запасы, и вино, и мед посылал». Воронежский историк В.П. Загоровский писал: «...переход Дзиньковского на сторону восставшего народа, несомненно, был актом мужества, заслуживающего уважения».

Восстание казаков на Дону для Дзиньковского не было неожиданным. Он знал, что в составе разинцев действует целый отряд казаков с Полтавщины, возглавляемый Алексеем Хромым. Многие историки задавались вопросом: «Почему 9 сентября 1670 года Иван Дзиньковский впустил разинцев в крепость, и как это произошло?»

Существует две версии, которые аргументированно предлагает

доцент Ростовского университета, кандидат исторических наук В.Н. Королев.

Первая версия. Казаки проникли тайно, один из них «...подлез под городовые ворота в город и у городских ворот пробой разломал и ворота отпер», караула у ворот не было.

Вторая версия. Как утверждал протопоп местной соборной церкви Андрей Григорьев, казаки въехали в Острогжск «в Ведения ворота. От реки Сосны». Сотник ливенских черкас, стоявший на посту, их не впустил.

Третья версия высказана историком И.В. Чесноковым в книге «Воронежское казачество». «Атаман Колчев, сподвижник Фрола, был направлен в Колыбелку, где он был встречен старостой села Матвеевым. По поручению Колчева и Матвеева житель села Колыбелки Иван Казачёк доставил в город Острогжск командиру казачьего полка полковнику Дзиньковскому письмо с предложением о сдаче города разинцам. Предложение было принято, и Острогжск сдался отряду Фрола Разина».

И.В. Чесноков отмечает: «Через Ивана Казачка Дзиньковский передал Колчеву, что если бы к городу прибыло от Разина всего лишь пять человек, даже и тогда гарнизон и жители перешли бы на сторону повстанцев, а раз их 23, то и подавно перейдут. Дзиньковский послал Колчеву мешок пороха и две пищали. Он предупредил повстанцев, что ввиду приближения царских войск под командованием полкового воеводы Григория Петровича Ромодановского, надо идти «наспех», захватить Острогжск, Ольшанск, Коротояк, и тогда «все украинные города будут за ними», разинцами».

Верно и то, что полковник Дзиньковский вступать в боевые действия с казаками запретил, сославшись на то, что их пришло много. И когда сотники приехали к полковнику за советом, он «ответил, что биться с разинцами не будет». «А в то время у него на дворе изготовлены были столы и поставлен хлеб и соль».

Как бы то ни было Острогжск был взят отрядом Федора Колчева из 23 человек.

Уже утром 9 сентября 1670 года разинцы, с согласия Дзиньковского, «заколов вкинули в воду» подьячего Ивана Горелова, а затем «поволокли и вкинули в воду» воеводу Василия Мезенцева. Хотя на первом «круге» городских людей мнения о воеводе разделились: одни были «за» другие «против» его наказания. Убежать удалось только та-

моженному голове С.Лебядникову. На втором круге было «зачитано прелестное письмо», единственное из сохранившихся до нашего времени. Читал его на круге казак Жуковцев. Приведу его текст: «Грамота от Степана Тимофеевича Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич, всей черни. Кто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выдавить и мирских кравопийцев выдавить. И мои казаки, како промысь станут чинить, и вам бы итить к ним в совет, и кабальная, и апальныя шли бы в полк к моим казакам».

На сторону разинцев перешли не только черкасы, но стрельцы. В частности, стрелец Федька Нагульный и с ним 50 человек. Атаман Федор Колчев установил в городе казацкие порядки и традиции: созыв круга, выборное управление, уничтожение крепостнических документов, освобождение заключенных, суд и расправа над народными обидчиками.

Восстание острогожцев развивалось молниеносно. Уже вечером 9 сентября под руководством атамана Федора Колчева, казаки пришли в соседний город Ольшанск.

Где первым делом расправились с воеводой Семеном Баклемишевым, сбросив с башни и заколов его потом саблею, а «так же двух начальных людей Белгородского полка» (источники называют этих офицеров «иноземцами» и «немцами»). Имущество воеводы было разграблено. К утру 10 сентября неожиданно пришло сообщение из Острогожска: недовольные разинцами зажиточные черкасы, торговый люд и стрельцы подняли мятеж, который возглавили сотник Герасим Корбыт, а из великороссов – Фетис Тараторин. На совете мятежников было принято решение «тех воров с острогожскими черкасы перехватать». Федору Колчеву, полковнику Дзиньковскому с небольшим отрядом пришлось вернуться. Жена полковника пыталась предупредить о мятеже и послала посыльного к Фролу Разину, но он был перехвачен. Увлечшись быстрыми победами, полковник не позаботился о надежном тыле.

Уйти из города ему уже не удалось. Дзиньковский был арестован и посажен «за караул». Как утверждал автор книги «Острогожск» Алексей Халимов, «в ночь на 12 сентября заговорщики тайно напали на повстанцев, схватили И. Дзиньковского, Ф. Колчева и их помощников».

Историк же В.Н. Королев называет другую дату – 10 сентября «в шестом часу». Войска же Фрола Разина на семидесяти стругах двину-

лись на Коротояк, где 27 сентября 1670 года были разгромлены правительскими войсками после четырехчасового боя.

Как рассказывают материалы воронежских актов, «был бой и на том бою многих воронежских казаков побили, а достальные рекою Доном в стругах побежали назад на утек». Вернувшись в Острогжск, воевода князь Ромодановский учинил расправу над острогжцами. Следствие и расправы длились до конца сентября. 29 сентября 1670 года полковник Иван Дзиньковский, писарь Марк Жуковцев и сотник Василий Григорьев были казнены на городской площади. Полковника расстреляли.

«Запоздавшая царская грамота предписывала четвертовать зачинщиков, а потом повесить. Чтобы выполнить волю царя, эту экзекуцию совершили уже над мертвыми». Как писал в своей книге «История Слободской Украины» Д.И. Багалея, изданной в Харькове в 1918 году, о расправе над Дзиньковским было «карано горлом – обрублены руки по локоть, ноги по колена и повешено». Все имущество острогжского полковника передали в казну Русского правительства. Жену Евдокию долго пытали и 8 октября казнили, отрубив голову. Четырех детей сослали в Сибирь. Сотник Григорий Карабут (Кара-бут) стал новым острогжским полковником.

В исторических документах с 70-х годов XVII века Ивана Дзиньковского стали унижительно именовать «вор Ивашка». Но так ли это? Летом 1671 года восстание под предводительством Степана Разина было подавлено, его самого четвертовали в Москве, а через несколько лет был казнён и его брат Фрол. Власти собирались даже ликвидировать Острогжск, но в мае 1673 года город разграбили татары, поэтому необходимость в форпосте южных границ Российского государства осталась.

P.S. Историки царского времени оценивали XVII – XVIII века как «воровские», а сам Разин представлен «криминальным авторитетом». В советское время – он уже борец за «народное счастье». Очень жаль, что до нас не дошла история Острогжского Слободского полка, написанная Николаем Ивановичем Костомаровым (знаменитый русский историк родился 4 мая 1817 года в слободе Юрасовке Острогжского уезда Воронежской губернии), так как рукопись была изъята воронежскими жандармами и уничтожена.

Разобраться, кто же был на самом деле Иван Дзиньковский, острогжский полковник, перешедший на сторону «голытьбы», и что руководило им в том далеком XVII веке, я и попытался.

СЕЙ СВЕТЛЫЙ ЛИК ИКОНЫ

Четыре столетия отделяют нас от того времени, «как вдали от границ тогдашней Московии – России, среди малолюдных степей, по которым блуждали шайки бездомных бродяг, беглых стрельцов, невзлюбивших нововведений Великого Петра», в районе нынешнего села Монастырщина возникла святая обитель.

Много легенд и тайн она хранит. По одной из них, Петр I при своем походе в Азов встретил на этом месте старца-пустынника, который благословил и предсказал царю победу. Так было или нет, но легенда имеет под собой основания. В «Походных журналах 1696 года» есть запись: «В 8 день (8 мая 1696 год), в 5-м часу прошли монастырь Донецкий, стоит на берегу на правой стороне, после полдень прошли городок Донецкий, стоит на левой стороне на берегу, да речку Донец, ниже городка впала в Дон с левой стороне, да проехали Казанку».

Сама пустынь, вблизи Абросимова караула, построена намного раньше, где-то в 1571 году, еще до посещения ее царем. Тем не менее основателем Донецкой Успенской пустыни был старец монах, «может быть, из упраздненной Пристанской пустыни, находившейся в Донецком юрте», – об этом писал преосвященный Дмитрий. Впоследствии сюда и был переведен Азовский Предтечев монастырь, получивший в дальнейшем название Донского Предтечева монастыря.

Место выбрано не случайно: именно здесь остановился Петр Великий при своем возвращении из Азовского похода. И этому имеется подтверждение в «Походных журналах 1696 года»: «В 10 день (10 сентября 1696 года), день был красный и холодный приехали к городку Донецкому, и ночь была холодная, и ночевали». Тем не менее Петр I предписал перенести Азовский Предтечев монастырь на место Успенской Донской обители в благодарность за предсказания старца, хотя были и более близкие пустыни в Усть-Медведецкой и Троицко-Мигулинской станицах.

Вскоре к монастырю переселились бывшие ступинские крестьяне, переведенные из села Орловка Донковского уезда Рязанской губернии.

В 1711 году для строительства и служения в Предтечев монастырь было разрешено архимандриту Иосафу «перевести с 30 чело-веками братии в Успенскую Донскую пустынь, для чего пожаловано было монастырю» пустующий юрт бывшей Донецкой станицы, унич-

Новодонецкий Предтечев мужской монастырь. 1900 год

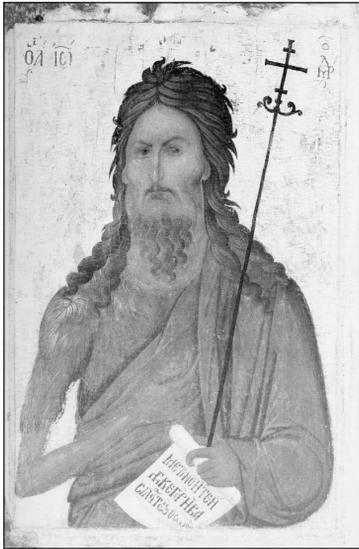
тоженной Петром I. Юрт – длиной 50 верст и шириной 20 верст. В 20 верстах от монастыря располагалась мельница, в «войсковых дачах казацкой Донской станицы».

С р е д и вещей, привезенных в

Новодонецкую Предтечеву обитель, имелось следующее имущество: иконостас Азовский столярной работы; напрестольное Евангелие, печатанное в 1694 году; крест напрестольный с позолотой, 20 февраля 1697 году пожалованный самим Петром, весом 1 фут 50 золотников; крест серебряный позолоченный, весом 2 фута 22 золотника и другая церковная утварь. В Успенской обители, а впоследствии – в Донском Предтечевом монастыре, находились две иконы Иоанна Предтечи. Одна – большая, без металлического оклада, укреплена золотыми венчиками и усыпана богатыми камнями. Другую икону Иоанна Предтечи вывезли из Азова, написана она на кедровой доске. Первоначально её разместили в старой Успенской обители, затем перенесли в новый Предтечев монастырь, размещенный где-то в восьми верстах от села Монастырщина.

Святость Азовской иконы и ее легендарная история прежде всего связаны с 1637 годом, когда донские казаки овладели Азовом и несколько лет сражались со стотысячным войском татар и турок.

Вторым важным событием Чудотворной иконы, как пишет Г. Броневский в «Истории войска Донского», было следующее: «...когда де Донские казаки, при осаде их в городе Азове, защищались, более чем против 100 тысяч турок, и, изнемогши, хотели оставить оный, в то время одному из старцев в сие явилась прекрасная жена, одетая в багряну ризу, и древний муж, властный и босой, обещавший защиту

Икона «Иоанна Предтечи в пустыне». 1527 год

и помощь за их истое и христианское терпение. Тут казаки обратились с молитвою в церковь и увидели, что на иконе Иоанна Предтечи, хранившейся в Азовской церкви, потекли слезы, как роса. Эти теплейшие слезы Угодника Христова были так сильны и чудотворны, что неприятель, как видно устрешенный, сам отступил от городских стен и обратился в бегство».

Чудотворная икона Святого Предтечи крестителя Господня, «на кедровой доске», по преданию написана в 1527 году. При этом хранилась она в Азове еще до прихода казаков и была оставлена в храме греческими торговцами. Когда казаки уходили из Азова, то икону закопали то ли под церковь, то ли в церковную стену. В 1696 году при штурме Азова вместе с казаками и

войсками Петра I, одно из ядер угодило в церковную стену, откуда и выпала святая икона. Есть и другая версия возвращения иконы: будто бы когда Петр I приступал к возведению нового крепостного вала, то «нашел в земле вместе с рывшими ров казаками две иконы: одну Знамения Божьей Матери, начертанной на внутренней стороне большой раковины, которую царь пожертвовал в новый Азовский собор, и другую св. Иоанна Предтечи».

Рисунок иконы был следующий: «Предтеча изображен готовым идти из пустыни в мир на проповедь. Строгое загорелое его лицо выражает пустынножителя... Оно продолговато, нос с горбинкой, глаза поникшие, волосы всколоченные, борода небольшими прядями. Роста высокого, телом тощ, верблужья его одежда охвачена поясом. В левой руке у него трость со свитком, где написана словяно-греческая надпись...»

Икона «Иоанна Предтечи в пустыне» была красива, поля иконы убраны серебром. Во всем окладе два фута 80 золотников. Длина 13,5 вершка, а ширина 9,5 вершка. Из древностей Азовского монастыря, привезенных в Донецкое (Монастырщину), оказался и 115-пудовый колокол. Надпись на нем дана самим Петром Великим и гласила:

«Лета 7205, то есть 1697 года, ноября в первый день во славу Всемогущего в Троице Святой славимого Богу, появлением Благочестивейшего Великого Государя царя и Великого Князя Петра Алексеевича и Малыя и Белья России Самодержавца и многих государств и земель восточных и западных и северных Отчича и Дедича и Наследника и Государя и обладателя вылить колокол сей в завоеванной Его Великого Государя городе Азове, который от войцк Великого Государя взят из повладения султана турецкого Мустафы в прошлом 7204 году июля 19, в монастырь честного славного Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в честь имени Его Святого во благочестие и радость православным христианам, а на посрамление нечестивым магометанам».

Когда в Донецкое привезли церковную утварь, то при разгрузке колокол упал на церковную утварь и угодил прямо на икону Иоанна Предтечи, чудотворность иконы позволила ей уцелеть, а колокол разбился.

Впоследствии был отлит новый колокол. Интересно, что когда построили Новый Предтечев монастырь в 8 верстах от Монастырщины, то случился «бабий бунт». Когда за колоколом приехал обоз забирать его в другой монастырь, то женщины «ухватили за веревки, за колеса, за грядки телег, положились на землю перед колокольной, набились на ея лесенки, – и заставили обратиться вспять монастырский обоз». Так колокол и не отдали.

Чудотворная икона же много странствовала по России и где-то бесследно пропала.

«СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ» ЧЕРКАССКОГО ТРАКТА

Весной 1829 года А.С. Пушкин, двигаясь на Кавказ по Черкасскому тракту, проследовал через Воронежский край. Путь его на юге Воронежской губернии в направлении станицы Казанской проходил через станции Нижний Мамон, Ковыленскую, Бычек, Матюшенскую. Об этом свидетельствует опубликованная в альманахе «Памятники отечества» №2 за 1986 год карта путешествия А.С. Пушкина.

Уже позже в 1835 году, описывая свое путешествие, поэт пишет: «До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине».

Город Елец находился примерно в 437 верстах от границы Войска Донского. В летнее время А.С. Пушкин мог преодолеть это расстояние за четыре дня, но учитывая, что после зимы дорога была хуже, то за 5 – 6 дней. К началу мая он был уже у станицы Казанской.

По преданию на одной из станций на юге воронежского края он заночевал. Возможно, это был Воронеж, Нижний Мамон или одинокая почтовая станция в Богучарском уезде.

В повести «Станционный смотритель» А.С. Пушкин пишет: «... В мае месяце случилось мне проезжать через Н-скую губернию по тракту. Находился я в легком чине, ехал на перекладных и платил прогон за две лошади. В следствие чего смотрители со мною не церемонились и часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде». Действительно А.С. Пушкин согласно чину коллежского секретаря мог получить только две лошади. Пять троек, которые были на станции, смотритель мог выдавать только государственным курьерам и фельдъегерям, поэтому дорога была утомительной и долгой.

На территории Богучарского уезда, как свидетельствует книга Ф. Токмакова «Город Богучар и его уезд», на Черкасском тракте было

две почтовые станции и большая казачья слобода Бычек. Почтовая станция Ковыленская (хутор еще упоминается как Ковылин, Ковыльня, Ковыленка, Ковыльный – Е.Р.) находилась при ручье и логе Ковыленском недалеко от села Журавка, в прогоне 13 верст было 30 лошадей. На станции с. Бычек прогон составлял 15 верст и было 33 лошади. Третья станция Матюшинская – при логе Матюшинском, что напротив богучарской деревни Белая горка, здесь прогон 23 версты и было 33 лошади. Далее начинался Казанский перелаз через р. Дон.

Интересно, что в хозяйстве станции имелись постоянный двор, часовня, конюшни, сеновалы, каретные сараи, колодцы с водопоем для лошадей, баня, кузница. Здесь же имелся штат конюхов и ямщиков.

Именно в мае 1829 года и проехал поэт Богучарский уезд, а под Н-ской губернией вполне могла быть воронежская, трактом – Черкасский. «В трех верстах от станции дождь вымочил меня до нитки. По приезду на станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю», – пишет далее А.С. Пушкин. Здесь он согласно статье альманаха «Памятники отечества» и заночевал.

В Журнале Богучарского земства за 1866 год дается описание тракта: «На тракте этом между Ковыленской и Бычковой появляются уже песчаные не удобные к проезду лога, не только весной, но и в обыкновенное время ... затем далее встречаются сплошные, глубокие массы качующего сыпучего песка, образовавшего на полотне дороги то котловины, то бугры, постоянно вновь изменяющиеся на протяжении ... включительно от Бычка до каменного пограничного столба и здесь опять, не доезжая Матюшенской почтовой станции, перерезает дорогу глубокий песчаный лог (сухой) ...»

На какой из почтовых станций Ковыленской (Ковыленка, Ковылин) или Матюшинской остановился поэт и какой станционный смотритель поведал ему эту печальную историю, неизвестно, но то, что он их проезжал, это точно, ибо другой дороги до станицы Ковыленской не было. Да и переправлялся поэт через Казанский перелаз рано утром.

В селе Нижний Мамон, где в начале XIX века была станция Черкасского тракта, и существует музей крестьянского быта. Библиотекарь и заведующий музеем Кутепов Николай Тихонович посетителям рассказывает местную легенду про пушкинский чайник, из которого как будто бы угощали Александра Пушкина. Это забавная легенда, к которой все относятся с улыбкой.

Есть и другая быль у богучарцев о том, что сюжетом произведения «Станционный смотритель» стали события, происходившие на станции Ковыленской или Матюшинской, расположенной на Черкасском тракте.

Происхождение сотенного слободского казачьего местечка – городка Ковыльный относится к 1717 году. Он был населен харьковскими и черкасскими казаками, которые были приписаны к Черкасскому Острогожскому полку. Как утверждают Воронежские епархиальные ведомости за 1876 год: «Там говорят, когда-то было село, вероятно, называвшееся Ковыльным, и стояла церковь. Какой-то помещик, вздумавший обратить в собственность крестьян Ковыленских жителей, заставил их всех разбежаться, кто куда попал. Некоторые старики говорят, что их «диды булы колысь ковылински та уतिकлы». Церковь, оставшаяся без прихода, посвященная во имя св. Апостолов Петра и Павла, куплена, перевезена и поставлена в Петропавловке». Так как первые упоминания церкви в с. Петропавловка относятся к 1745 году, произошло это в первой половине XVIII века. В ведомостях упоминается Евангелие 1685 года, напечатанное в московской типографии «это-то Евангелие читалось когда-то в церкви, бывшей – где теперь Ковыленская станция».

Главного героя повести звали Самсон Вырин, несомненно, это имя хорошо рифмуется со словом Ковылин (К ... вылин – вырин), а фамилия гусара Минский со словом Матюшинский (М...инский – Минский). Может, в этом имени и фамилии есть своеобразная шифровка Александра Пушкина имени станций. Есть и несколько косвенных совпадений, это-то, что смотритель угощал местных ребяташек орешками, недалеко от х. Ковыленской расположена ореховая балка. В 1817 году после Отечественной войны 1812 года на зимние квартиры в г. Богучаре расположился Финляндский драгунский полк, а гусары «квартировались», а потом и остались жить в селе Бычек. Возможно один из гусаров полка ротмистр Минский, плененный красотой Дуни, увез ее из почтовой станции в Петербург, а ее отец поведал А.С. Пушкину за чашкой чая эту удивительную историю. В «Станционном смотрителе» есть такой эпизод: «С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски». Многие богучарцы в то время служили в Измайловском полку.

Уже позже в 1866 году Черкасский тракт был заброшен. Связано это было с тем, что ее большая протяженность постоянно надвигающиеся сыпучие пески, да и два деревянных моста значительно ухудшали проезд. Появился новый тракт г. Павловск, Казинская, Верхний Мамон, с. Филонова, г. Богучар, «на сл. Красноженово, постоянный двор у леса, называемого Высоким г. Авдеева, затем в земли Войска Донского»

И в заключение приведу еще один отрывок из повести: «Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться со зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сених я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать: Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев. С тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания». Возможно, именно поэтому Александру Пушкину так запомнился этот страстный поцелуй богучарской барышни крестьянки на станции и он написал эту повесть.

Но была ли это станция Ковыленская? К концу XIX века станция Ковыленская, где в 1829 году был один двор, 15 человек мужского и четыре женского пола пропала, на ее месте образовался хутор. На 1891 год в самом хуторе Ковыльный было 8 дворов, 71 человек жителей, а в начале 70-х годов XX века хутор исчез совсем.

БЛАГОСЛОВИЛ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ

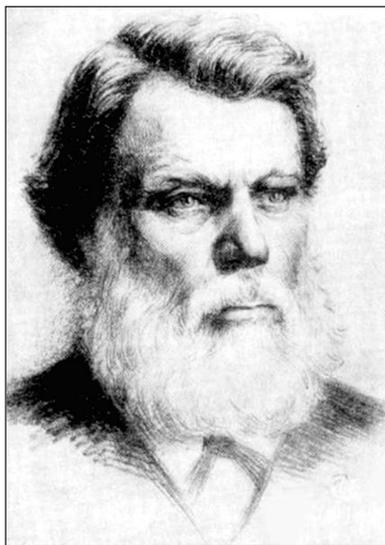
Антон Павлович Чехов родился за год до отмены крепостного права. А за двадцать один год до этого его деду, Егору Михайловичу, ценой невероятного труда удалось скопить три с половиной тысячи рублей и выкупить всю семью из крепостной зависимости. Богучарцы знают, что род Антона Павловича Чехова неразрывно связан и с их краем.

Но о том, как протекала жизнь представителей рода Чеховых в Твердохлебовке, малоизвестно.

Егор Михайлович вспоминал: «Я обратился к помещику с просьбой об освобождении меня и моей семьи от крепостничества. Помещик посчитал всех членов семьи и нашел, что для выкупа моей дочери Александры денег не хватает, и он отдал мне ее бесплатно, как малоценный товар». Когда же были оформлены документы об освобождении семейства от крепостного права, помещик подарил Егору Михайловичу «... две телеги с парой лошадей каждая. Собрав свой скудный скарб, среди которого я вез два короба книг и журналов, подаренных мне членами семьи помещика, на другой день ранним утром, простившись со своим учителем грамоты Сидором и его семьей, я покинул имение Ольховатку (после выкупа на волю Егор Михайлович прожил в Ольховатке с семьей еще два года. – Е.Р.), место мрачной жизни крепостного раба». Путь его семьи лежал через Россошь, мимо деревни Митрофановка, села Райновское и хутора Даниловка. Только к вечеру в субботу прибыли в Константиновку (ныне Кантемировка).

На другой день, в воскресенье, проехав деревни Талы и Писаревку, они оказались в Твердохлебовке, чтобы здесь выдать свою дочь Александру замуж: «Она была очень юная, и я боялся везти ее в город, ибо там жулики ее могут обмануть». Дочь была выдана замуж за сельского писаря Василия Григорьевича Кожевникова, грамотного человека, которого и сочли достойным.

Сохранились воспоминания о деде писателя А.П.Чехова Егоре Михайловиче Чехове и семье его дочери Александры Егоровны, записанные Андреем Константиновичем Руденко со слов своей матери Веры Васильевны Руденко, дочери Александры Егоровны Чеховой (Кожевниковой). В записях сообщалось: «Егор Михайлович Чех, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой, часто навещал свою дочь, проживающую в с. Твердохлебовка Воронежской губер-

Дед Антона Павловича Чехова
Егор Михайлович Чехов

нии в 15 верстах от уездного города Богучара. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова на Донщине, где Егор Михайлович работал управляющим его имения.

Путь в село Твердохлебовку был нелегким, так как большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала по своим родным, будучи оторванной от них с юношеских лет жизни.

Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он ее именовал), питая

к ней особенное чувство трогательной жалости из-за ее постоянной тоски по матери. Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я – младшая дочь Вера». Большим авторитетом он пользовался не только у жителей Твердохлебовки (давал практические советы по сельскому хозяйству и пчеловодству), но и у представителей Земской управы Богучара, куда его в каждый приезд к дочери приглашали для участия в заседаниях. «В знак глубокого уважения Егору Михайловичу присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочитывал.

Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы», – вспоминала Вера Васильевна Руденко. Ефросинья Емельяновна и Егор Михайлович Чеховы очень переживали, что их дочь Александра не могла учиться, ведь ее брат Павел (отец А.П. Чехова) учился в гимназии. Вместе с тем дети Александры – три дочери и сын – обучались грамоте в местной приходской школе, а младшую Верочку, любимую внучку, он обучал грамоте сам.

Вскоре семью постигло горе: муж Александры Егоровны Кожевниковой (Чеховой) Василий Григорьевич потерял зрение. «К этому времени детей у Александры Егоровны было уже пять человек – четыре дочери и один сын. Положение сделалось затруднительным, во главе семьи стал несовершеннолетний сын Василий, который вел небольшую торговлю при доме и смотрел с сестрами за пасекой и огородом». Однажды Егор Михайлович был приглашен на заседание управы и взял с собой внуков. В Богучаре он познакомился с одним из сотрудников управы – «Кудиновым Акимом, работающим там около 4 лет и проживающим в Богучаре. Прошло некоторое время, и Егор Михайлович предложил Александре Егоровне устроить семейную жизнь ее старшей дочери Анастасии с Кудиновым Акимом». И молодые впоследствии поженились.

Здесь же, в Богучаре, Егор Михайлович «знакомится с торговцем оптовой продажи мануфактуры Павловым Михаилом» из деревни Верхняя Гнилуша. «Он начал советовать дочери об устройстве семейной жизни второй ее дочери Марии, что и было сделано через год после замужества первой дочери», – отмечает в своих воспоминаниях Вера Васильевна Руденко.

Сам Егор Михайлович жил в Таганроге, куда к нему наведывались дети и внуки. Однажды во время разлива, когда к Богучару по реке стали проходить баржи и пассажирские пароходы, Александра Егоровна вместе Верой отправилась по Дону в имение Платова, где жил Егор Михайлович: «На другой день утром мы прибыли к месту жительства Егора Михайловича, где он нас встретил и повел в свой домик. Открыв дверь, мы увидели старенькую, слабенькую женщину, сидевшую на постели с протянутыми к нам руками. Моя мама с рыданиями бросилась к ней, упала перед ней на колени и без конца целовала бабушкины руки. Я повторяла за мамой то же самое и громко плакала». Через сутки они вернулись в Богучар, а затем в Твердохлебовку.

В июле 1878 года Ефросинья Емельяновна умерла. В начале октября Егор Михайлович в сопровождении сына Митрофана Егоровича приехал в Твердохлебовку с просьбой к Василию Кожевникову помочь с ликвидацией дел в имении Платова. Митрофан Егорович пробыл в Твердохлебовке три дня и отбыл назад. В конце лета и осенью 1878 года Е.М. Чехов побывал у внуков в Таганроге, Москве, Калуге, а затем на Новый год приехал в Богучар и Твердохлебовку. Вера

Васильевна Руденко вспоминала: «Приближались Рождественские праздники, и Егор Михайлович, несмотря на большие морозы, решил посетить все церковные службы. В его адрес были получены поздравительные праздничные послания от сыновей, знакомых и работников земской управы г. Богучара, что очень обрадовало его. В конце января земская управа все же решила сделать ему приглашение приехать на совещание, от чего он отказался по состоянию здоровья и просил при надобности прислать к нему агронома, где он сможет дать какие-либо советы. Что и было сделано. Прошли морозные месяцы, приближалась весна, и Егор Михайлович стал тяготиться своим бездельем, начал вспоминать свою трудную жизнь с самых ранних лет. Дочь Александра Егоровна и внук Василий успокаивали его, говоря: «Отдохнешь хорошо и снова начнешь трудиться». Но время больше не пришло. Егор Михайлович начал жаловаться на недомогание и большую слабость. Уставал даже читать и просил меня, внучку, помогать ему в этом. Читали мы больше на религиозные темы и журналы по сельскому хозяйству. Внук Василий, с ведома Егора Михайловича, обратился в сельскую управу с просьбой прислать врача проверить состояние здоровья дедушки. Врач нашел у Егора Михайловича большую слабость относительно физической нагрузки прошлого, отразившейся на сердечной деятельности.

Видя ухудшающееся состояние здоровья дедушки, мать написала всем дочерям письма с просьбой навестить дедушку. Внучки своим приездом очень обрадовали Егора Михайловича. При этом Егор Михайлович высказал мысль пригласить сына Митрофана приехать его проведать, так как он уже плох и не может никуда двинуться. Письмо брату Александра Егоровна написала, и он уже через неделю приехал в Твердохлебовку.

Егор Михайлович настолько обрадовался, что от радости расплакался. Мы все очень разволновались и с трудом успокоили дедушку».

Предчувствуя близкую кончину, Егор Михайлович решил посетить родственников. В письме, направленном отцу Антона Павловича Чехова его братом Митрофаном, сообщалось: «В воскресенье 11-го числа он был в Богучаре в гостях у Настеньки. Прощаясь с ними ... он им пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведаль и благословил, так как Исаак Якова, Яков Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению». А 12 марта Егор Михайлович вернулся в Твердохлебовку и «почувствовал дурноту», к нему был приглашен

священник для исповеди. «После окончания таинства священника он попытался пройти по комнате поддерживаемый с одной стороны Василием Григорьевичем, с другой – сестрой. На поворот обратно он преклонил колено, и более у нас не стало отца, благодетеля....»

Могила Чехова Егора Михайловича
в с. Твердохлебовка Богучарского
района

Случилось это в 5 часов по полудню. Священник отец Константин прочитал отходную молитву. Иван Феофанович Луценко сразу же направил телеграммы всем детям Егора Михайловича. Митрофан Егорович и Людмила Павловна Чеховы ответили сразу же и попросили, чтобы отца не хоронили без них. Уже 14-го числа в 11 часов вечера они прибыли из Ростова в Кантемировку, где их встретил Иван Феофанович, и через час, проехав на лошадях 45 верст, к 7 часам утра в четверг, 15-го, были в Твердохлебовке. Тело покойного все это время лежало в местной церкви. Похороны состоялись 15

марта 1879 года на местном кладбище. Егора Михайловича похоронили с почестями. Как сообщал в письме Митрофан Егорович, такого не видели даже в городе. На могиле был поставлен «дубовый крест с резьбой имени и фамилии, кто здесь покоится». В пятницу, 16 марта, Митрофан Егорович, вместе с женой выехал из Кантемировки в Ростов, а затем в Таганрог.

Шестого апреля 1879 года было отправлено первое письмо отцу А.П. Чехова, в котором Митрофан Егорович и Людмила Павловна Чеховы, побывавшие в Твердохлебовке, подробно описали последние дни жизни и похороны. Они попросили прочитать письмо Михаилу Михайловичу, а потом отправить его в Калугу родственникам с просьбой впоследствии прислать письмо обратно в Таганрог.

Письмо это просто бесценно. Оно было найдено в Государственном историческом музее в Москве краеведом Евгением Пажитковым. Выдержки из него частично использованы мною при написании этой

статьи. Интересно, что в нем описано, как проходили последние дни деда А.П. Чехова и сами похороны.

В частности, сообщается: «Через час после нашего приезда отслужена была панихида ... через два часа явилось все духовенство – три священника, дьякон и причетники опять служили панихиду...». Вынос тела на крыльцо, во двор и при выносе за двор трижды сопровождался чтением Святого Евангелия, а «...на колокольне производился печальный протяжный звон. Шествие из церкви началось похоронным пением ... на старинный напев». На протяжении всего пути до храма сделали две остановки. В церкви отслужили литургию по покойнику. При отпевании погребения и прочтения отцом Михаилом надгробной проповеди гроб с покойником держали на руках. Шествие на кладбище шло медленно и сопровождалось пением и чтением Евангелия.

Второе письмо было написано на адрес Павла Егоровича и Евгении Михайловны Чеховых 29 апреля 1879 года из Таганрога. В нём сообщалось, что «завтра ... ему исполнится 40 дней» и по сему поводу будут служить литургию и панихиду в церкви детского приюта.

ИЗ РОДА ЧЕХОВЫХ

Среди многочисленного семейства Чеховых, кто переехал из с. Ольховатка и жил в XIX – XX веках в Богучарском уезде, есть одна интересная семья Евгения Емельяновича Чехова. Об этой семье рассказала жительница села Филоново Богучарского района Чернышова Анастасия Евдокимовна. Евгений Емельянович Чехов имел пятерых детей. Марию, Константина, Александра, Анну, Валентина и Ивана. Евгений Чехов, бывший сельский псаломщик, выхлопотал бесплатное обучение в духовной семинарии для старшего сына Ивана. Расчет был на то, что Иван, окончив семинарию, поможет получить образование младшим братьям и сестрам. Так и вышло: два брата выучились на агрономов, две сестры – на врачей, а одна стала школьной учительницей. Мария Евгеньевна, окончившая Воронежское Епархиальное училище в 1911 г., работала учителем в селе Филоново, а 1913 году была переведена в с. Плесновка.³⁵

Владимир, сын Ивана Чехова, вспоминал: «В середине XIX в. семья моего предка переехала в село Филоново Богучарского уезда, которое находится недалеко от Ольховатки... а сам я не Струнников Владимир Александрович, а Чехов Владимир Иванович. В детстве я часто слышал в разговорах взрослых упоминания о родственниках, оставшихся в этом селе»³⁶. Мария Евгеньевна преподавала в филоновской церковной школе. Иван Евгеньевич был священником в селе Подколодновка. «Отец был мастером на все руки: токарем, столяром и плотником. Вся наша деревянная мебель и множество ульев для пчел были сделаны им. Он чинил часы, швейные машинки, даже мотоциклы и впервые появившиеся в селах трактора. Дубил кожи и сам шил для нас обувь. Из многочисленных шкурок разводимых им кроликов шил нам разнообразную меховую одежду и шапки. Из различных выброшенных машинных частей соорудил маслобойку. Прекрасно фотографировал»³⁷.

Иван женился на Ларисе Митрофановне Поповой (прожила до 89 лет), которая была дочерью филоновского священника. «Она по-

³⁵ Журнал Богучарского Земского Собрания. 6 очередной сессии. Павловск, 1911, 1915 годы. (Хранится в районном краеведческом музее)

³⁶ Журнал «Природа» №8. 2004 .

³⁷ Журнал «Природа» №8. 2004 год.

лучила хорошее образование в каком-то специальном воронежском заведении для благородных девиц. Такая возможность представилась ей благодаря тому, что директором там был муж двоюродной сестры моей бабушки. Единственный брат матери погиб во время Гражданской войны, и всю жизнь бабушка тяжело переживала его гибель. Мать замечательно вышивала, и это было единственным доходом семьи в те времена, когда после ареста отца и моего отъезда осталась с двумя девочками». В двадцатых года семья была раскулачена. В журнале «Природа» №8 за 2004 г. Владимир в интервью говорил: «О фамильном с ней родстве (имеется ввиду семья Чеховых) подсказала бы хранившаяся в нашей семье фотография Антона Павловича с дарственной надписью на обратной стороне и подписью. Кому была подарена эта фотография, меня тогда не интересовало, а потом уже было поздно – ее навеки поглотил архив НКВД. Накануне ареста отца в 1928 г. богучаровский чекист, проводивший обыск, заинтересовался фотографиями, а среди них и была фотография Антона Павловича. Увидев ее, чекист спросил, где живет этот Чехов, а когда объяснили, что на фото известный писатель, умерший в 1904 г., представитель “органов” обещал все проверить и разобраться. Разобрались они или нет, не знаю, а тайна дарственной надписи так и осталась мною неразгаданной»³⁸.

Совсем недавно удалось разгадать тайну этой фотографии. Помогла в этом Лариса Владимировна Струнникова, дочь Владимира, работник института биологии развития им. Кольцова Российской Академии Наук. Она подарила мне книгу В.А. Струнникова «Шелковый путь», изданную Российской академией наук в 2004 г. Так вот, в книге есть такие строки, что фотография Антона Павловича с дарственной надписью была сделана в фотостудии Л.Э. Непперт. Совсем недавно газета «Воронежская неделя» публиковала очерк Николая Дядина – «Фотографъ Смирновъ» и другие, в котором упоминается, что Л.Э. Непперт работал в г. Богучаре до начала XX века. Как пишет в книге Владимир Струнников: «В этой же студии фотографировались в молодости и мои родители». Фото Ивана Евгеньевича Чехова и Ларисы Митрофановны Чеховой (Поповой) и сейчас хранятся в личном архиве дочери Ларисы Владимировны Струнниковой. В моем архиве хранится несколько писем Ларисы Струнниковой, в одном из них

³⁸ Журнал «Природа» №8. 2004 .

Великий русский писатель
Антон Павлович Чехов

она пишет: «В свое время Мария Евгеньевна сумела доказать свое родство с А.П. Чеховым, общалась с сестрой Антона Павловича Марией и ей даже предлагали заведовать домом – музеем Чехова в Ялте».

На основании вышеперечисленного можно предположить, что Антон Чехов был в г. Богучаре и фотографировался у Л.Э. Непперта. Но возникает вопрос, когда это произошло? И ответ на этот вопрос найден. В книге британского профессора русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета Дональдом Рейфилдом «Жизнь Антона Чехова».³⁹ Он пишет: «Павел Егорович одолевал Антона и Колю поручениями: навестить отца Василия Бандакова, узнать, что слышно о старой няне, заехать

в Твердохлебово ... поклониться гробу деда». Было это в конце августа 1880 г., когда Антон возвращался из г. Таганрога в Москву. Дорога в с. Твердохлебовка была хорошо известна М.Е. Чехову. Когда он ехал на похороны отца в с. Твердохлебовка в 1879 г., тогда путь от с. Кантемировка до с. Твердохлебовка на лошадях протяженностью 45 вест занял у него семь часов. Несомненно, Антон Чехов был в г. Богучар и посетил могилу деда, встречался с родственниками. В это время в городе жила его двоюродная сестра Анастасия Кожевникова, которая была замужем за сотрудником Богучарской управы Кудиновым Акимом. Недалеко от них жили и дети Евгения Емельяновича Чехова.

³⁹ Дональд Рейфилд (англ. Donald Rayfield, род. 12.02.1942, Оксфорд, Англия) – британский литературовед и историк, профессор русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета (англ. Queen Mary, University of London); автор переведённых на русский язык книг о А. П. Чехове. Владеет русским и грузинским языками. Доктор философии (1977). Окончил Magdalene колледж Кембриджа (бакалавр, 1963).

Воспоминания о той поездке от с. Кантемировка до с. Твердохлебовка и г. Богучар, легли и в основу повести Антона Чехова «Степь». В повести упоминается и богучарский острог. «Егорушка (неслучайно имя деда Егор Чехова – Е.Р.) взглянул на часовых, тихо ходивших около высокой белой стены, на маленькие решетчатые окна, на крест, блестящий на крыше, и вспомнил, как неделю тому назад, в день Казанской божией матери, он ходил с мамашей в острожную церковь на престольный праздник; а еще ранее, на Пасху, он приходил в острог с кухаркой Людмилой и с Дениской и приносил сюда куличи, яйца, пироги и жареную говядину; арестанты благодарили и крестились». Кстати, именно этот сюжет с острогом лег основу картины знаменитого художника передвижника Иванова С.В. «У острога», написанную в г. Богучаре в 1885 г. В повести упоминается и кладбище: «За острогом промелькнули черные, закопченные кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника» и «небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками», так похож пейзаж дороги из Богучара в Твердохлебовку, а также «сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – вся, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и облаканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики ... Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница... Обоз расположился в стороне от деревни на берегу реки (дорога

Герой Социалистического Труда
Струнников (Чехов)
Владимир Александрович

на с. Твердохлебовка и сейчас проходит рядом с рекой Богучарка – Е.Р.)». В повести отражаются и переживания о смерти деда и одиночестве бабушки: «Тогда, благодарить бога, все живы и здоровы были, а теперь не знаю... Может, кто и помер... А помирать уж время, потому все старые, есть которые по старшее меня. Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу радость. А коли хочешь с покаянием помереть, чтобы, стало быть, в чертоги божии запрету тебе не было, Варваре великомученице молись. Она ходатайница. Она, это верно... Потому ей бог в небесех такое положение определил, чтоб, значит, каждый имел полную праву ее насчет покаяния молить... Егорушка думал о бабушке, которая спит теперь на кладбище под вишневыми деревьями; он вспомнил, как она лежала в гробу с медными пятаками на глазах, как потом ее прикрыли крышкой и опустили в могилу; припомнился ему и глухой стук комков земли о крышку... Он представил себе бабушку в тесном и темном гробу, всеми оставленную и беспомощную». Особенно последние слова в повести: «Егорушка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, как дым, вся то, что до сих пор было пережито; он опустился в изнеможении на лавочку и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него...». В этих словах как бы прощание с родными из Таганрога и Богучарского края, переживания Антона, связанные с новой жизнью в Москве. Только часть повести «Степь» исследована мною, детально изучить ее, наверное, надо литераторам. Но, несомненно, в нем описано путешествие самого Антона к могиле деда Егора. Упоминание о поездке в Богучар остались и в письме, датированном 18 января 1887 года, М.Е. Чехову от Антона, где он пишет о беседе со своим другом А.С. Сувориным: «Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает разговор об Ольховатке, Богучаре...». Впечатлений от поездки в Твердохлебовку и Богучар у Антона осталось много, да и фотография Антона Чехова, выполненная в фотостудии Л.Э. Непперта, осталась в семье филоновских Чеховых.

Но вернемся к семье Ивана Чехова. Иван родился в с. Филоново. Он был прекрасным фотографом, имел свое фотоателье. Наверное, талант фотографа унаследовал от отца. У меня в архиве сохранилась его фотография богучарских мальчишек, датируемая 1915 годом. В конце 20-х годов он был раскулачен. В 1932 году вернулся в г. Богу-

чар, снова открыл фотоателье, но вскоре его арестовали. На печатном бланке Воронежской епархии значилось, что он был расстрелян 23 октября 1937 года. Уже в 2004 году Ларисе Струнниковой удалось выяснить, что дело № П-14619 с документами Ивана Чехова хранятся в Воронежском ФСБ.

Несмотря на репрессии благополучно и в то же время трагически сложилась судьба сына Ивана – Владимира (1914 года рождения). Известного впоследствии как Владимира Александровича Струнникова, Героя Социалистического Труда, действительного члена РАН, российского академика генетика-селекционера. В дни празднования своего юбилея он вспоминал: «После раскулачивания и ареста отца мы вынуждены были переселиться к родственникам в Богучар. Из источников доходов у нас остался только один – мамино вышивание. Но на нем много не заработаешь. Поэтому, списавшись с другими родственниками, решили разъехаться по разным семьям. Мне, рассудили, надо отправляться к тетушке по отцу – Валентине Евгеньевне, бывшей замужем за профессором-хирургом Струнниковым Александром Николаевичем». Александр Николаевич родился в 1879 году и защитил докторскую диссертацию при Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. В своей книге «Шелковый путь» Владимир Струнников вспоминал: «Они меня усыновят, после чего мне, возможно, откроется дорога в вуз. Их семья жила в Краснодаре, но ко времени моего приезда профессор решил перебраться в Микоян – Шахар, столицу Карачаево-Черкесии на постоянную работу. Там мы все и оказались. Так как у меня удостоверение об окончании семилетки (Владимир закончил семилетку в Богучарской городской школе – Е.Р.) было выписано на имя Чехова, то планировалось, что я снова пойду в среднюю школу, но уже как Струнников, в расчете на ближайшее переоформление документов. Я снова оказался в 7-м классе ... Меня волновало, каким должен быть сын профессора – умным или средним? Решил, что – умным. Может быть, тогда поверят, что я настоящий сын профессора. В школе все протекало без осложнений. Однажды я познакомился со студентом Горского сельскохозяйственного института, который находился в г. Орджоникидзе, и узнал, что там есть отделение пчеловодства и шелководства. Как раз то, что нужно для осуществления моей детской мечты. Казалось, события развиваются вполне благоприятно. Но в начале мая скоростно скончался Александр Николаевич. Я снова оказался “у разбитого ко-

рыта”: мое усыновление он не успел оформить. Этим пришлось заняться тете. Сходив куда-то, она продиктовала мне заявление о желании быть усыновленным, потому что мои родители – учителя умерли. В результате я получил документ, удостоверяющий, что я – Струнников Владимир Александрович. Теперь можно было поступать в вуз, и я стал студентом Горского сельскохозяйственного института». ⁴⁰ Первый раз он защитился в 1947 г., доработав небольшие разделы диплома, второй – через пять лет. Повторная защита понадобилась потому, что его с женой (она тоже была генетиком, селекционером), единственных в СССР, лишили уже защищенных кандидатских степеней, а заодно и ученых званий за отказ принять лысенковское “учение”. Жену к тому же уволили, а его, в связи с крупными научными достижениями оставили... на должности младшего научного сотрудника. Звание Героя Социалистического Труда Владимир Александрович Струнников получил в 1990 году «За особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции и подготовку высококвалифицированных кадров».

О других детях Евгения Чехова скажу: Константин до оккупации работал бухгалтером в конторе «Заготзерно» в Верхнем Мамоне, после оккупации бухгалтером в инвалидной столовой в Богучаре, жил на улице Кирова (второй дом от здания бывшей милиции). Был объявлен врагом народа, после реабилитирован. Сестра его жены вышла замуж за человека, который заведовал районным отделом НКВД. В доме их в это же время жил Александр, агроном по специальности, со своей семьей, благодаря чему и не пострадал. ⁴¹ В семье Константина было двое детей: Римма (1932 года рождения, живет в Московской области пос. Селятино) и Евгений (1936 года рождения жил в Ессентуках, умер). Валентина Евгеньевна Чехова вышла замуж за профессора хирургии Александра Николаевича Струнникова и жила в Ессентуках Ставропольского края. Анна Евгеньевна Чехова стала врачом, а затем преподавала в г. Воронеже.

Интересна судьба учительницы Марии Евгеньевны Чеховой. После ареста братьев Константина и Ивана, она уехала в город Панфилово Казахской ССР, где в 1927 году родился ее сын Олег. Олег сохра-

⁴⁰ Журнал «Природа» №8. 2004 год.

⁴¹ Воспоминание Чернышовой Анастасии Евдокимовны. с.Филоново. записал Николюкин Н.Е.

нили фамилию Чеховых, работал на Московском автомеханическом заводе, в 1953 году закончил аспирантуру, в 1970 защитил докторскую диссертацию. Последнее время работал профессором Московского государственного университета инженерной экологии. Олег Синанович был академиком трех академий: Российской Инженерной Академии и Международной Инженерной Академии, Международной академии наук экологии и безопасности человека и природы, Академии открытий и изобретательства. Умер в 2001 году. В селе Филоново и городе Богучаре до сих пор хорошо сохранились дома, в которых жила семья Евгения Емельяновича Чехова. В 90-х годах XX столетия в село приезжала Вера Евгеньевна Чехова, хотела вернуть родной дом, но не получилось.

В Богучаре жили и другие Чеховы, дети Василия Михайловича Чехова. Федор Чехов, который в 1900 году окончил Богучарские образовательные учительские курсы и работал учителем в с. Ново-Криушанском, его сестра Нионила Чехова, окончившая пять классов Острогской женской гимназии, с 1910 года тоже приехала учительствовать в Богучарский уезд. Как следует из метрической книги за 1879 год, в церкви с. Твердохлебовка был псаломщиком Дмитрий Чехов.

ОНИ ЗВАЛИСЬ ФЕРДИНАНДОВЫ

Однажды на мой адрес электронной почты пришло письмо от неизвестного мне Нила Никандрова, в котором он сообщал: «С интересом ознакомился с материалами сайта о городе Богучар. К удивлению моему, не нашел ничего (может быть, плохо искал) о Владимире Фердинандовиче Фердинандове, который начал свою карьеру в Богучаре смотрителем уездного училища. Благодаря ему была открыта женская прогимназия. Он являлся своего рода местным просветителем....».

Завязалась переписка. Меня самого заинтересовала личность Владимира Фердинандова. В архивах удалось найти очень интересные сведения. Оказывается, Владимир Фердинандович более 35 лет являлся штатным смотрителем и попечителем учебного округа ряда училищ Богучарского уезда в чине коллежского ассессора. (Этот чин VIII класса считался достаточно высоким, и достичь его было нелегко даже дворянину – как правило, требовался университетский или лицейский диплом).

Как сообщает книга «Адрес – календарь лиц, служащих в Воронежской губернии» за 1877 год, в этой должности он находился с 1855 года. Являлся участником русско-турецкой войны 1853 – 56 годов, за что награжден орденами Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени, а также бронзовой медалью «В память войны 1853 – 1856».

Из материалов РГАЛИ мне удалось установить, что Владимир Фердинандович Фердинандов, рожденный в 1825 году, родом из прибалтийских немцев. В возрасте семи лет мать отдала его в Гатчинский сельский воспитательный сиротский дом, так как умер отец, а она второй раз вышла замуж. Изначальная фамилия была другая. Эту фамилию ему дали в воспитательном доме по имени отца. По документам опекунского совета учреждений императрицы Марии удалось установить, что в Гатчинском воспитательном доме служил учителем немецкого языка и классным надзирателем Фердинанд Лустих. Умер он в 1837 году. Возможно, он и был отцом Владимира.

В 1834 году воспитательный дом преобразовали в восьмиклассную мужскую гимназию для детей-сирот, а через три года – в Гатчинский сиротский институт, который готовил домашних учителей. В институте Владимир обучался до 1840 года.

В своем письме Константин Сапожников сообщил мне, что «поисками следа Фердинандовых (Москва, Италия, Египет, Венесуэла, США и т.д.) я занимаюсь с начала 80-х годов.

Фотоархив Николая Алексеевича, цветные репродукции всех его работ, уцелевшие письма, полнейшая коллекция публикаций о нём, мои личные впечатления от поездок по маршрутам художника позволяют написать о нём и его семье с достаточной полнотой. На испанском языке я опубликовал две книги, в России – несколько больших статей, в том числе в журнале «Латинская Америка».

При этом он сообщал, что жена Владимира Фердинандовича «Анна Федоровна Федоровская (девичья фамилия), дочь священника из Старобельского уезда Харьковской губернии». Но это оказалось не так.

В составлении родословной мне помог архив местного краеведческого музея. Так сложилось, что практически все метрические книги, которые раньше хранились в Богучарском Загсе, в 2012 году были переданы в Воронеж, и найти сведения о родственниках В.Ф. Фердинандова через многочисленные запросы краеведам стало намного труднее. Казалось, поиск на этом и закончится, но когда я обратился к директору местного краеведческого музея А.В. Сахно, то был приятно удивлен. Она сообщила:

– Да, у меня есть сведения о Фердинандовых. В 90-х годах я работала в Богучарском Загсе с метрическими книгами, собирала метрики об известных богучарцах, в том числе и семье Фердинандовых. Из этих записей, сохранных в объемистой общей тетради, и удалось восстановить часть родословной Фердинандовых.

В.Ф. Фердинандов был православным, его жена Анна Яковлева, дочь губернского секретаря, учителя русского языка из уездного училища Косьмы Игнатъевича Яковлева, а не Анна Федоровская, как утверждал Константин Сапожников. И что интересно, членом Богучарского уездного училищного совета в этот период являлся известный воронежцам городской архитектор А.П. Багалдин – Таишев – уроженец Богучара. У Владимира Фердинандовича уже были дети: Алексей, Александр, Мария (род.1858), Виктор (род. 1863), Лидия (род.1864), Павел (род. 28.08.1872), Василий (род.10.12.1874). Все они получили достойное образование в Богучарском Александровском трехклассном училище: дочь Лидия стала учителем и 11 сентября 1881 года вышла замуж за своего сослуживца, учителя Александров-

ского училища Якова Яковлевича Бибикова (род. 1860); Александра преподавала французский язык в женской гимназии при костеле святого Людовика в Москве; Виктор работал писарем первого разряда в уездной управе; Алексей – уехал учиться в Москву, где окончил Казанское техническое железнодорожное училище, затем Московский императорский университет и всю жизнь работал в Московско-Казанском железнодорожном училище преподавателем математики, дослужился до коллежского асессора; Василий уехал в Воронеж и посвятил себя сельскохозяйственной науке.

В переписке с Нилом Никандровым удалось выяснить, что это псевдоним Константина Николаевича Сапожникова, журналиста-международника, автора нескольких романов и биографических книг, две из них – «Григулевич» и «Уго Чавес» – были изданы в серии ЖЗЛ.

В центре – основатель рода Владимир Фердинандович Фердинандов.
Справа от него его жена Анна Кузминична (Яковлева). Еще правее сын
Алексей Владимирович. Левее – жена Алексея.
Самый верхний Николай Алексеевич, мальчик слева от него
Борис Алексеевич Фердинандов.

Сейчас он готовит к изданию книгу о внуке Владимира Фердинандовича Николае Алексеевиче Фердинандове, известном венесуэльском живописце. В одном из своих писем К.Н. Сапожников сообщил: «Насколько мне известно, по его инициативе (имеется в виду Фердинандов В.Ф. – Е.Р.) в городе впервые за все его существование были организованы любительские спектакли. Ставили А.Н.Островского и водевили. Был создан любительский оркестр». В российских архивах удалось найти наброски одной из таких постановок В.Ф.Фердинандова, отраженной будущим художником – передвижником Сергеем Васильевичем Ивановым, который в апреле 1885 года делал зарисовки в городе Богучаре.

В 1881 году Владимир Фердинандович получил чин надворного советника. Гражданский чин VII класса, который соответствовал чинам подполковника в армии, официальное обращение – «Ваше высокоблагородие». Как сообщается в документах РГАЛИ, «неустанным трудом выслужил себе потомственное дворянство» и стал потомственным почетным гражданином города Богучар. Через три года он вышел на пенсию, а 29 мая 1901 года скончался. Сообщалось: «Похороны его вылились в грандиозную демонстрацию любви и уважения.

За гробом шла по крайней мере половина населения города, учащиеся всех учебных заведений. На крышку гроба были прикреплены его форменная треуголка и шпага, как символы его длительной, честной и плодотворной работы». Символично, что именно в этот год в Богучаре завершили строительство, начатое по инициативе В.Ф. Фердинандова, и открыт Народный дом, где до нынешнего времени проводятся театрализованные постановки.

По-разному сложилась судьба семейства Фердинандовых, одни стали знаменитыми артистами и художниками, другие – педагогами и учеными, но все они бывали в Богучаре.

Русский и советский профессор
Василий Владимирович
Фердинандов.

Известный русский и советский актер, режиссер, художник, киноактер Борис Алексеевич Фердинандов.

Не всем воронежцам известно, что у истоков создания Воронежского зооветинститута стоял Василий Владимирович Фердинандов. Он один из основателей научной школы птицеводства в России и Воронежского зооветинститута, где вел курс по птицеводству. Василий Владимирович был делегатом II съезда России по мелкому животноводству

и птицеводству, проходившего в Москве 7–8 ноября 1917 года. Его доклад на съезде стал значительным вкладом в учение «О простой русской курице», к тому же он являлся проректором по науке в вузе. С 1935 года по 1941 год – руководитель кафедры частного животноводства, доктор сельскохозяйственных наук. Профессор В.В.Фердинандов впервые в России поставил исследования в области птицеводства на научную основу, обследовал и описал породы кур Центрального Черноземья. 26 ноября 1929 года Коллегия Народного Комиссариата по внешней и внутренней торговле СССР, проходившая под председательством А.И. Микояна, приняла решение об организации Научно-исследовательского института по птицепромышленности и птицеводству, был образован оргкомитет, в который вошли профессора В.В. Фердинандов, В.П. Никитин, В.В. Букраба и А.С. Солун.

Константин Сапожников прислал мне фотографию семейства Фердинандовых, где сфотографировались Алексей Владимирович с родителями и детьми во время посещения Богучара. Особенно талантливыми оказались дети именно в его семье: Борис Алексеевич Фердинандов (1889 – 1959) стал актером, режиссером, художником; Лидия Алексеевна – актрисой, снималась в лирических мелодрамах европейского кинематографа; Владимир Алексеевич стал признанным скрипачом.

Большую известность приобрели два брата – Борис и Николай Фердинандовы. Борис Алексеевич в начале своей театральной деятельности с 1909 по 1911 год учился на драматических курсах и служил в Малом театре. В 1913–1914 годах он – художник-оформитель в Петербургском театре музыкальной драмы, а после революции в Московском камерном театре. С 1921 по 1923 год руководил созданным им Опытно-героическим театром. У него начинали впоследствии знаменитые актеры Михаил Жаров и Игорь Ильинский. Борис Алексеевич был знаком с Сергеем Есениным и Владимиром Маяковским. Так, в марте 1922 года состоялось публичное чтение пьесы «Черный человек», написанной по поэме Сергея Есенина, а уже в мае в Опытно-героическом театре состоялась её премьера.

В 1923 году Опытно-героический театр распался. Борис Алексеевич Фердинандов впоследствии ставил спектакли в театрах Калуги, Челябинска, Новокузнецка, Воронежа, Сыктывкара, Ашхабада, Казани. Так, в Воронеже им поставлен спектакль «Ромео и Джульетта», где он играл роль Тибальда. Б.А. Фердинандов поставил в 1935 г. в Челябинском драматическом театре «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. Прибыл в город 24 февраля. Премьера спектакля прошла в апреле. Анонсировался как режиссёр и художник.

В ноябре 2013 года я попросил Константина Сапожникова прислать мне фото семьи Фердинандовых. Он исполнил просьбу и в письме сообщил: «Должен сказать, что собранные мною материалы о семье Фердинандовых войдут в книгу о художнике Николае Алексеевиче Фердинандове. Летом пришлось временно отложить работу над текстом из-за необходимости срочной доработки биографии Уго Чавеса, вышедшей в серии ЖЗЛ в начале октября

Известный русский и венесуэльский художник
Николай Алексеевич Фердинандов.

сего года. После публикации книги о Фердинандове проблем с передачей вам необходимых фотографий не будет. Часть из них попала ко мне из архива бывшего директора Национальной библиотеки Венесуэлы Хосе Монкады, который после смерти Соледад Гонсалес – вдовы Николая – унаследовал всё её имущество, включая фотоальбомы, письма, некоторые уцелевшие графические работы художника. Кстати, среди тех, с кем я встречался – были «аргентинские» Фердинандовы воронежских корней, «невозвращенцы». Игорь Фердинандов (насколько я понимаю, близкий родственник В.В.Ф. – специалиста по птицеводству) даже написал для меня воспоминания о встречах с Николаем на Воронежской земле (до его отъезда из России), плюс к этому – наша почтовая переписка.

За информацию о сыновьях Бориса спасибо. Об обстоятельствах их гибели я ничего не знал».

В письме, направленном мною Константину Сапожникову, речь шла о трех сыновьях Бориса Фердинандова: Иване, Горазде и Кирилле. Они погибли на фронте во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Мне удалось разыскать место гибели двоих сыновей Бориса Фердинандова, о чем я и написал Константину Сапожникову. А также место их проживания: г. Москва-13, пос. Подбельского, д. 7, кв. 5. В благодарность он выслал мне фото семьи Фердинандовых и фото матери Бориса. Мне также удалось найти дом в Богучаре, где проживало до революции все семейство, а также копии зарисовок, сделанных в селе Журавка Богучарского уезда Николаем Фердинандовым.

Именно брат Бориса Алексеевича, художник Николай Алексеевич Фердинандов, получил всемирную известность. Он родился в Москве 14 апреля 1886 года. Обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, потом – в Высшем художественном училище Академии художеств Санкт-Петербурга. Свои работы экспонировал на московских выставках, много путешествовал по Египту, Америке, Греции, Италии и Франции. На Международной художественной выставке в Риме в 1913 году за декоративные работы он был удостоен золотой медали. Николай Фердинандов всегда стремился стать известным художником, отказался участвовать в империалистической войне 1914 года. В 1918 году он был вынужден перебраться на тропический венесуэльский остров Маргарита, где активно участвовал в художественной жизни этой страны. Знаменитый венесуэльский

писатель Ромуло Гальегос назвал Николаса (Николая) Фердинандова «человеком, зажигающим маяки».

В 1920 – 1922 годах Н.А. Фердинандов неоднократно экспонировал на проходивших в Венесуэле выставках свои живописные (в духе импрессионизма) и декоративные работы. С 1923 по 1924 год жил на острове Кюрасао в Карибском море. А 7 марта 1925 года, как раз накануне выставочного турне по Америке и Европе, художник умер от туберкулеза. Свой прах он завещал опустить в Карибское море.

После него осталось множество живописных работ. В Национальной галерее изобразительных искусств в Каракасе хранятся картины, переданные вдовой Фердинандова – венесуэлкой Соледад Гонсалес.

К сожалению, большая часть художественного наследия живописца, перевезенного родственниками во Францию, погибла во время гитлеровской бомбежки.

Вместе с братом Николай Алексеевич неоднократно бывал в Богучаре и посещал театр, делал зарисовки в окрестных селах. Многие работы братьев Фердинандовых хранятся сейчас в архивах РГАЛИ в Москве и экспонируются на выставках. В 2012 году в Государственной Третьяковской галерее прошла выставка работ русского зарубежья, живопись и графика из собрания национального музейного фонда Галереи национального искусства Венесуэлы. Были представлены и работы Николая Алексеевича Фердинандова.

Работая с архивными документами РГАЛИ, я выяснил много интересного о семье Фердинандовых. В частности, что сестра Лидия Алексеевна, актриса немого кино, с 1920-х была в эмиграции – сначала в Париже, затем в Бразилии, навещала брата Николая на Кюрасао. Сохранились многие фото, рисунки и письма Бориса Алексеевича.

ОТ БОГУЧАРА ДО ЛОНДОНА

Лет 20 назад в одной из музыкальных энциклопедий я случайно прочитал, что Марк Гамбург, известный всему миру пианист, родился в Богучаре Воронежской губернии. Впоследствии нет-нет да и наткнулся на воспоминания о нём. Потребовалось почти десять лет усиленных поисков, чтобы в 2008 году написать небольшую статью «Вундеркинд из Богучара». Казалось бы, поиск закончен, поставлена точка. Ан нет.

В ходе краеведческих изысканий, касающихся биографии деда Антона Павловича Чехова, удалось познакомиться с британским литературоведом и историком, профессором русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета Дональдом Рейффилдом. Тогда я обратился к нему с просьбой оказать содействие в поиске родственников Марка Гамбурга. Вскоре последовал ответ.

Известный всему миру
английский пианист
Марк Михайлович Гамбург

В письме Дональд сообщал: «У Марка остались в живых два внука (сводные братья). Вчера я позвонил одному из них, профессору в США: он обрадовался, что проявляют интерес к его родословной. Он хорошо знает, что их семья из Богучара, но никакими воспоминаниями не располагает. Однако он мне рекомендовал две-три книги, включая автобиографии Марка Гамбурга, которые могут дать какие-нибудь о нём сведения. Когда в следующий раз буду в Британской библиотеке, то закажу книги и сообщу вам подробности».

Вскоре через Дональда Рейффилда я отослал свою статью о Марке его внуку в США.

Примерно через неделю получил ответ. Дональд писал: «Уважаемый Евгений Романов! Сегодня был в Британской библиотеке и кое-что

узнал о Марке Гамбурге по книге The Brothers Hambourg, написанной Eric Koch'ом в 1997 году. Отец его, Михаил Гамбург, в свое время был очень известным пианистом из Ярославля. Мать – Екатерина Герцовна (девичью фамилию не знаю). Братья матери – богучарцы. Один был врачом (земским врачом?). Он же (или другой брат) владел фруктовым садом, где семья Гамбург часто отдыхала. Богучарская тетьа научила Марка играть этюд Черного. Михаила один раз арестовали за знакомство с нигилистом; Екатерина похлопотала, и его освободили. Семья – еврейская, но от религии отошли. В 1910-м они прибыли в Торонто. Екатерина по какой-то причине покончила с собой в 1922 году. Есть семейный архив, большей частью находится в Канадской национальной библиотеке, в Оттаве: фонд Clement Hambourg (младший брат Марка). Статью вашу перешлю, хотя потомки Марка Гамбурга уже по-русски не читают. С наилучшими пожеланиями. Дональд Рейфилд».

В письме Дональда Рейфилда есть некоторые неточности. Во-первых, не этюд Черного, а этюд Черни. Карл Черни – австрийский пианист и композитор чешского происхождения, который в свое время обучался у Людвиг ван Бетховена. Этот этюд знаком мне из курса Богучарской музыкальной школы, где я в своё время обучался. Во-вторых, удалось установить фамилию матери Марка Гамбурга, она уроженка Богучара Екатерина Герцовна Гиршкович.

Так чем же так знаменит её сын и наш земляк?

Родился Марк 12 июня 1879 года в семье, где музыка звучала постоянно. Его отец, Михаил Климентьевич, окончил Московскую и Петербургскую консерватории. Сначала он переехал жить на родину жены в Богучар, где она и родила ему первенца Марка. В этом же году они переехали в Воронеж, где он стал давать уроки игры на фортепиано.

Здесь родились еще два сына: в 1882 году – Ян и 8 января 1885 года – Борис. Оба брата стали известными музыкантами. На лето семья часто приезжала в Богучар. Вскоре за обучение старшего сына взялся отец.

Марк в своей автобиографии вспоминал: «Мой отец никогда ни в чём не принуждал меня. Хотя у меня был природный музыкальный дар, но выучить за четыре дня в семилетнем возрасте произведение Глинки «Жаворонок» и исполнять его было для меня слишком трудно».

В Воронеже они прожили до 1888 года. Затем Михаил Климентьевич Гамбург переехал в Москву, где служил в консерватории. Од-

ной из причин переезда стало то, что Марк уже в 9 лет прославился своей одаренностью. Его дебют состоялся на одной из московских сцен, где он сыграл 20-й фортепианный концерт Моцарта, а через два года выехал на гастроли в Англию.

В Лондоне он выступил с концертом, сыграв несколько произведений Баха и Бетховена. Успех, в том числе и финансовый, позволил всей семье перебраться в столицу Туманного Альбиона. В 1900 году в Лондоне в семье Михаила Гамбурга появился четвертый сын Клемент.

В своих воспоминаниях Марк Гамбург писал: «...наш дом был полон музыки и музыкантов. Какое счастье обладать унаследованным музыкальным талантом, это же настоящее блаженство. По вечерам, после ужина, все исполняли камерную музыку. Многие великие музыканты в те дни были друзьями моих родителей».

Бузони, Рубинштейн, Рахманинов, Фридман музицировали вместе с Марком в доме Михаила Гамбурга. Триумфальное выступление пианиста – вундеркинда Марка Гамбурга на лондонской сцене в 1890 году позволило ему направиться на обучение к Теодору Лешетицкому (Лешетицкий был учеником Бетховена. – Е.Р.) в Австрию. В Вене Марк обучался три года. Экзаменом стало его выступление с Венским филармоническим оркестром под управлением Ганса Рихтера. Исполнил же он Первый концерт Шопена.

Теодор Лешетицкий настолько был восхищен выступлением Марка, что вернул ему деньги, которые тот уплатил ему за три года обучения.

Началась гастрольная жизнь. Австралия, Канада, США, Германия, Франция ... Во время своего австралийского тура он в течение трех месяцев выступил 53 раза. В 17 лет Марк Гамбург принимает британское гражданство, а в 19 лет женится на дочери лорда – Доротее Мьюир–Маккензи. К 1906 году Марк исполняет тысячный концерт, в 1913 году двухтысячный. Он оказался одним из первых пианистов, чья музыка была записана на граммпластинки.

Отец Марка два года преподавал в Королевской академии музыки и Гилдхоллской школе музыки, а затем переехал с тремя сыновьями в Канаду. В Торонто он открыл частую консерваторию и долгое время преподавал в ней с сыновьями.

Ян стал известным скрипачом, в 1920 году переехал в Париж, где и умер в 1947 году. Борис стал известным виолончелистом, а после смерти отца в 1916 году возглавил консерваторию и руководил ею до

1951 года, умер в Торонто в 1954 году. Клемент стал известным канадским пианистом. В 1946 году вместе с женой открыл джаз-клуб «Дом Гамбургов», который просуществовал до 1963 года, умер он в 1973 году в Торонто. Марк часто бывал в Канаде.

Так, в 1935 году вместе с Яном и Борисом они выступали с симфоническим оркестром Торонто. Во время Великой Отечественной войны Марк Гамбург выступал с благотворительными концертами. О нем был снят в 1942 году документальный фильм.

И сейчас можно послушать его исполнение музыкальных произведений, записанных на компакт-дисках.

Марк Михайлович Гамбург умер в Англии в 1959 году и похоронен в Кембридже. Из его четырех дочерей только одна Михал (по-видимому, названа в честь отца Марка Михаила), родившаяся в 1919 году, унаследовала талант отца. Уже в 12 лет она гастролировала с ним по всему миру, выступали они и дуэтом.

А в 1930 году состоялась ее гастроль по Великобритании с известным негритянским певцом Полем Робсоном. В октябре 1950 года семья Гамбургов отметила «бриллиантовый» юбилей своего первого лондонского выступления в Королевском оперном театре Ковент-Гарден. В первом отделении Марк Гамбург играл произведения Бетховена, во втором – Шопена.

Музыкант Марк Гамбург оставил три книги: «От пиано до форте», «Восьмая октава», «Как играть на фортепиано» и две автобиографии. Его музыка звучит и в ряде художественных фильмов. Уроженец провинциального городка Богучара прославил свой род и свой город.

«ПОЗНАКОМИЛСЯ С ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫМ КОММУНИСТОМ...»

23 июня 1925 года в «Воронежской коммуне» появилось сообщение: «21 июня в 4 ч. дня в Воронеж прилетел самолет Авиахима «Лицом к деревне». На аэродроме самолет был встречен представителями пятерки, Губ. ОДВФ и массой граждан...». Такие агитполеты аэропланов Авиахима устраивались в связи с новым лозунгом, выдвинутым партией весной 1925 года: «Лицом к деревне!». В Воронеж из Москвы для пропаганды достижений советской авиации прилетели «уполномоченный Авиахима РСФСР т. Федотов, пилот Моисеев, механик Морозов, корреспондент газет «Правда» и «Гудок» т. Шкловский и двухлетний сын т. Моисеева».

Виктор Шкловский – писатель, литературовед, критик – был личностью неординарной. Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер, в 1917 году получил Георгиевский крест 4-й степени из рук самого генерала Л.Г.Корнилова. Тогда же стал помощником комиссара Временного правительства и был направлен на Юго–Западный фронт в Отдельный Кавказский кавалерийский корпус в Персию, где организовывал эвакуацию русских войск и вернулся с ними в Петроград в начале 1918 года. Через два года он – профессор Российского института истории искусств. Когда начались аресты эсеров, Виктор Шкловский эмигрировал в Финляндию. Жил в Берлине с апреля 1922 года до июня 1923-го. Вернулся в Россию в сентябре 1923 года. За рубежом и в России издал в те годы ряд книг. Был близок к футуристам: В. Хлебникову, А. Кручёных, В. Маяковскому.

Русский, советский писатель
Виктор Борисович
Шкловский

...У прибывших в Воронеж авиаторов возникла проблема – отсутствие аэродромов в уездах. Самолет «Юнкерс» несколько раз поднимался в воздух с пассажирами из Воронежа, а затем было принято смелое решение поставить самолет на «поплавки». Шкловский в течение нескольких дней

ожидания и работы механика решил посмотреть уезды Воронежской губернии. Как он сам вспоминал: «Почти случайно я попал к мелиораторам».

Митинг на реке Дон у села Галиевка. 1925 год.

Начиная с 1922 года, воронежским губернским мелиоратором работал Андрей Платонович Климентов, в литературном сообществе известный как Андрей Платонов. Именно здесь, у мелиораторов, как рассказывают путевые блокноты Виктора Шкловского, и произошло их личное знакомство. В одной из статей Шкловский писал: «Пока разыскивали козлы для подъема самолета, я на автомобиле с губернским мелиоратором ездил по уездам». В письме своей жене Виктор Шкловский сообщал: «Город здесь полуужный (о Воронеже. – Е.Р.). Нищих – как в Москве. А вообще, я очень изменился. Мне не хочется смеяться. Познакомился с очень интересным коммунистом ... Большая умница. У него жена и сын трех лет».

Поездка на автомобиле Виктора Шкловского и Андрея Платонова продолжалась несколько дней. Воронеж – Рогачевка – Бобров ... В путевом блокноте Виктора Шкловского читаем: «За городом дороги в дождь размокают. Лужи выше колен. Идти нельзя. Стоим в поле четыре часа.

Шофер снимает блок и картер. Крестьянин, увидевший устройство. Он в розовой рубашке и маленького роста. На обратном пути от него привет». В Рогачевке Виктор Шкловский осмотрел механическое поливное устройство, сделанное по проекту Андрея Платонова. «Качать воду должен был двигатель. Но доставали ее из другого колодца пружинным насосом. Пружина вбегала в воду и бежала обратно, а вода за нее цеплялась. Крутили колесо пружины две девки. «При аграрном перенаселении деревни, при воронежском голоде, – сказал Платонов, – нет двигателя дешевле деревенской девки. Она не требует амортизации». В блокноте Шкловского упоминается и другой географический пункт их движения и попутчик: «Город Бобров с пустыми площадями, театр через день. Живут ничем. Травкин, гора сусликов, лошадь 22 лет. Маслотрест как центр жизни. Платонов. Розанов. Стесняется». Еще бы не стесняться. Виктор Шкловский – писатель с опытом, а Андрей Платонов – еще только начинающий. При этом в этот период Платонов занят активно инженерной работой и мало пишет.

Описывая увиденное по пути из Воронежа в Бобров, Виктор Шкловский сообщает: «Все эти реки, о которых мы учили в учебнике географии: Воронеж, Битюг, Хопер, Тихая Сосна ... их нет. Они заросли камышом. Если раздвинуть камыш, то внизу между камышами мокро. Платонов прочищает реки. ... Степи широки. На дорогах сидят суслики. Не боятся автомобиля ... Платонов мелиоратор. Он рабочий лет двадцати шести. Белокур. Пруды стоят в степи. Черт нас подери, как хороши. Есть пруды длиною в несколько верст. Их обсаживают ветлами. Потом строят избы. Живут».

В своей книге «Третья фабрика» о транспорте, на котором они передвигались, Шкловский говорит скептически: «Платонов ездит на мужественном корыте, называемом автомобиль». Андрей же Платонов в том же неоконченном рассказе «Умственный хутор» замечает с любовью: «Мы ехали на старой машине заслуженной итальянской (фир) марки «Лянчия». В действительности машина была под номером Lancia 18–24 HP и имела имя Lancia Alfa. Четырехцилиндровый двигатель мощностью 28 лошадиных сил развивал скорость свыше 80 километров в час. Упоминаний о дальнейшем движении Шкловского и Платонова из Боброва нет. Но осмелюсь предположить, что они проехали до села Петропавловка. Основание для этого – тот же неоконченный рассказ «Умственный хутор».

«Вдруг в моторе что–то резко и часто забилося, словно (так очутился посторонний) в камере цилиндров попало металлическое трепещущее существо. ... Прохожий человек стоял и судил нас: – Вы

маломочны и беретесь не так. Лучше ступайте на Самодельные хутора – отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку – он вам одну машину зарядит. А вы замучаетесь, вы люди не те». У Виктора Шкловского об этом же так написано: «Крестьянин, увидевший устройство. Он в розовой рубашке и маленького роста». Главный герой «Умственного рассказа» – народный умелец Григорий Паку(ркин) «выбрал начинку из (одного) двух цилиндров в виде рассыпавшихся вкладышей и запустил мотор на двух цилиндрах. ... В Спартаке мы за ночевали, потому что Григорий обещал (сделал) поделать вкладыши из металла, которые никогда не лопнут и не раскрошатся. ... Мы с товарищем Гущевым легли (близ) на ночлег близ сарая, где хранился (хранилось антрацитное) кузнечный уголь и брак продукции».

После поломки автомобиля, о которой пишут в путевом блокноте Виктор Шкловский и Андрей Платонов в «Умственном хуторе», они направились в хутор. «Хутор назывался Спартак и находился он в бывшем Богучарском уезде Воронежской губернии. Опустелые поля окружали эту индустрию – видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то машинного мастерства», – пишет в «Умственном хуторе» Платонов. Мне удалось установить, что хутор Спартак действительно существовал в бывшем Богучарском уезде (нынешнего Кантемировского района) и располагался (сейчас его уже нет) недалеко от села Смаглиевка. К сожалению, платоновский рассказ остался неоконченным, а писатели благополучно вернулись в город Воронеж. Им предстоял знаменитый перелет на самолете «Юнкерс» по маршруту Воронеж – Лиски – Коротояк – Богучар. Теперь уже с приводнением на реку Дон.

Литература:

1. Шкловский В.Б. Третья фабрика. – Артель писателей – «Круг» – М., 1926. – СС. –123,125, 136.
2. Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы (Кн 1) – СПб, Наука, 1995. – С.360.
3. Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. – М.: Современный писатель, 1994 – С.496.
4. Варламов А.Н. Андрей Платонов. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 2011. – С. 546.
5. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Платонов А. Умственный хутор. Ф. 780. Ед. хр. 28.
6. Шкловский В.Б. (подписано: Виктор). Богучаровская Сибирь // Правда. – 1925. –№32. – 2 августа.

ПРИЗРАКИ ЧЕВЕНГУРА

22 января 1921 года в городе, в здании местного ревкома выступил электрик Андрей Платонов (1899–1951 года), впоследствии известный писатель, который сделал доклад «о частной электрификации Богучара при использовании вод реки Дон». «Электрификация есть начало освобождения человека от угнетения материей, от борьбы с природой...», – писал Платонов в газете «Воронежская коммуна».

Ситуация была очень сложная: в уезде из-за засухи и Гражданской войны разразился страшный голод. В Богучаре жители съели всех кошек и собак. Всего голодало около 130 тысяч человек. Газета «Воронежская коммуна» в июне 1922 года писала: «Голод в уезде большой. Вот цифры: в январе по 12 волостям умерло 221 человек (150 от голода), в феврале 295 (148 от голода), в марте 549 (255 от голода). В уезде участились случаи людоедства. Так, в селе Бычек умер в одной семье мальчик. Его родные отрезали часть еще не остывшего трупа и утопили голод.» . Так, в 1921 году в Богучарском уезде в помощь голодающим было собрано два миллиона рублей. С заготовительных пунктов на станции Кантемировка и Митрофановка в Царицын было отправлено 50 тысяч пудов, в Оренбург – 36 тысяч пудов зерна. В 1921 году в Богучарском уезде было пять артелей, объединивших 470 единоличников, которые имели в своем распоряжении 310 десятин земли и 27 единиц рабочего скота. 28 января 1921 года газета «Воронежская коммуна» писала о Богучаре: «Работа понемногу входит в колею, функционирует молочная ферма. Молоко передается детским приютам и больницам, началась работа колбасной фабрики». В период голода комиссией помощи голодающим и изъятию церковных ценностей было сдано в Уфинотдел 11 пудов 10 фунтов 24 золотника серебряных вещей. Только один Богучарский собор дал шесть пудов 27 фунтов. Богучарцы получили от АРА в виде подарка медикаментов около 70 млрд. рублей (американская организация руководитель АРА Хаскемль).

Петроградский рабочий – коммунист, военный комиссар уезда Васильев В.А. в мае 1921 года написал письмо В.И. Ленину. В письме он сообщил, «что часть участников мятежа против Советской власти, вспыхнувшего в ноябре 1920 года в Богучарском уезде, уцелела и организовала бандитскую шайку, которая совершает убийства пар-

тийных и советских работников». Автор письма указал на необходимость организовать для борьбы с бандитами добровольческий отряд и просил дать в его распоряжение три – пять мотоциклов для связи. Вскоре Центральный Комитет партии утвердил «Положение о частях особого назначения (ЧОН) РСФСР», в задачу которых входила борьба с контрреволюцией. ЧОН организовался из комсомольцев, партийных работников. Командиром 19-й Богучарской роты особого назначения был В.И. Сивоконев. Особенно славился первый отдельный кавалерийский эскадрон войск ГПУ, командиром которого был Шматко И.П. Вместе с ним банды на богучарщине уничтожали Мамченко Г.П., Бибииков И.М., Лапгуров С.М., Украинский Т.Д. и другие. ЧОНовцы помогали осуществлять и продрозвёрстку.

Очень трудным для богучарцев был 1922 год. Но, несмотря на трудности, город жил и трудился. 1 апреля был открыт районный краеведческий музей, «имевший до 2000 отдельных предметов, преимущественно от эпохи Гражданской войны».

В романе «Чевенгур» (1928 год) писатель описал события, происходившие в уезде в двадцатые годы, у Платонова главными героями стали богучарцы. «В Россоши – по рассуждениям самих чевенгурцев – народ тяжеловатый, пригнетенный помыслами к земле. В Богучаре же – воздушный, добрый. Божьи люди. До революции Богучарский уезд был центром федоровщины – апокалиптического сектантского движения, сотни тысяч приверженцев которого упорно жили в безгрешности и аскезе, со дня на день ожидая второго пришествия и Страшного суда. Видя такое настроение населения, большевики устроили федоровцам второе пришествие: почти все они сгинули в лагерях».

В районе городской электростанции скважина была маломощной, и богучарцы обратились к Андрею Платонову, представителю губисполкома с просьбой соорудить водопровод. 14 октября 1924 года члены уисполкома писали: «Просить тов. Платонова, как ознакомившегося с этим положением на месте – поддержать ходатайство перед губисполкомом и губземотделом». Андрей Платонов занимал должность председателя комиссии по гидрофикации губернского земельного управления, первоначально называвшейся чрезвычайной комиссией по борьбе с засухой, или Земчека. Название должности несколько раз менялось.

Под руководством А. Платонова в Богучаре стала работать электростанция. «Ее мощность 1000 осветительных единиц. В сеть вклю-

Стоит крайний справа начальник Богучарской милиции Лаптуров Степан Максимович. Выше, на крыле самолёта сидят слева Всеволод Вячеславович Иванов, справа Шкловский Виктор Борисович, стоит в центре за фотографом Андрей Платонович Платонов.

Чемберлену» 524 рубля. 3440 юношей и девушек вступили в ОСОавиахим. 21 мая 1925 г. в Воронеж прилетел корреспондент газет «Правда» и «Гудок» Виктор Борисович Шкловский. Его задачей было создание авiakлубов под лозунгом «Авиахим лицом к деревне». В редакции «Воронежская коммуна» В.Б. Шкловский познакомился с А. Платоновым и пригласил его полетать с ним по области на шестиместном «Юнкерсе». Юнкерс сел на реке Дон в районе х. Галиевка. Это путешествие в губернии, в том числе в Богучар, который он описал в книге «Третья фабрика» (глава «Богучарская Сибирь»): «Платонов понимал деревню. Я пролетел над ней аэропланом. У нас что-то не ладилось. Пели мы «Кирпичики» в кабине. Аэроплан летел ушибленным жуком. Стороной проходил косой дождь. Ночевали на берегу в аэроплане, покрывая

чено 300 электрических лампочек». «Губернский мелиоратор (он же производитель работ по электрификации) оставил после себя нечто большее, чем срубовые колодцы и паровые движки». Андрею Платонову была выделена машина марки «Форд». В книге «Третья фабрика» Шкловский писал «Товарищ Платонов ездит на мужественном корыте, называемом автомобиль». В.А. Трошкина в своих воспоминаниях писала: «На нем всегда была гимнастерка, вечно засаленная, потому что он постоянно возился с механизмами, инструментами, все изобретал, ремонтировал чего-то».

Богучарцы заработали и передали в фонд эскадрильи «Наш ответ

его брезентом. Видали детский дом. 400 подкидышей. По трое в кровати. Они больны малярией и госпитализмом. Отсутствием личной судьбы. Ребенку она нужна. Фамилии у этих детей новые: Тургенев, Достоевский... Пеленки перечеркнуты крест-накрест. Чтобы не ворovali. Деревни огромные – их не натопишь. В них люди, выдавшие революцию. Им скучно, они хотят в город. Деревня хочет быть городом. Около аэроплана толпа всю ночь и дежурили милицейские. Старики спрашивали нас: «А что за хмарой?» Хмара – это облако. «За хмарой бога нет», – отвечает летчик. Он спорит о боге и уличает образа в том, что у Ильи-пророка на колеснице отточенные спицы. А тогда не было токарных станков. Деревня не спорит. Ей скучно, а мы прилетели. Она спрашивает, сколько стоит полет. И собрала бы на полет в избах без стекол...» В «Воронежской коммуне» Шкловский напечатал заметку «Лицом к Воронежу». Впоследствии Платонов изобразит Шкловского в образе Сербинова в романе «Чевенгур».

Под руководством «Призрака Чевенгура», товарища Платонова, было построены десятки плотин, вырыты сотни прудов и колодцев, электростанции в г. Богучаре и Рогачевке. Андрею приходилось работать и много писать. Так в месте со своим тестем они соорудили мельницу в самом центре Воронежа, «на которой мололи муку даром для всех желающих». Но обстановка иногда была невыносимо трудной. «Выстроенная ими позже электростанция в деревне Рогачевке, проработав менее года, в 1925 была кем-то подожжена и сгорела дотла вместе со всем оборудованием». В 1926 году Платонов переезжает в Москву, решив стать профессиональным писателем. Работы по мелиорации практически были свернуты. Сезон засушливого лета прошел и наступили дождливые дни. Многие его товарищи и сотрудники в период с 1929 года по 1937 год будут арестованы. Отданный в 1930-м в печать «Чевенгур» был одобрен редактором Всеволодом Ивановым, но в последний момент набор рассыпали. Возможно, это и спасло ему жизнь.

Нескольким мелиоративным товариществам впоследствии было присвоено имя Андрея Платонова. Среди них Лысогорскому и Ольховскому (х. Ольховка) Богучарского уезда, а также товариществу, созданному в х. Лебяжье. Озеро Калачеевской волости Богучарского уезда.

Литература:

1. Романов Е.П., Романова З.М. Богучар. Воронеж, 2012.
2. Виктор Шкловский. Третья фабрика. М., «Круг», 1926, С. 125 – 131

СТРАНА БЕДНЯКОВ ИЛИ ЧЕРНАЯ АРМИЯ ЗЕМЛИ

Читая пожелтевшие страницы «Воронежской коммуны» 20-х годов, удивляешься размахам революционных преобразований в Воронежской губернии, как писал Андрей Платонов «ураган работ... высшая степень дисциплины, работоспособности, инициативы и способности ориентироваться в сложной общественной обстановке».

Вернувшись с Гражданской войны с пламенными надеждами и чистой верой, пролетарский романтик Андрей Платонов (Климентов) активно вступил в начале 20-х годов в революционные преобразования Воронежской губернии. Его герои – это люди, проливавшие кровь за революцию на полях Гражданской войны, которые хотят построить «новый мир». И начинать светлую жизнь для себя и своих детей они начнут с «котлована». Он искренне верил в то, что весь мир вращается вокруг него, словами его героя Вогулова из фантазии «Потомки солнца» начал заниматься «перестройкой земного шара». Литература, электрификация, гидрофикация всей страны для него началась в Воронежской губернии.

Гражданская война еще не закончилась, но на воронежскую землю обрушилась засуха и голод, как писал Андрей Платонов в 1921 году в «Нашей газете»: «Засуха – зияющая рана земли, ее можно победить знанием, силою мозга, напряжением. Для борьбы с засухой необходимо создать армии работников».⁴² Почти два года была засуха и голод. Мало того на поля налетела саранча.

В «Ювенильном море» он писал: «Людям хотелось начать жить поновому спокойной мирной жизнью, но не получалось. Трудно нам, но трогательно в сердце: хлеба вот мало, черного чёрта! Смотрю, понимаешь, на хлеб – и вижу в нем кулака: лежит темное глупое тело и пахнет теплым навозом. Сволочь, а не пища! А революция голодает! Вот идиотизм деревянной жизни!.. Ну, ступай, дай я бандитизмом займусь».

В губернии были разгул бандитизма и крестьянские восстания. В Богучарском уезде банды Вараввы, Колесникова, Курочкина, Чекуши грабят народ, убивают активистов, бедная разрушенная страна, но Платонова больше тревожат электрификация, воронежский чернозем и наступающие пески «Богучарской сахара».

⁴² Газета «Наша газета», Воронеж, 25 ноября 1921 г., № 47, С. 3.

Электростанция им В.И. Ленина в г. Богучар.
Построена при участии Андрея Платонова.
Фото Николая Дядина.

В декабре 1921 года через газету «Наша газета» Андрей Платонов призывает: «Мы оторвем людей от их повседневной будничной работы и бросим всех на героический праздник труда – на фронт зноя, на фронт смерти ... Мы проведем миллионные мобилизации и создадим Черную армию земли, машины,

плуга и насоса против желтых армий суховея и знойного песка. Все второстепенные занятия, всякая работа, не прямо относящаяся к добыче хлеба, всякое искусство, театры, торговля должны быть остановлены, люди с них должны быть насильно переброшены на черную землю к борьбе за влагу с безоблачным небом». Это вовсе не означало, что культуру, театры нужно остановить, он призывал их использовать во благо «Черной армии земли». Подтверждение этому сообщение в «Воронежской коммуне» за 1922 год в статье «Интересный вечер журналистов»: «Помимо литературных и музыкальных номеров будет демонстрироваться с пояснениями т. Платонова машина для орошения, модель которой сделана губернской комиссией по гидрофикации».

14 января 1922 года Андрей Платонов выступил на заседании губернского экономического совета с докладом о гидрофикации, там же была создана чрезвычайная комиссия по борьбе с засухой, получившая краткое название Губземчека. Как писал Андрей Платонов: «губернский боевой штаб сельскохозяйственного фронта, созданный против расплывшихся смертельно опасных стихий, грозящих сплошным истреблением русского народа и революции».

В Российском государственном архиве экономики хранится доклад в Наркомзем инспектора общественных работ А.А. Прозорова,

который он представил после общения с А.П. Платоновым на Богучарской земле. В нем он уделяет значительное внимание деятельности по разукрупнению сел на юго-востоке Воронежской губернии и в качестве примера приводит интересные мысли и цифры: «Основным направлением землеустройства здесь <в Богучарском уезде> является расселение многодворных селений на поселки – для устройства же последних необходимо обводнение. Устройство прудов, таким образом, производилось по землеустроительным планам, и при осмотре прудов я уже видел на одном из них, как вокруг пруда велись работы по постройке хат для нового поселка. Для характеристики экономического значения произведенных работ мне удалось в Богучарском УЗО подобрать любопытные статистические сведения относительно одной из волостей Богучарского у., которые прилагаю при настоящем докладе. Старо-Меловатская волость, лежащая в середине Богучарского у., насчитывает всего 5 селений, из которых 2 больших тянутся вдоль реки, остальные же 3 расположены у прудов. Анализ этих статистических сведений показывает, что общая площадь засева в больших селениях составляет 2,96 дес. на двор, в селениях же меньших на двор приходится 3,44 дес. засева. Погибшая площадь засева в больших селениях составляет 52%, в малых же селениях всего 34%. Наконец урожайность главной культуры – ржи в 1924 г. в больших селениях в среднем была в 2 п. с десятины, в малых же – 4,5 п. с дес. Эти данные относятся к неурожайному 1924 г. – но из них можно сделать некоторые выводы – в больших селениях засеваются меньше и обработка полей ведется хуже, чем в малых. Очевидно, что, когда поля находятся на 15-20 верст расстояния от села и засеваются меньше, крестьянин лишен возможности достаточно внимательно заботиться о поле и применять более совершенные способы обработки, что, конечно, неминуемо сказывается на урожае»⁴³.

В Богучарском уезде в ярах начали сооружать плотины, в удаленных селах и хуторах от реки Богучарки сооружены десятки каменных и деревянных колодцев. К общественным работам было привлечены десятки тысяч людей. Восстанавливали мосты, мостили дороги, в народе называлась «каменка». Работали в основном женщины и молодежь.

⁴³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 478. оп. 7, ед. хр. 3388, л. 60-6 1; доклад от 10 мая 1925 г.

Как правило, кто-то выделял подводу с лошадьми, на ней подвозили камень из ближайших карьеров. Все работы велись под руководством и инспектированием трех профессоров.

Вопросы обводнения инспектировали: Рутцен А.Н. заведующим техническим отделом Воронежского губернского СНХ (бывший депутат Государственной думы I созыва избран в 1906 году – Е.Р.), осушением занимался Дубах А.Д. заведующий кафедрой сельскохозяйственной мелиорации Воронежского сельскохозяйственного института, а вот гидрогеологией – Дубянский А.А. – будущий член-корреспондент Академии Наук Украинской ССР, лауреат Ленинской премии.

Почти два года напряженного труда, и в богучарском уезде появились пруды у сел: Дьяченково «Котлован» (далее приводятся современные названия прудов – Е.Р.), Свобода «Гадючанский», Луговое «Солонцы» и «Четвертый яр», Шуриновка «Шуринянский» и «Прогрессянский», Медово «Копани», Криница «Васильевский», западнее пос. Дубрава «Белый», а также у хуторов Барсуки, Сармин, Веселый, Высокий, у поселка КИМ и многие другие.

Географически произведения Андрея Платонова часто привязаны к тем местам, где он оставил частичку своего труда и души. Так было с «Чевенгуром», в котором, по-моему, зашифровано слов Богучар. Нет сомнения в том, что и «Котлован», написанный Платоновым в 1930 году, очень напоминает село Дьяченково. Взять хотя бы пару фраз «вдалеке электрическое освещение города» или фактов. Как раз в это время велось строительство чугунолитейного завода в г. Богучар. В «Котловане» кулаки убивают двух руководящих работников — Сафронова и Козлова. Действительно, 25 января 1925 г. на пути из Богучара в Верхний Мамон у села Осетровка были убиты начальник Богучарской уездной милиции Маслова Т.А. и уполномоченная губсуда Овчарова М.С. (Похоронены под памятником героям Гражданской войны в городском парке г. Богучара – Е.Р.)

Упоминается также «колхоз имени Генеральной Линии». В с. Дьяченково название колхоза «Путь коммунизма», созданного в декабре 1929 года.

Электрификация Богучарского уезда тоже проходила при непосредственном участии Андрея Платонова. В марте 1924 года, как сообщала «Воронежская коммуна», в статье А.П. Платонова «Электростанция памяти В.И. Ленина»: «На совещании представителей

местных организаций: Общества сельхоз кредита Среднечерноземной области, Губплана, ГубЗУ, Всеработземлееса, ГСНХ, кооперативных организаций, банков, было принято решение об увековечении памяти В.И. Ленина строительством в городе Богучаре электростанции «на средства, которые должны быть собраны с организаций, принимавших участие в этом совещании».⁴⁴ Электростанцию расположили в здании, построенном еще в начале XX века на ул. Ленина, дом 30. К концу 1924 г. в здании электростанции установили два генератора, доставленных из Англии. Окончательно электростанция им. В.И. Ленина введена в эксплуатацию в 1925 году. В планах Андрея Платонова была и постройка гидроэлектростанции на реке Дон в Богучарском уезде.

На высоком берегу реки Дона у хутора Ольхов (Казьменков) и села Грушовое из жителей села было создано мелиоративное товарищество, были установлены гидромашинны, подающие воду, здесь же вырыто два мелиоративных пруда под названием «Котлован» и колодец, который сохранился до наших дней. Уже в конце 20-х годов жители хутора в благодарность присвоили имя Андрея Платонова мелиоративному товариществу. Такой чести он был удостоен и мелиоративным товариществом с. Лысогорка, где на улице Радченко до сих пор сохранились два платоновских колодца.

Черная армия земли и главнокомандующий ее Андрей Платонов самоотверженно трудились, и результаты были ошеломляющие. Уже к ноябрю 1924 года в Богучарском уезде, как сообщалось Андреем Платоновым в статье «Мелиоративные работы в нашей губернии», под нашим техническим руководством население «соорудило 55 плотин (прудов) 40, из которых уже закончены. ... Приступлено к устройству 150 колодцев, не менее 20 процентов из этого количества будут бетонные, остальные каменные и деревянные. Рабочей силы по 9 ноября пропущено через работы: пешей – 336 882 человеко-дней (из них 80 процентов женщин), конной (подвод) – 105 436 коне-дней; всего – 442 308; вручено населению в виде зарплаты – 388 022 р. (по 9 ноября)».⁴⁵ Лето 1924 года Богучарский уезд сильно пострадал от засухи.

Телеграммы в Наркомат земледелия главнокомандующего армии Черной земли выглядели как донесения с поля битвы: «По полу-

⁴⁴ Газета «Воронежская коммуна», Воронеж, 1 марта 1924 г, № 50, С. 4.

⁴⁵ Корниенко Н. В. Андрей Платонов. Сочинения, Москва, 2004, С. 275.

ченным 22 <октября> (1924 года – Е.Р.) неполным сведениям работы идут в Богучарском <уезде> новых прудов 32, ремонт 26, колодцев 1, пеших 2726, конных 965».⁴⁶

Денег на обводнительные работы не хватало. Наркомат требовал сократить количество прудов и колодцев. 9 октября 1924 года газета «Воронежская коммуна» сообщала: «Наркомзем предложил Воронежскому ГубЗУ сократить обводнительные работы и усилить осушительные, для чего изменить весь план общественно-мелиоративных работ». Андрей Платонов едет в Москву и добивается «старый план не изменять».

Но уже через год проблема нехватки денег даже на зарплату возникает снова. Достаточно сказать, что задолженность по оплате работ в Богучарском и Верхнемамонском уезде достигла четырех месяцев.

В письме от 3 апреля 1925 года в Наркомат А.П. Платонов пишет: «Работать научились здорово. Прикажите, что угодно сделаем. Я проповедую машинное орошение на больших площадях (в местной прессе). Необходимо, чтобы начавшаяся героическая эпоха мелиораций не прекратилась жалким образом. Тогда хоть самоубийством кончай. Что нам тут делать?» Снова поездка в Москву и опять победа. В Управмелиозем пришел запрос по поводу (Воронежской губернии). А.П. Платонов сообщает: «Задолженность вся по Богуч<арскому> у<езду> ликвидирована. Задолженность произошла вследствие опережения производством работ плана финансирования». Всего в Воронежской губернии под руководством А.П. Платонова было «построено 763 пруда, 315 шахтных колодцев, 16 трубчатых колодцев, осушено 7600 десятин заболоченной земли».

Андрей Платонов личность многогранная. Ведь его революционные преобразования – это не только дать людям воду, электричество. Планы были грандиозные. В своем очерке «Страна бедняков» в 1925 году он поднимает очень важные и большие задачи Воронежской области: «Почва у нас хороша, но то, что под почвой, – еще лучше. Вот, занимаясь не только почвой, но и “подпочвой”, найдя правильное, оптимальное соотношение между с.х. и промышленностью, можно не только вывести область из ее дикого, нищего, заколдованного состояния, но и пустить впереди бури растущих производительных сил республики. Черноземная область как район возможной промышлен-

⁴⁶ Журнал «Московский журнал», Статья Антоновой Е.В. «Москва Андрея Платонова», август 1999 г. №8.

ности еще малооткрытая страна. Но ясно, для фундамента ее роста и благополучия одна почва тонка, нужны недра».

В предварительных набросках «Страны бедняков» были подняты злободневны проблемы, которые актуальны и в наше время. У нас есть агрономические руды– фосфориты. Огромные запасы. У нас есть цементные мергели, по химическому составу выше знаменитых новороссийских, причем, возможно, благодаря этому природному составу мергелей, даже кустарное производство цемента. Вблизи станции Подгорная ЮВЖД (Воронежская губерния) цементных мергелей залегают сотни миллионов тонн. Здесь возможно крупнейшее производство цемента, и он будет дешевле новороссийского и вольского цемента, потому что его производство будет ближе к промышленным центрам республики. У нас есть огнеупорные глины (знаменитая латинская глина) и фарфоровые глины в Богучарском уезде. У нас возможно крупное сахарное производство, и к этому область уже переходит, с каждым годом увеличивая площадь свеклы и пуская старые заводы. У нас неисчислимо много добра в земле, запасенного про нас солнцем и веками».⁴⁷

К 1931 году комиссия во главе с геологом Дубянским А.А. установила: «Из полезных ископаемых установлены каменный уголь, пока непромышленный слой, гранит, окрестные глины (в Дубовиково), кирпичные гончарные и фарфорофаянсовые глины (Филоново, Монастырщина, Залиман, Сухой Донец), высокосортный булыжник (карьеры Абросимово, Дьяченково)». Кстати Дубянский А.А., уроженец слободы Старая Криуша Богучарского уезда, впоследствии исследовал и открыл белогорскую минеральную воду. Именно благодаря работам Дубянского А.А., Лепорского Н.И., Кудрявцева А.И. и Нестерова В.С., было получено заключение комиссии Минздрава РСФСР в 1958 году, что вода «Белая Горка» является близким аналогом знаменитой воды «Баден-Баден» в Германии.

Многие проблемы в 30-е годы XX века в Богучарском районе были решены. Были построены чугунолитейный в г. Богучар и два кирпичных завода в селах Залиман и Твердохлебовка, которые обеспечивали дешевым кирпичом не только Воронежскую область.

На западной окраине города добывали мергель и построили известковый завод, затем и цементный завод, черепичную мастерскую и, конечно, стали выращивать сахарную свеклу.

⁴⁷ Корниенко Н. В. Андрей Платонов. Сочинения, Москва, 2004, С. 288.

Было остановлено продвижение подвижных оголенных дюн у сел Подколодновка, Журавка и Старо-Толучеево и спасены плодородные почвы. Богучарцы уже забыли о том, что в конце XIX века песчаная мгла закрывала солнце когда начинал дуть «афганец» – ветер, приносивший сушь из калмыцких степей.

Многие пруды Богучарского района радуют и сейчас, но только рыбаков, многие пропали вместе с хуторами. В конце XX и начале XXI века мелиорация «сошла на нет», но как писал Андрей Платонов, «через десять или двадцать лет другой инженер» с «черной армией земли» возродит задуманное пролетарским романтиком.

P.S. Судьба Андрея Платонова сложилась трагически, как и многих его героев. В своем произведении «Котлован» он как бы подводит итог своего труда по построению нового мира мыслями своего героя Прушевского: «Вот он выдумал единственный общепролетарский дом вместо старого города, где и посейчас живут люди дворовым огороженным способом; через год весь местный пролетариат выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли».

Тысячи прудов, колодцы, осушение болот, электричество – не это оказалось главным. Герой «Котлована» Воцев вместе с Андреем Платоновым в начале 30-х годов XX столетия думал уже по-другому: «он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?» Однозначно, в этом пророчество писателя, ведь детство принято связывать с идеей будущего.

Андрей Платонов не просто писатель, а писатель-философ, писатель-пророк. По-разному можно трактовать смысловой шифр произведений писателя. Понимаю так, что не стало у Платонова его мечты «маленького верного человека» и не построить «монументальный новый дом», народу не будет мира и не спасти от жажды и голода, не зажечь электричества, если его нет «в детском чувстве и в убежденном впечатлении».

УЛИЦА НАЗЫВАЛАСЬ МЕЩАНСКОЙ

Шел январь 1925 года. В одном из редакционных кабинетов «Крестьянской газеты» было по обыкновению шумно, тесно, дымно. Тут присутствовали Серафим Огурцов, Николай Тришин (Одоев), Иван Молчанов, Егор Хвастунов, Василий Кумач. Мэтр отечественной журналистики Владимир Гиляровский рассказывал о своих приключениях.

И в это время в комнате появился «незнакомый паренек в солдатской шинели, выдавшей вида серой папахе, слегка сдвинутой набекрень, в простых сапогах. Парень был невысок и очень юн». Николай Тришин вспоминал: «Полагая, что это один из селькоров, прибывших в Москву, заведующий отделом юнселькоров Василий Кудашев усаживает паренька к столу: – Садись, товарищ, рассказывай, с чем прибыл.

Не слышал, о чем они говорили, только видел, что парень в шинели поднялся, козырнул Кудашеву и вышел. На следующий день Вася Кудашев принес мне рассказ, написанный от руки четким почерком: – Читай. По-моему, здорово!

Читаю заголовок: «Пастух». По мере чтения передо мной зримо встают пейзажи Придонья: знойная степь с висящими в небе ястребами, звоном кузнечиков хутора в вербах и садах... Знакомая картина, которая уже стала тускнеть в памяти за эти три года городской жизни. Ведь точно, в этих местах, на юге Калачеевского уезда Воронежской губернии, граничащих с казачьими станицами, я провел 1920 и 1921 годы. Там мы, комсомольцы, работали в комбедах, дрались с бандитами Колесникова, Маруси, Курочкина и прочими. В рассказах поражали цепкий глаз автора, необычайная образность и колоритный язык. Дочитывая рассказ, смотрю на подпись автора: М. Шолохов».⁴⁸

Через день Михаил Шолохов зашел в редакцию узнать о судьбе рассказа и встретился с Николаем Тришиным. Разговорившись, Николай выяснил, что Михаил учился в Богучаре. Пошли воспоминания. Каково же было удивление, когда «выяснилось, что уже дважды в жизни наши дороги едва не скрестились. Оказывается, в 1916 году мы одновременно учились в Богучаре Воронежской области – он в

⁴⁸ Газета Комсомольская правда. 1960. 22 мая. Тришин Н. У истоков. К 55-летию со дня рождения М.А. Шолохова.

гимназии, а я в городском училище, и жили мы на квартирах по одной улице». Была эта улица Мещанская. Сейчас она называется Прокопенко. Переименована после Гражданской войны в честь Н.Я. Прокопенко, первого командира 1-го Богучарского стрелкового полка, погибшего от разрыва гранаты 9 августа 1918 года.

Мещанская соединяла центр города, где располагались торговые ряды, Спасский и Троицкий соборы с церковью Рождества Богородицы.

На площади находились знаменитые Александровское городское трёхклассное училище и мужская классическая гимназия. Что ни дом-то биография, событие. Здесь стоял и двухэтажный дом с магазином купца второй гильдии Дмитрия Тимофеевича Селиверстова. Через дом от него жил священник Дмитрий Иванович Тишанский, на квартире которого на полном пансионе проживал с осени 1915 до весны 1918 года Миша Шолохов.

Справа, если идти от центра города, первым стоял трехэтажный дом городского головы и купца второй гильдии Петра Михайловича Куранова. Рядом – здание с аптекой на первом этаже, впоследствии здесь располагался уком комсомола. (Архитектурный памятник разрушен в 1942 году, восстановлен в 1948 году и снесен в 2013 году. – Е.Р.).

Улица Мещанская (ныне улица Прокопенко) города Богучар

Почти в середине улицы жил врач Александр Александрович Федоровский, который являлся потомственным почетным гражданином Богучара. На общественных началах он руководил оркестром, в котором играл Михаил Шолохов. Уже после Гражданской войны дом продали, долгое время в нем размещалась гостиница. Богучарцы называли его «Дом колхозника». Здесь стоял на квартире ученик Александровского городского трехклассного училища Коля Тришин.

Домовладение священника Дмитрия Ивановича Тишанского, который окончил Воронежскую духовную семинарию и был законоучителем в мужской гимназии, где проходил курс наук Миша Шолохов, бурлило событиями.

В семье Тишанских было пятеро детей: три дочери и два сына. Младший, Алексей – ровесник Шолохова, и они дружили. Часто ходили вместе на рыбалку, играли в городском парке, который располагался за рекой. А по воскресеньям посещали ярмарки.

Как писал Г.Г.Ткачев в «Воронежских губернских ведомостях», богучарская ярмарка – это «древние олимпийские игры и новые биржи и даже, если хотите, парламент и театр...»⁴⁹

С Алексеем Шолохов жил в одной комнате, вместе готовили уроки, читали одни и те же книги. В домашней библиотеке Тишанских можно было найти произведения Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Толстого, Некрасова и Чехова.

Как вспоминала одна из дочерей Дмитрия Ивановича Тишанского, Антонина, Шолохов обладал феноменальной памятью, а потому многие произведения мог цитировать наизусть. Жена Дмитрия Ива-

Михаил Шолохов во дворе мужской трехклассной гимназии. (Сидит слева).
Город Богучар. 1915 год

⁴⁹ Газета «Воронежские губернские ведомости», – Воронеж, 1865 год. – №1

новича работала в Богучарской женской гимназии надзирательницей, а после революции заведовала детским домом в Богучаре. Она прекрасно играла на фортепиано и вечерами вместе со старшими детьми устраивала музыкальные вечера.

Личный секретарь Шолохова П.Е. Чукарин в одном из писем от 5 сентября 1968 года вспоминал: «У М.А. Шолохова остались очень приятные воспоминания о годах учебы в Богучарской гимназии и квартировании в доме Тишанских».

Со слов Шолохова П.Е. Чукарин записал: «...В какой-то мере начинал оттуда, от умного и образованного Дмитрия Ивановича Тишанского, привившего любовь к классикам русской литературы и поддерживающего в творческих начинаниях. Именно там я начал писать подражательные рассказы романтического направления»⁵⁰.

Два будущих литератора ходили по одной улице, не подозревая, что буквально через несколько лет судьба впервые сведет их в редакции «Журнала крестьянской молодежи». Хотя они могли встретиться еще раньше – в 1920-м и 1921 годах, когда Николай Тришин работал в Калачеевском учком комсомола, а Михаил Шолохов – агентом волпродкома в Вешенской. Секретарем уездного укома комсомола Николай Тришин был избран на I уездном съезде РКСМ, состоявшемся 7–9 сентября 1920 г.⁵¹

Как вспоминал Николай Тришин о встрече с Михаилом Шолоховым в своей статье «У истоков», опубликованной в «Комсомольской правде» в мае 1960 года: «Я на левом, а он на правом берегу Дона обеспечивали продрозверстку и гонялись за бандами в отрядах ЧОНа»⁵². А Михаил Шолохов вспоминал: «Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти ... Два дня ждал смерти ... А потом пришли и выпустили...» Расстрел отменили, трибунал принял во внимание его несовершеннолетие.

И что интересно, 22 января 1921 года в здании местного ревкома Богучара выступал электрик Андрей Платонов, впоследствии еще один известный писатель, который сделал доклад «О частной электрификации Богучара при использовании вод реки Дон». Об этом, кстати, сообщала газета «Коммуна» 28 января 1921 года. Под

⁵⁰ Газета «Коммуна», – Воронеж, 1988 год – №228. 2 октября.

⁵¹ ГАОПИ Ф.154, 97 ед. хр., 1920-1924 гг.

⁵² Газета «Комсомольская правда». 1960 год, – 22 мая. Тришин Н. «У истоков». К 55-летию со дня рождения М.А. Шолохова.

его руководством было начато строительство Богучарской городской электростанции, а место для ее возведения выбрали в конце улицы Прокопенко. Или всё так же Мещанской. Платонов не единожды прошел по этой улице мимо домов, где жили Шолохов и Тришин.

Происходило это в 1925 году, когда писателю Виктору Шкловскому он показывал свое детище – новенькую электростанцию.

«Электрификация есть начало освобождения человека от угнетения материей, от борьбы с природой...», – об этом написал Андрей Платонов 13 февраля 1921 года в газете «Воронежская коммуна».

А 3 декабря 1922 года вышел первый номер газеты «Комсомолец». «На большом заголовке были нарисованы красноармейская звезда, завод, молотобоец, парень, склонённый над книгой, село с клубом».⁵³ Среди первых авторов – члены редколлегии: бывший секретарь Калачеевского укома комсомола Николай Тришин (Одоев) и Евсей Суслин (Слава), секретарь Воронежского губкома РКСМ. В Воронеже в редакции газеты «Воронежская коммуна» Андрей Климентов (Платонов) и познакомился с Николаем Тришиным (Одоевым).

Вообще, Андрей Платонов часто бывал в Богучаре. Это было время великих перемен и свершений. Достаточно привести одну выдержку из газеты «Комсомолец» за 5 августа 1923 года о праздновании шестилетия РКСМ, чтобы понять дух того времени: «Готовясь, много спорили и долго составляли длинный план, но... налетела сначала саранча на богучарские поля и комсомолы погнались на борьбу с ней. План сократился. Прошло несколько дней. ЧОН услали активистов в Воронеж – показательную работу. Комса не унывает и, праздник провела».

Общеизвестно, что из горнила революции и Гражданской войны вышла целая плеяда молодых, по 20–25 лет, писателей. Чего нельзя сказать о писателях белого движения, да и современных – таких талантов, увы, не наблюдается.

Поразительна трудоспособность Михаила Шолохова. «С этих пор, вспоминал Николай Тришин, – Шолохов стал часто бывать в редакции, за короткое время... опубликовали «Пастуха», «Алешкино сердце», «Калоши», «Кривую стежку», «Жеребенка».⁵⁴

⁵³ Газета «Коммуна» – Воронеж, 2012 год, – №66 (25894) 12 мая.

⁵⁴ Газета «Комсомольская правда». 1960. 22 мая. Тришин Н. «У истоков». К 55-летию со дня рождения М.А. Шолохова.

В первые месяцы 1925 года Михаил Шолохов подружился с главным редактором «Журнала крестьянской молодежи» Николаем Тришиным, сотрудником этого журнала поэтом Иваном Молчановым, Андреем Платоновым, Николаем Стальским, Василием Кудашевым.

Именно Николай Тришин посоветовал Шолохову собрать рассказы в книжку и вместе с автором пошел в издательство «Новая Москва».

Но особая дружба завязалась у Михаила Шолохова с Василием Кудашёвым.

Николай Тришин вспоминал: «Из Вёшенской Михаил Александрович написал мне несколько писем по поводу договорной книжки, но ни словом не обмолвился о своей большой вещи, которую писал в это время. Мы только знали, что она будет называться «Тихий Дон» – это он сказал нам еще в Москве. Но ни о теме, ни о времени событий, ни о героях мы не имели понятия. Наконец, в июне 1927 года Михаил Александрович появляется в Москве. По старой дружбе он останавливается у Василия Кудашёва, в Художественном проезде, благо у того была холостяцкая квартира.

– Ну, вот нагрехал первую часть, – объявил он нам.

– А куда нести, не знаю.

– Конечно, в Госиздат, – советуем.

Рукопись отнесена в Госиздат, но только через месяц Михаил Александрович явился оттуда обескураженный. С неизменной улыбкой, похохатывая, докладывает:

– Не проходит! Замахали руками, как черти на ладан: «Восхваление казачества! Идеализация казачьего быта! И все в этом роде. Куда еще тащить?».⁵⁵

В июле 1927 года состоялось первое чтение рукописи будущего «Тихого Дона» в квартире В.М. Кудашёва.

Прозаик и журналист – «коммуновец» Николай Павлович Стальский вспоминал:

«В квартире Кудашёва ... состоялась одна из читок первой части романа. Он всех захватил и взволновал. Такого никто из нас еще никогда не слышал. В литературу входил большой писатель со своей темой, со своим голосом, со своим видением мира».⁵⁶ Михаил Шоло-

⁵⁵ Бекедин П. Срочно требуется автор «Тихого Дона» // Дон. 1993. № 2–3. С. 187–208.

⁵⁶ Бар-Селла З. Тайна века. Имя // Окна (Приложение к газете «Вести», Тель-Авив). 1997. 26 июня. С. 2.

хов принимает предложение Н.Н. Тришина и становится редактором литературного отдела «Журнала крестьянской молодежи».

Всё тот же Стальский вспоминает: «...Шолохов ежедневно приходил в редакцию – большую светлую комнату на Воздвиженке, читал рукописи, сдавал материал в очередной номер, беседовал с авторами, с художниками, участвовал в совещаниях, обсуждал номера, обдумывал очередные и т.д. Словом, трудился вместе со всеми».⁵⁷

Николай Тришин, будучи редактором «Журнала крестьянской молодежи», активно помогал Шолохову при написании романа. Литератор Николай Стальский рассказывал: «Тришин, у которого были друзья, имевшие доступ к эмигрантской литературе, добывал ему книги казаков, изданные за границей, записки генералов и атаманов, дневники галлиполийцев, в которых офицеры признавались в крахе белого движения, с уничтожающей критикой обрушивались на вождей добровольческой армии, разоблачали их бездарность и корыстолюбие...»⁵⁸.

И все-таки роман «Тихий Дон» вскоре напечатали.

Судьба у многих друзей Михаила Шолохова сложилась трагически. При этом причиной гибели многих послужил спектакль по пьесе Эрдмана «Мандат», состоявшийся вскоре – 20 апреля 1925 года в театре Мейерхольда. При чтении пьесы присутствовали все: главный редактор «Крестьянской газеты» Семён Урицкий, его заместитель Николай Одоев (Тришин), Андрей Платонов, Михаил Шолохов. Михаил Шолохов отметил: «Сильная штука!». Андрей Платонов: «Искренне, по-доброму завидую». На самом спектакле Шолохова не было. Спектакль был своего рода сатирой на Сталина, на премьере звучало: «Прочь Сталина! Долой сталинских жуликов! Долой лицемеров и бюрократов! Долой сталинских ставленников!»⁵⁹.

«Красное колесо» истории и Великая Отечественная война сломали судьбы и погубили друзей-товарищей с улицы Мещанской и рукописи Михаила Шолохова. Его друг детства, гвардии капитан Алексей Дмитриевич Тишанский, пал смертью храбрых 21 декабря 1944 года при освобождении Венгрии. За мужество и отвагу был награж-

⁵⁷ Бар-Селла З. «Тихий Дон» против Шолохова // Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 160.

⁵⁸ Венков А. В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Ростов-на-Дону, 2000. С. 86.

⁵⁹ Прут И.Л. . Неподдающийся. М., «Вагриус», 2000 г.

ден двумя медалями: «За боевые заслуги» и орденами Красной звезды и Отечественной войны I степени.

Василий Михайлович Кудашев в письме от 9 августа 1941 года писал: «Жив, здоров. Пишу тебе наскоро, но главное. Если Михаил в Москве – проси его немедленно вызвать меня через Политуправление на несколько дней. Мне необходимо сдать ему оригинал рукописи «Тихого Дона». Если Михаила нет в Москве, пиши ему срочно в Вёшенскую».⁶⁰ Уже в середине октября 1941 года на Василия пришло извещение, в которой значилось, так пишут в большинстве воспоминаний о нем, что он пропал без вести.

Мне удалось отыскать в документах немецких концлагерей документы на пленного Василия Кудашева. 8 октября 1941 года под Вязьмой он был пленен. Находился в лагере Гамерштайн (Померания). Умер от туберкулеза 20 февраля 1944 года.

Не так давно вышла книга Феликса Кузнецова «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа». В ней описываются интересные факты о том, что в 1945 году на адрес Василия Михайловича Кудашева пришло письмо от Ивана Георгиевича Зайцевского, обратный адрес: Полевая почта 51163–Р.

В письме говорилось: «Василий Михайлович! Если ты выжил, как и я, то не откажи черкнуть несколько строк о себе и своей семье. Моя жена и доченька 7 лет живут по-прежнему в Пятигорске. Если увидишься с нашим общим знакомым Сергеем Владимировичем Михалковым, то передай ему и всей его семье привет от меня... Я свою семью еще не видел с тех пор, как был мобилизован. 26.VI.41 г.». На конверте иностранного производства – штамп: «Просмотрено военной цензурой», а также две записи от руки: адрес и телефон Михалкова и Натальи Кончаловской, его жены; вторая запись – рукой дочери Кудашева об авторе письма: «Был в плену с отцом. Писал из лагеря для военнопленных в Советском Союзе».

Николай Никитич Тришин впоследствии стал редактором Московского радиовещания и собкором «Известий ВЦИК». Будучи журналистом и известным писателем, он в начале сентября 1932 года уезжает из Москвы в Каширский район Московской области, где становится

⁶⁰ Петелин В.В.. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 1. 1905-1941 гг. Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005.

организатором комсомольского движения и главным редактором газеты «Электровоз». Впоследствии газета несколько раз меняла название: «Стахановец», «Большевик», «По сталинскому пути», «За коммунизм» и «Заря коммунизма». Сейчас называется «Ступинская панорама».

Во время Великой Отечественной войны Тришин был референтом при дирекции военного завода в Куйбышеве. А 11 мая 1945 года его арестовали и осудили по печально знаменитой 58-й статье – «Распространение антисоветских высказываний». Президиумом Верховного суда РСФСР приговор Верховного суда ЧАССР и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Тришина (Одоева) Н.Н. отменил и дело прекратил за недоказанностью.

Реабилитирован он 30 декабря 1958 года. Уже в мае 1960 года в газете «Комсомольская правда» Николай Никитич Тришин опубликовал большую статью «У истоков» к юбилею Шолохова, в которой рассказал о том, как начиналась их дружба, о Богучаре и как шла борьба за издание романа «Тихий Дон».

Только 4 февраля 2008 года глава Международного шолоховского комитета Виктор Черномырдин передал Российской государственной библиотеке сто экземпляров уникального факсимильного издания рукописи романа «Тихий Дон». Рукопись, которая считалась утерянной, была выкуплена Российским государством у наследников друга М.А. Шолохова Василия Михайловича Кудашева.

И моё детство прошло на улице Прокопенко, бывшей Мещанской. Ушло одно поколение, пришло другое. Улица живет и здравствует.

В доме №20, где квартировал Николай Тришин, в 1970 году на ночлег останавливался советский актёр, Народный артист СССР Юрий Владимирович Никулин. Чуть позже – Народная артистка СССР Нонна Викторовна Мордюкова.

Рядом с гостиницей, в доме №10, где жил первый секретарь райкома КПСС, в 80-х останавливались советские писатели, соавторы множества книг и киносценариев братья Вайнеры – Аркадий Александрович и Георгий Александрович. С ними была еще юная, а впоследствии известная телеведущая и писательница Наталья Дарьялова. В доме № 6 в 1965 году родился и вырос известный учёный, профессор кафедры урологии Российского государственного университета, доктор медицинских наук Григорий Георгиевич Кривобородов.

Так что история улицы Мещанской продолжается.

МУЖАЛА ЗДЕСЬ ЕГО ДУША

Запомнилось где-то прочитанное о Михаиле Шолохове: «Его зима веет красивой спокойной птицей над Доном и, поднимаясь все выше и выше, смотрит на всю землю с невероятной зоркостью, радением и любовью». И подумалось мне, что нет-нет, а оттуда, с поднебесной выси, взглянет Михаил Александрович и на нашу Богучарщину. Ведь не чужая она ему – здесь, на воронежской земле, мужала его душа, здесь он начал приобщение к народной жизни, тайны которой раскрывал во всех своих книгах.

В 1914 году Александр Михайлович Шолохов воспользовался приглашением родственников-купцов и отвез своего сына Мишу в Москву в глазную лечебницу Снегирева. В книге И.Г. Лежнева «Путь Шолохова» об этом так говорится: «По окончании Каргинской школы

Слева направо: сидят - М.А.Шолохов, Н.И.Морозов, первый секретарь Богучарского райкома КПСС; Г.К.Подтыкайло, одноклассник Шолохова по Богучарской мужской гимназии; стоят – И.М. Абросимский, редактор богучарской районной газеты «Сельская новь», М.Т.Твердохлебова, доярка колхоза имени 40-й Богучарской дивизии, М.П.Федорищев, председатель колхоза «Родина» Богучарского района, Н.А.Булавин, первый секретарь Вешенского райкома КПСС. Фото из архива «Коммуны».

у Миши стали болеть глаза, появилось нечто вроде воспаления роговицы, и в конце лета 1914 года, вскоре после начала Первой мировой войны, отец отвез его лечиться в Москву в глазную лечебницу. Здесь мальчик пролежал несколько месяцев, носил темно-зеленые очки». И одновременно умудрился в течение трёх месяцев посещать подготовительные классы гимназии Григория Шелапутина.

После возвращения из Москвы в начале 1915 года А.М. Шолохов принял решение отдать сына Михаила учиться в гимназию. Верхнедонские казаки обычно отсылали своих детей в Усть-Медведицкую гимназию. Атмосфера неимоверной строгости, царившая там, прививала неукоснительное соблюдение традиций казачества.

Мезенцев М.Т. в книге «Молодой Шолохов» утверждает: «Родители понимали, что в Усть-Медведицкой гимназии сыну придется туго. Но к 1915 году, когда М.А. Шолохову пришло время продолжать образование, в огромной области Войска Донского насчитывалось всего семь мужских гимназий. Выбора не оставалось. Тогда созрело решение ехать в соседнюю Воронежскую губернию».

Ближе всего к ним находился город Богучар, куда и определили Мишу. Он начал заниматься в первом классе Богучарской гимназии в сентябре 1915 года. Проживал в доме священника Дмитрия Ивановича Тишанского. На здании гимназии (ныне школа-интернат) и доме на улице Прокопенко в 1984 году установлены мемориальные доски в честь писателя.

Первым же учителем Михаила Шолохова стал Тимофей Тимофеевич Мрыхин. Одним из педагогов Шолохова была и Ольга Павловна Страхова, которая вела русский язык и литературу, впоследствии она стала преподавателем Богучарского педагогического училища имени Н.К. Крупской.

Ольга Павловна вспоминала: «... Он три года (с первого по третий год включительно) учился у меня...». В конце списка её учеников 3-го «А» в классном журнале «было три фамилии: предпоследняя – Анатолий Шолохов (двоюродный брат Шолохова) и последняя – Михаил Шолохов». Дочь священника А.И. Воскресенская, ставшая впоследствии учителем, кавалером ордена Ленина, рассказывала, как в их семье молодежь устраивала вечера, и гимназист Михаил Шолохов заслушивался музыкой и песнями. У священника Дмитрия Ивановича Тишанского росли пятеро детей, а сын Алексей – сверстник Миши Шолохова и его одноклассник. Позднее майор Алексей Тишанский

погибнет в Великой Отечественной войне в Венгрии, где и будет похоронен в братской могиле.

Мне удалось отыскать воспоминания одного из одноклассников Михаила Шолохова – Георгия Константиновича Подтыкайло. Он вспоминал: «На уроках русского языка и литературы Шолохов часто выступал перед классом с чтением народных сказов и произведений классической литературы. Читал он хорошо, выразительно, умел как-то по-особенному передать содержание прочитанного произведения.

Среди гимназистов Михаил Шолохов был замечательным товарищем: смелым, общительным, правдивым, остроумным и всегда веселым... Дружно не любили мы пресловутый «закон божий». Редко кто из нас мог ответить его на «удовлетворительно».

Не забуду, как однажды преподаватель вызвал меня к ответу. Я, разумеется, не знал задания. Священник поставил «единицу» и тут же спросил Шолохова. Миша поднялся, вышел было из-за стола, но тут же вернулся на место и немо замер, опустив голову.

– Так-с, – злобно сказал священник. – Значит, и вы, Шолохов, не готовы-с?

– Не готов-с, – с деланной дрожью в голосе пролепетал Миша. И когда священник нагнулся над журналом, Миша изобразил такую мину, что класс прыснул от смеха.

– Ну вот, Жора, – сказал мне Шолохов на перемене, – надо нам теперь объединяться в одну упряжку, ведь на паре быстрее прока-тишься!

Миша был на редкость энергичным и общительным мальчиком. Уже тогда его отличала страсть к чтению, книгам. Причем читал он не мещанскую или бульварную макулатуру, а произведения русских и иностранных классиков. В гимназии была неплохая библиотека, и Шолохов часто засиживался там допоздна. И, конечно же, будущий проникновенный певец родной природы не мог не любить ее и в те юные годы. Как часто видели мы Мишу с удочкой в руках или возвращающимся с ботинками через плечо из придонских лугов!»

Георгий Константинович рассказывал мне и о том, что правила в их учебном заведении были очень строгие. Директору, попечителю, надзирателям, классным руководителям и преподавателям разрешалось наказывать гимназистов, применяя к ним физическую силу, то есть, проще говоря, бить. И с развлечениями было негусто. Иногда Михаил Шолохов ходил с товарищами пешком на Дон. Однако в на-

чале 1918 года Шолохов уехал в хутор Каргин (позднее он будет переименован в станицу Каргинскую. – Е.Р.).

Подтыкайло Г.К. рассказывал и о причинах, которые заставили Шолохова, не окончив гимназию, уехать из Богучара: «Грозные события 1918 года разлучили многих из нас. Когда немецкие кайзеровские войска подходили к Богучару, Шолохов уехал в свои родные края».

Георгий Подтыкайло и Михаил Шолохов были друзьями, о чем свидетельствуют их встречи в Вешенской и Богучаре. Подтыкайло Г.К. рассказывал мне, что был такой случай, когда Шолохов тайком приезжал к нему в гости. Не хотел, видимо, лишней шумихи, помпезных встреч, просто захотелось ему с другом детства пообщаться. Георгий работал тогда врачом тубдиспансера, а жил в бывшем доме богучарского купца Куранова, что и сейчас расположен у моста через реку Богучарка. Они долго беседовали в тот приезд писателя, вспоминали юность, а потом пошли на речку. В этот же день Михаил Александрович на перекладных уехал назад в Вешенскую.

На Богучарщине принято считать, что вешенские казаки недолюбливали богучарцев. Причины на то имелись. Связаны они с Гражданской войной, с событиями так хорошо описанными в «Тихом Доне». Считается, что именно бойцы Богучарского 103-го полка (впоследствии 353-го полка 40-й Богучарской дивизии) «порубали» восставших казаков в 1919 году. Хотя этот факт признается не всеми и оспаривается историками и очевидцами.

В вышедшей в 1933 году книге «Богучарцы» (она была переиздана в 1935 году в издательстве «Коммуна» и вскоре изъята, а точнее – просто запрещена. – Е.Р.) как раз описываются эти события. Читаем: «Среди казачества широко популяризировалась идея создания независимого Войска Донского. Таким образом, к этому времени на Донщине уже была подготовлена почва для контрреволюционного восстания против Советской власти ... Заамурско-Тираспольский отряд, сильно утомленный большим переходом и не знавший подлинных настроений и замыслов казачества, попал в ловушку и был разоружен в станицах Казанке и Мешковской. Раздетая и запертая в сараях часть отряда была расстреляна во время сна». Но особенно запомнился моим землякам приход донских казаков в Богучар в 1918 году во главе с генералом Красновым. «По 14 волостям было ... казнено 115 человек, а 213 подверглись телесному наказанию... По городу Богучару было арестовано и заключено в тюрьму, по далеко не точным подсчетам, свыше 300 че-

ловек, которых каждую ночь расстреливали пачками по 15-20 человек, а 64 человека было убито прикладами». Ответ богучарцев, когда подавили восстание в Вешенской, оказался намного страшнее. Свидетелем тех событий стал и Михаил Шолохов. Вероятно, поэтому он и относился к богучарцам с некоторой прохладцей. Но в помощи не отказывал никогда. В 50-х годах часть Богучарского района передали в Каменскую область, в городе закрыли педагогическое училище, а его студенты переехали в станицу Вешенскую. Во время выборов в Верховный Совет СССР в 1954 году М.А. Шолохов являлся кандидатом в депутаты от Богучарского избирательного округа, а затем и депутатом. Тогда районная газета «Коллективист» опубликовала письмо Михаила Шолохова, в котором он сообщал, что намерен приехать в Богучар, чтобы повидаться со своими земляками и посетить те места, где «провел три года в далеком отрочестве». Но, к сожалению, что-то помешало писателю побывать в городе его детства. А когда Богучар хотели сделать городом поселкового подчинения, то благодаря заступничеству Михаила Александровича он остался как центр колхозно-совхозного управления и сохранил свой статус.

Богучарцы нередко навевывались к Шолохову. Вот как вспоминает об одной из поездок к писателю журналист Иван Абросимский: «19 августа 1979 года богучарцы отмечали 275-летие своего города. Как и полагалось, к празднику его любовно украсили и преобразили. Разослали приглашения гостям. К Михаилу Александровичу Шолохову отправилась делегация передовиков во главе с тогдашним первым секретарем Н.И. Морозовым, чтобы пригласить великого писателя-земляка на торжества. Михаил Александрович встретил богучарцев в своем рабочем кабинете очень приветливо. Каждому пожал руку, усадив гостей, сел сам и приготовился слушать».

Беседа оказалась долгой, в заключение Шолохов поблагодарил богучарцев за приглашение «...и выразил сожаление, что не сможет приехать на торжества по состоянию здоровья».

В тот же год богучарцы присвоили М.А. Шолохову звание Почетного гражданина города Богучар. В ответ он прислал телеграмму: «Благодарю богучарцев за оказанную мне высокую честь. Шолохов». А на доме, где он жил с 1915 по 1918 год и здании Богучарской школы-интерната, носящей имя великого писателя, установлены мемориальные доски.

В городском парке установлен бюст писателя. Есть и музей, и улица его имени.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

В семейном архиве Елены Ивановны Романовой (Рязанцевой) бережно хранится письмо Анны Константиновны Чертковой (Дитерихс). На пожелтевшей от времени почтовой открытке, на лицевой стороне, фото Льва Николаевича Толстого, идущего по заснеженной лесной дороге, автор фотографии В. Чертков. Ниже слова Л.Н. Толстого: «Когда испытываешь чувство недовольства всем окружающим и своим положением, уйди, как улитка в свою раковину, в сознание покорности воле Бога и выжидай времени, когда Он позовет тебя опять делать Его дело в жизни». Справа адрес: Егору Игнатьевичу Осипенко от А. Чертковой 20 апр. 1911 г. Ясенки. (Ясная Поляна – Е.Р.) На оборотной стороне написанное убористым почерком письмо. Содержание письма свидетельствует о добром отношении автора письма к Егору Игнатьевичу Осипенко и о широком круге его знакомств в Ясной Поляне. Вот текст письма: «Очень была тронута, милый Егор Игнатьевич, Вашей доброй памятью о нас и наш Вам искренний привет и пожелания всего истинно лучшего. Сейчас у нас страдное время, все на работе. Димочка (Владимир Владимирович Чертков, сын В.Г. Черткова – Е.Р.), Миша и Егор (Кузевич Егор Павлович, крестьянин, управляющий хутором Телятинки – Е.Р.) работают целый день и не бывают дома. Федя Перевозников (Перевозников Федор Семенович, товарищ В.В. Черткова – Е.Р.) ушел вчера странствовать вместе с одним из наших юношей. Эту зиму было очень много народа у нас в доме, но теперь многие поразъехались, и стало даже пусто. Миша Зайцев женился в январе на Ольге Елисейевой. Живет он все-таки у нас, а Ольга у его матери в Тростинки. На пост ставили народный спектакль «Раздор» Семенова. Играла наша молодежь. Была масса

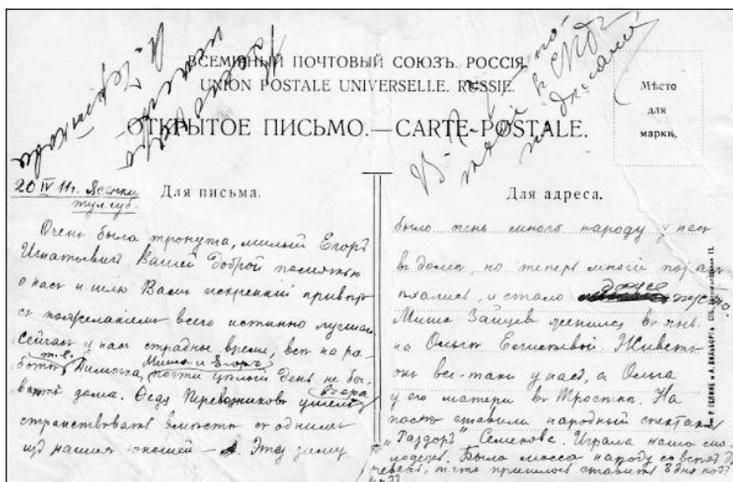

Егор Игнатьевич Осипенко

народа со всех деревень, так что пришлось ставить 3 дня подряд. Все-го хорошего, А. Черткова».

Кто же он такой этот «милый Егор Игнатьевич?»

Исследуя архивы внучки Егора Осипенко Елены Романовой: удалось установить, что «Георгий (Георгий – это полное имя, Егор – его производное в просторечии, по паспорту он Юрий – Е.Р.) Игнатьевич (это полное имя Егора по-церковному) родился в многодетной семье 4 февраля 1888 года, его раннее детство прошло на хуторе Майданка, Павловского уезда Воронежской губернии в ужасающей бедности. Родители – крепостные крестьяне. Отец – безземельный крестьянин, всю жизнь работал по найму, к концу жизни освоил сапожное ремесло и этим зарабатывал на жизнь семьи».

Письмо Егору Игнатьевичу Осипенко от А. Чертковой
20 апр. 1911 г. Ясенки.

В своей анкете Егор Осипенко сообщает: «В это время был голодный год. Я со старшим братом и матерью ходил по селам побирался, потому что отец был болен, и у нас не было куска хлеба. Когда исполнилось мне 16 лет, отец нанял меня в работники красногоровскому кулаку по имени Капля. Проработав у Капли около года, я ушел ... ». В свои 16 лет, начал учиться грамоте. «Я страстно полюбил книги, и учиться для меня значило жить», - напишет Егор позже в своей авто-

биографии. Но в школу нигде не принимали, так как не подходил по возрасту, не имел первоначальной подготовки, не имел средств к существованию, и помочь было некому. Начались скитания по разным хозяевам. Работал ведерником, сапожником, столяром, маляром, живописцем, ретушером, фотографом, ночным сторожем, дворником. Все это время Егор не расставался с книгой, занимался самообразованием. В Воронеже ему удалось поступить в Бесплатную рисовальную школу, которая располагалась по улице Орджоникидзе, 25. Долгое время на фасаде школы висела надпись «Воскресная бесплатная рисовальная школа имени Михаила и Марии Пономаревых». Часть здания сохранилась и до наших времен. Сама идея создания воскресной школы принадлежала Льву Георгиевичу Соловьеву, который и заведовал этой школой до 1907 года. Среди его выпускников был ученик И.Е. Репина А.А. Бучкури, который и преподавал в этом здании. В рисовальной школе, куда пришел Егор Осипенко, насчитывалось около 350 учеников. У внушки Егора Осипенко сохранилось несколько фотографий, выполненных в студии воскресной школы. На одной из них изображен и заведующий школой живописец – самоучка Лев Соловьев. Именно он помог Егору сделать первые шаги в искусстве. Егор Игнатьевич называл его «преподавателем философского рисования». Именно он не только увлек Егора живописью, рассмотрел способности к рисованию, но и разбудил его душу к размышлениям о жизни, о месте человека в ней. В архиве внушки Г.И. Осипенко есть такие воспоминания деда: «В 1906 году Лев Григорьевич Соловьев – преподаватель философского рисования – в Воронеже, куда я только что прибыл крестьянским юношей затем, чтобы... без школы учиться и без куса хлеба сытым быть,- прочел стихотворение, идя с нами, учениками рисовальной школы, с занятий по Дворянской улице:

Пред Вселенной ничто человек!
Он песчинка на дне океана...
Перед вечностью – миг его век.
Это дым пред лицом урагана.
Чадо почести, неги, пиров,
Твоя слава – лишь пена морская,
Она блещет на гребнях валов,
Лишь при ветре красиво играя.
А дела твои – листья, они

Древо жизни твоей покрывали,
Но твои закатились дни –
Вместе с ними и листья пропали.
Славный воин, богач и бедняк
Одинаково сходят в могилу,
Поглощает забвенья мрак
Их деяния, славу и силу,
Исчезает все в мире навек
Вместе с жизнью, и порою
Холмик, поросший сорной травой,
Нам напомнит, что жил человек.

Это стихотворение читал Конфуций своим ученикам на высокой китайской горе несколько тысяч лет назад», – приписал Георгий. К сожалению, это содержание только одного листочка, вырванного, возможно, из дневника размышлений, который был уничтожен Георгием в 30-е годы.

Можно представить, какое впечатление произвело это стихотворение на деревенского юношу в 18 лет, недавно овладевшего грамотой! Датирована эта запись 13-м января 1952 года. Прошло 46 лет, а Егор не забыл этот момент общения с учителем и, как свидетельствуют архивные документы, всю жизнь размышлял о смысле жизни и бессмертии, читая Горация, Эпиктета, Канта, Шопенгауэра и других мыслителей.

Но несравненно большее влияние, можно сказать определяющее, на мировоззрение Егора оказало пребывание в Ясной Поляне, знакомство с философией жизни Л.Н. Толстого, общение с Чертковыми и той молодежью, которая их всегда окружала.

В своем письме мне Елена Романова пишет: «Женя, я нашла воспоминания бабушки о причинах пребывания деда в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого, от друзей дед узнал, что в Ясной Поляне помещик Чертков, секретарь Л.Н. Толстого, организовал театральную студию и занимается благотворительной и меценатской деятельностью, собирает вокруг себя талантливую молодежь. Надеюсь найти поддержку, дед отправляется в Ясную Поляну и в течение 2-х лет играет там в театральных спектаклях, рисует декорации к ним, изучает творчество Толстого...».

В действительности, Егор Осипенко жил с молодежью в имении В.Г. Черткова в деревне Теплинка, что в трех верстах от Ясной Поляны. Дело в том, что еще в 1904 году часть Телятинок в Тульской губер-

нии вблизи Ясной Поляны купила дочь Льва Толстого Александра, по возвращении из Англии В.Г. Чертков купил у нее участок и построил там двухэтажный дом. Егор в 1907 году принимает участие в строительстве дома. Во флигеле помещичьего дома В.Г. Чертковым была открыта начальная школа для деревенских детей, первым учителем которой стала М. Кузевич.

История умалчивает о том, как состоялось знакомство Егора с Чертковыми, как он стал «своим» среди яснополянской молодежи.

Дом Чертковых стал своеобразным просветительским центром, где собирались последователи учения Л.Н. Толстого. В доме ставились пьесы по его произведениям. Здесь проходила и подготовка к народным спектаклям, в которых принимала участие и молодежь. Л.Н. Толстой часто бывал у Черткова, не раз навещал школу, беседовал с учительницей и детьми, читал здесь свои статьи. В архивах РГАЛИ хранится отзыв Льва Толстого о Чертковых, относящийся к 1909 году: «Анна Константиновна и Владимир Григорьевич Чертковы – самые близкие мои друзья, и вся их относящаяся до меня и моих сочинений деятельность мною не только всегда одобряется, но и вызывает во мне самую искреннюю и глубокую к ним благодарность. Лев Толстой. 28 января 1909 г.»⁶¹

С особой симпатией относился Егор к Анне Константиновне Чертковой, о чем можно судить по письмам, которые он отправлял на ее адрес.

Анна (близкие и друзья называли ее Галя – Р.Е.), была слушательницей высших Бестужевских курсов и в 1886 году вышла замуж за Владимира Григорьевича Черткова. Известна Черткова редкому читателю, а вот увидеть ее можно на картинах Н.А. Ярошенко: «Девушка-курсистка» (написана в 1880 г., хранится в Государственном русском музее), и «Курсистка» (написана в 1883 году, хранится в Киевском национальном музее русского искусства). Третья картина «В теплых краях» была написана с Анны Константиновны летом 1890 года в Кисловодске.

Исходя из писем Л.Н. Толстого за 1908-1909 года, можно сделать вывод, что Лев Николаевич очень часто бывал в Телятинках и постоянно останавливался в доме Чертковых. Подтверждение этому – мно-

⁶¹ Российский государственный архив литературы и искусства. (далее РГАЛИ) Ф. 552. Оп. 1. Д. 2863. Отзыв Л. Толстого о Чертковых. Л. 1.

жество писем и фотографий из архива Льва Николаевича Толстого. В Телятинках жили секретарь и переписчик Льва Николаевича, чтобы «облегчить Толстому самый процесс его работы, начиная с приглашения секретаря, а затем и переписчика, которые живут в Телятинках, ежедневно бывая в Ясной Поляне ...»,⁶² о чем упоминается в книге Муратова М. В. «Л.Н. Толстой и В. Г. Чертков по их дневникам и переписке».

Согласно Полному собранию сочинений «Дневники и Записные книжки 1909»⁶³ только в мае, 20 мая, 22 мая, «ездил в Телят[инки]. У Николаевых. У Гали. У обоих оч[ень] хорошо ... В чем смысл жизни? Ч[то] добро, ч[то] зло? Ч[то] такое Б[ог]? Что дух, ч[то] материя?» и т. п. Всё это спрашивает ... мальчик, воображая, ч[то] он один так умен, ч[то] может ставить эти вопросы, погибать... »; 23 мая был на репетиции пьесы «Первый винокур»; 24 мая «Ездил к Ч[ертковым]. Нехорошо поступил с расследователем Черт[ковского] дела, не подал руки, а потом не сумел сказать, ч[то] нужно. Мих[аил] Сергеевич[е] приехал – как всегда, приятный».

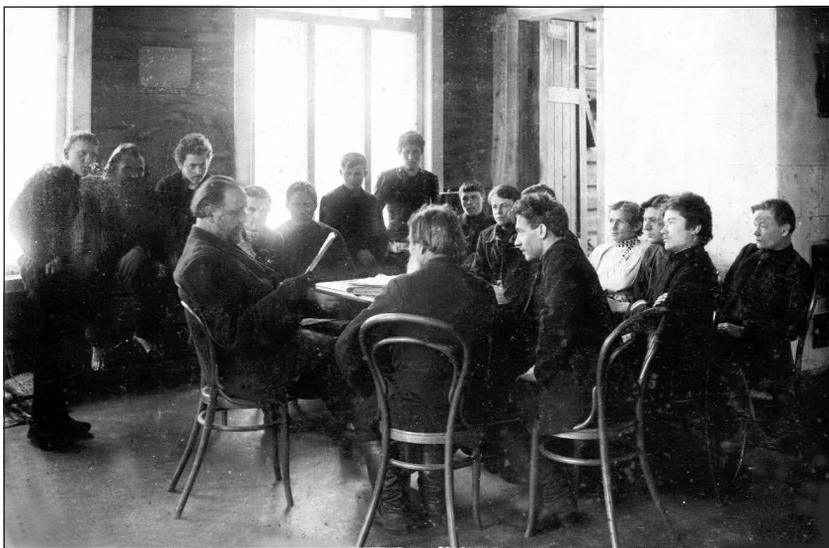
Егору, как он пишет в своей автобиографии, в жизни пришлось освоить много профессий: «дворника и сапожника, и столяра, и маляра, и живописца, ретушера и фотографа». В Телятинках у него появилось много новых друзей, среди них Федор Перевозников, Михаил Зайцев, Ольга Семенова, Евгений Иванович Попов (сотрудник издательства «Посредник» – Е.Р.), Сергей Лутохин, Анна Григорьевна Морозова (экономка у Чертковых – Е.Р.), Ольга Васильевна Плюснина, Дмитрий Чертков, Ольга Елисеева, Евгений Менцов и другие.

23 мая 1909 года Л.Н. Толстой пришел на репетицию пьесы «Первый винокур, или Как чертенок Краюшку заслужил», в которой Егор играл роль Чертенка. Свидетельствует об этом Валентин Федорович Булгаков, последователь и последний секретарь Л.Н. Толстого. В своей книге «О Толстом. Воспоминания и рассказы» он пишет: «В последний год жизни в Ясной Поляне он как-то сказал, что хотел бы писать только для жителей деревень Ясная Поляна и Телятинки

⁶² Муратов М. В. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их дневникам и переписке. С. 285.

⁶³ Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Том 57., Дневники и Записные книжки, 1909 г., Государственное издательство художественной литературы., Москва, 1952.

... Очень хотелось ему попасть на народный спектакль, устроенный в Телятинках мною и Димой Чертковым — сыном. Мы ставили для крестьян комедию Толстого «Первый винокур». Спектакль прошел чудесно ... Я уходил в Телятинки на репетицию спектакля (ставится «Первый винокур» Толстого) и, вернувшись вечером, застал в столовой большое собрание. Были Горбуновы, Николаевы, Буланже, Гольденвейзеры и свои – Лев Николаевич, Софья Андреевна и Ольга Константиновна. Стали меня расспрашивать о спектакле. Льву Николаевичу не удастся у нас быть, так как завтра только на один вечер приезжает в Ясную московский скрипач Борис Сибор. Но Льву Николаевичу так хотелось побывать на спектакле, что он даже старался так выгадать время, чтобы приехать до или после игры Сибора. Но это оказалось невозможным. Мы же не можем отложить спектакль, так как некоторые из его участников сразу после него, в этот же день, уезжают. Между прочим, Лев Николаевич досадливо махнул рукой и промолвил: «Эх, мое авторское самолюбие задето! Нужно было вам дать новую пьесу!...»

23 мая 1909 год. Репетиция пьесы «Первый винокур».
Егор Игнатьевич Осипенко третий справа.

В архивах Богучарского краеведческого музея сохранилось пять фотографий театральной труппы из Ясной Поляны во время спектаклей и репетиций. Фото, на которых Егор Игнатьевич на сцене театра, в музей передала внучка Е.И. Осипенко Е.И. Романова (Рязанцева). Фото были выполнены В.Г. Чертковым и подарены Егору Осипенко, который бережно хранил их всю жизнь.

Егору Осипенко пришлось играть роли в народных спектаклях: «Раздор», «Плоды просвещения», «Первый винокур» – о чем свидетельствуют многочисленные фотографии спектаклей и репетиций, выполненные Владимиром Чертковым.

В Российском государственном архиве литературы и искусства мне удалось разыскать письма Егора Осипенко Владимиру Григорьевичу⁶⁴ и Анне Константиновне⁶⁵ Чертковым. В одном из писем Анне Константиновне, которое Егор выслал из Ясной Поляны на ст. Голицино Московской губернии, он делится своими мыслями о театре: «Что театр? Да сколько раз я восхищался Вашим Театром. Ведь это очень сильное средство просвещения; по моему мнению, это почти единственное средство пробудить народ от вечной спячки (здесь подчеркнуто Чертковой и сделана пометка «Совершенно неверно», а ниже приписка «Он сам находится в духовной «Спячке» – Е.Р.). С театральных подмостков хороший, талантливый актер может заставить толпу ужаснуться перед злодеянием, единодушно плакать, а это уже громадный шаг вперед к духовному человечеству!»

И пусть Анна Константиновна несколько скептически оценила высказывание, но в Егоре уже чувствуется не безграмотный простак, а человек, достигший определенных успехов в образовании и разделяющий позицию Л.Н. Толстого в том, что единственным путем переустройства общества является не революционное насилие, а нравственное совершенствование людей.

Игра в театре, беседы с Владимиром и Анной Чертковыми, рассказы Льва Толстого, любовь к искусству побудили Егора Осипенко к постоянным духовным и творческим исканиям. В воспоминаниях жены Егора Осипенко есть такие строки: «...и, наконец, набирается смелости обратиться с просьбой к Черткову помочь ему в обучении живописи, к которой имеет явный талант. Но Чертков разделял

⁶⁴ РГАЛИ ф. 552 оп. 1 ед. хр. 2318.

⁶⁵ РГАЛИ ф. 552 оп. 1 ед. хр. 3765.

взгляды Толстого на крестьянство и считал, что крестьяне должны работать на земле, а образование им ни к чему. Чертков пригласил деда к себе и со словами: «Вот все, что могу я сделать для Вас», – вручил шкатулку с набором красок и кистей. Дед ушел из Ясной Поляны, перебиваясь кое-какими заработками, какое-то время живет в Санкт-Петербурге, занимается в бесплатных студиях, много читает и рисует, знакомится с историческими памятниками».

В ноябре 1909 года Егор Игнатьевич вернулся к родителям в село Красногоровка Богучарского уезда. Потом уехал на работу в Богучар и, как он пишет в письме Владимиру Черткову, «...за два месяца заработал 30 рублей, из которых 23 рубля потратил на одежду и сапоги, а семь рублей оставил на дорогу в Санкт-Петербург».

В это же время Егор пишет письмо из с. Красногоровка Дьяченковской волости Богучарского уезда Анне Константиновне: «...бедность ужасная и ужасная не потому, что я хочу размягчить ваше сердце и склонить вас к сочувствию мне, а потому, что такая жизнь – действительно ужасная и жалкая жизнь. Представьте себе, маленькая ветхая с дырявой крышей хатка, за которую неминуемо должны тратить рубль в месяц, а топка, а все то, что необходимо, для того чтобы не умереть голодной смертью ... Дело в том, что здесь у нас, в Красногоровке, продается небольшая хатенка с огородом за девяносто рублей, так вот почему теперь я и прошу вас не ради каких моих прихотей, а ради того, что необходимо, не дайте утратить очень выгодного случая, так как на эту хатенку больше покупателей, чем она вместить может. Вышлите хоть рублей пятьдесят, которые дадут возможность отцу освободить меня от непосильной платы за квартиру. Я же со своей стороны буду вам бесконечно благодарен и надеюсь, что по освобождению от солдатчины я могу, если будет к тому надобность, с великой благодарностью возвратить вам их».

Просьба не осталась без ответа. Вскоре Анна Константиновна выслала Егору пятьдесят рублей и семья Егора купила хатку в с. Красногоровка. 5 декабря 1909 года в присланной открытой открытке Анне Чертковой Егор пишет: «Милая Анна Константиновна! Я только что прибыл домой. Спешу принести Вам сердечную благодарность за исполнение моей просьбы.... Хатку купили. В солдаты меня не взяли, потому что я призывался по второй льготе. Меня даже и не вызывали. Мною овладела мучительная грусть, не могу никак отступить от неё. Любящий вас Егор Осипенко».

Но вернемся немного назад, в лето 1909 года. В имении Черткова всегда было много студенческой молодежи из Санкт-Петербурга, которые работали на постройке дома, в поле на сельхозработках, общались, играли в театре. Владимир Григорьевич многим талантливым студентам помогал: высылал книги, деньги. В хуторе Телятинка Егор познакомился с Евгением Алексеевичем Менцовым, студентом из г. Санкт-Петербурга. Евгений работал у Владимира Черткова десятником при постройке дома летом 1909 года, где они и подружились с Егором.

1 февраля 1910 года, находясь у родителей в с. Красногоровка, Егор получил письмо от Евгения Алексеевича: «Милый Егор Игнатьевич! Не думайте, пожалуйста, что я совсем забыл вас. Мне очень бы хотелось насколько есть сил и возможности содействовать вам в ваших занятиях живописью. Теперь наступило время предложить вам кое-что на этот счет...».

Евгений Менцов пригласил Егора в Санкт-Петербург в художественную мастерскую, которая располагалась по адресу: Васильевский остров, литер 4, дом 31, кв 6. Жизнь студентов обходилась им в 30 рублей в месяц, пять рублей уходило на оплату «живой натуры». «Работа дневная красками и вечерняя – рисование. Конечно, чтобы решиться на переезд в Петербург, – пишет Е.А. Менцов Егору Осипенко, – нужно хорошо все обдумать и главное – обсудить вопрос о материальном положении».

Материальное положение, как видно из писем Анне Константиновне, было неважное, и Егор Игнатьевич снова обращается к Владимиру Черткову с письмом: «... Если ты согласен помочь мне в деле, предложенном Е. Менцовым, то страшно сказать, вышли мне 10 руб. на дорогу, и я, не теряя времени, прямо поеду в Петербург и начну работать. Любящий тебя Егор Осипенко. Шлю привет Анне Константиновне, Диме, Ольге Константиновне (первая жена Андрея сына Льва Толстого – Е.Р.) ... Калачеву, если он у Вас».

Вот как он пишет об этом в письме Владимиру Черткову от 15 февраля 1910 года, из с. Дьяченково: «Милый Владимир Григорьевич! Обращаюсь к тебе как к другу, как к брату или просто как к доброму человеку, могущему сочувствовать и помочь. ... О, как бы ты мог испытать то положение в жизни, при котором борьба за один только насущный кусок хлеба поглощает все время, всю жизнь без остатка, а также и те страдания, которыми покупается любовь к искусству в

этом положении, тогда бы ты глубже понял, насколько способны выносить страдания те люди, которые не боятся бедности и нищеты, и смело стремятся быть самостоятельными и отдать все свои силы просвещению темного люда, и насколько необходимо им помогать ...».

О том, что творилось в душе Егора на пути осознания своего места в жизни, можно судить по строкам из письма В.Г. Черткову: «До того момента, в который я первый раз явился к вам, я сильно любил живопись и увлекался ею до самозабвения, стремился и твердо надеялся достигнуть своей цели, но когда я некоторое время пожил у вас (в Ясной Поляне – Е.Р.), я увидел, как бы другую сторону жизни, зародившую во мне стремление познавать истину и влияние, которое не бесследно отразилось в моей юной душе, давшей мне возможность заглянуть внутрь себя, вследствие чего значительно уменьшилась моя пламенная любовь к живописи и я остановился. ... Я все-таки чувал в душе неотразимую потребность идти, работать, но куда идти и в каком направлении работать, я уже не знал. Я растерялся. Я сказал себе – брошу живопись, выучу 10 языков и пойду проповедовать миру братство и любовь, но чувствовал, что это не то. Потом пленился, дотоле еще неслыханными, чудными, возвышающими душу, звуками музыки и увлекся ею. Тут я сказал себе, что стану изучать музыку и усовершенствую себя в игре на скрипке и буду пробуждать в сердцах людских возвышенные чувства, но и тут я ошибался Я сомневался достигнуть совершенства техники и развить в себе способность чувства.....Я уподобился тому путнику, который сбился с дороги и после долгих-долгих исканий своего пути утомляется и падает без чувств... Но довольно! Теперь я уже пробудился, стряхнул дремоту с глаз, махнул рукою в воздухе и уже готов двигаться в путь! Я понял, что разбросанность никогда не приведет к цели, надо сосредоточиться на одном, и неуклонно шагать, шаг за шагом следовать по одному пути. Я с новой силой полюбил живопись, и уже ничто не в силах оттолкнуть или отвлечь меня в сторону и пусть теперь хоть тысяча Репиных твердят, что я не способен, я скажу им– неправда! Я хочу и могу! И надеюсь оправдать заветное слово Льва Николаевича».

Нам неизвестно, о каком заветном слове Льва Николаевича упоминается в письме Егора Осипенко и почему упоминается Репин. Возможно, он посоветовал ему учиться живописи дальше и ехать в г. Санкт-Петербург к Илье Репину. Дело в том, что в 1907, 1908 и 1909 годах в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому часто приезжали известные

художники, среди них был и Илья Ефимович Репин, который писал портрет Льва Толстого.

Осмелюсь предположить, что Егор и был тем мальчиком, который беседовал с Львом Николаевичем 22 мая 1909 года и задавал вопросы: «В чем смысл жизни? Ч[то] добро, ч[то] зло? Ч[то] такое Б[ог]? Что дух, ч[то] материя?» и поэтому решил «... что разбросанность никогда не приведет к цели, надо сосредоточиться на одном, и неуклонно шаг за шагом следовать по одному пути».

Читая письма Егора к Владимиру Черткову, удивляешься тому душевному развитию тонкости чувств, пониманию мира по Толстому, которые в нем раскрылись за столь короткий срок. Вот эти строки: «Сколько любви и разума разлито в каждом творении великой Природы! Они светятся в каждом кустике, в каждой травинке и в каждом живом существе. Чуть только дохнет ветерок и слегка коснется колоса или листа, и уже дивные звуки рождает земля... Жизнь! Велика ты, нет тебе пределов и ничто не в силах ни изобразить, ни понять тебя, все немеет перед твоим Божественным величием. Только можешь сказать: «Боже! Боже, как хорошо, как хорошо!»

Здесь, среди этого величия природы, невольно сами являются мысли: милые люди, сбросьте с себя зло и пойдите навстречу зовущему нас свету истины, свету, озаряющему путь к вечной, разумной и правдивой братской жизни» ... Как современно звучит этот призыв!

Нельзя не сказать о роли Чертковой Анны Константиновны в жизни Егора. Судя по содержанию писем, она очень тепло к нему относилась, влияла на его образование, не отказывала в материальной помощи, была его добрым Ангелом.

В одном из писем, направленных Анне Чертковой, он жалуется на свою скучную жизнь в деревне: «Пока не знаю, что предпринять, вероятнее, скорее всего, придется мне когда-нибудь считать телеграфные столбы, занятие, как видите, довольно скучное, да что же делать, коли другого нет ... Сейчас я перечитываю кое-что из произведения Л.Н., жаль только, что моя библиотека слишком скудна».

В начале марта 1910 года Анна Константиновна выслала деньги Егору Осипенко, и он уезжает в г. Санкт-Петербург. Начинаются его скитания и творческие поиски. Он жадно изучает литературу, философию и занимается живописью. В одном из писем Черткову он пишет: «Милый Владимир Георгиевич, если ты не очень занят и если это тебя не затруднит, то будь добр, скажи, где можно достать книги

(если есть на русском языке) учения древних мудрецов: Конфуция, Лао-Цзы, Будды, Рамакришны, Магомета и др.»

Всё свободное время Егор старался читать. Помимо этого, живя в Санкт-Петербурге, он активно вел переписку со многими друзьями, а также распространял книги издательства «Посредник». В письме Чертковой он сообщает: «... Милая Анна Константиновна, у нас проживает молодой человек по прозвищу «Борис», он у меня купил книги разного содержания на три рубля, так вот, куда нужно выслать деньги, отослать ли Вам их или же отдать здесь кому-либо из распоряжающихся деньгами. Словарь, присланный из Петербурга, я прочел и в скором времени вышлю вам вместе с первым томом философа Канта». Получал он письма и книги от писательницы Озмидовой Ольги Николаевны (в замужестве Спенглер, учительница из Воронежской губернии, потом в Одессе – сотрудница издательства «Посредник» – Е.Р.). Анне Чертковой он сообщает: «Ольга Николаевна подтверждает Вам, что словарь, бывший у меня, она получила ... номера словаря, который был у меня, я не знаю, но Вы можете легко найти его по другому признаку. Это карты Греции, и я читал «Элладу» и мне потребовались карты, показывающие расположение Греции».

Егор Осипенко по рекомендации Анны Чертковой собирал вырезки из газет и журналов. 12 августа 1909 года Егор пишет из Ясной Поляны к Анне на ст. Голицино: «Вырезки я не все наклеил, только пятую книгу начал, слишком много отрывался, то в том немного поработаешь, то еще где-нибудь, то почитать хочется, то еще тяжело, сейчас кончаю ретушировать второй портрет (Копия брата Льва Николаевича). Тяжело».

Как бы там ни было в действительности, но из писем Егора Игнатьевича следует, что слова Льва Толстого: «Для бессмертной души нужно такое же и дело бессмертное, как она сама. И дело это – бесконечное совершенствование себя и мира – и дано ей» запали ему в душу надолго». В письме Черткову он пишет: «Милый Владимир Григорьевич, теперь меня больше всего занимает и больше всего интересует бессмертие моё, который день и почти каждую минуту я придаюсь размышлению о бессмертии. Бессмертие стало для меня жизнью, и жизнь стремится к бессмертию». В Санкт-Петербурге Егор Осипенко пробыл недолго и вскоре вернулся в с. Красногоровку.

Внучка Егора предполагает, что «непреодолимая «мучительная грусть» – это признак начинающейся депрессии на фоне истощения,

совсем не радостных размышлений о собственной жизни и каждодневных поисков куска хлеба. В автобиографии Егор написал, что предстояла мобилизация, но от истощения и переутомления он заболел нервным расстройством, и его признали негодным к военной службе. Лечился Егор на скудные средства родителей в Красногоровке».

В 1915 году Егор экстерном (по программе учительских семинарий) сдал экзамен на звание учитель начальных школ при Богучарской мужской гимназии. Уровень экзаменационной комиссии гимназии был достаточно высоким. К слову сказать, в это время в Богучарской мужской гимназии начал свое обучение и великий писатель Михаил Шолохов».

«С этого времени, – как пишет в своей автобиографии Осипенко Г.И., – и началась моя непрерывная учительская деятельность». С 1915 по 1921 год Егор Игнатьевич преподавал в начальной школе имени Петра Великого села Красногоровка. В 1921 году Егор женился на учительнице Марии Яковлевне Куликовой. Мария Яковлевна окончила Острогжскую женскую гимназию. С 1908 года по 1914 год работала учителем в Калачеевской четвертой школе Богучарского уезда. Затем работала в школах сел Терешково, Дьяченково и Красногоровке.

В своих воспоминаниях Егор писал: «В период Гражданской войны я неоднократно подвергался обыскам со стороны бандитов и, наконец, был арестован белогвардейцами во время восстания, приговорен к расстрелу, но бедняцкая часть Красногоровки освободила меня, и я в скором времени перевелся в Богучарскую школу I ступени №2». В этой школе сначала в качестве учителя русского языка, литературы и рисования, а затем заведующего Егор Игнатьевич работал до 1933 года.

Это был период, когда в г. Богучаре появилась знаменитая «Осипенковская» школа. Егор Игнатьевич организовал в ней процесс обучения, используя элементы Яснополянской школы. Занятия начинались в 8-9 часов утра. В полдень – перерыв на обед и отдых. Затем снова занятие еще 3-4 часа. Каждый учитель давал ежедневно 5-6 уроков. Каждый ученик садился там, где ему хотелось. Заданий домой не задавали. Преобладающей формой занятий был не урок в обычном смысле, а свободная беседа с учениками. В ходе ее дети обучались чтению, письму, арифметике, усваивали грамматические правила, доступные для их возраста сведения по истории, географии, природоведению. Их обучали также рисованию, пению. Поле уроков учащиеся трудились

в поле, а старшие учащиеся посещали ремесленное училище. Школа была на полном самообслуживании учащихся. Здесь от учителя требовалось педагогическое творчество. В архиве Георгия Осипенко сохранился отзыв проверяющего о его работе: «Уроки проходят интересно, наполнены живым, красочным материалом и примерами. Дисциплина на уроках безукоризненная. Читает много литературы. Классическую европейскую и русскую литературу знает отлично. Предмет свой любит и умеет привить эту любовь учащимся...».

И во всех начинаниях Георгия Осипенко рядом с ним была его жена Мария Яковлевна, добрейшей души человек, великая труженица, педагог по призванию. Она учила детей русскому языку и географии. Благодаря ее стараниям «Осипенковская» школа всегда утопала в цветах. Кроме этого, на протяжении всей педагогической деятельности Г. Осипенко принимал активное участие в разнообразной общественной работе: был членом горсовета, народным председателем ревизионной комиссии кассы взаимопомощи, председателем производственной комиссии, членом методического бюро РКК.

Георгий Игнатьевич, действительно, создавал школу своими руками: рисовал портреты писателей, вместе с учениками делал наглядные пособия, красил, строгал, следил за чистотой, строил спортивную площадку во дворе школы, проводил интереснейшие уроки. Любовь к театру, появившаяся у Егора Игнатьевича еще в Ясной Поляне, осталась на всю жизнь. В Богучарской школе он организовал школьный театр, который регулярно ставил спектакли. Ученический спектакль «Грибной переполох», поставленный Егором Игнатьевичем, имел большой успех. В основе спектакля «Грибной переполох» лежит чудесная детская сказка о любви и ее трудностях. Сцена в нем превращается в лесную чащу, где действуют сказочные герои – грибы. В конце спектакля Сыроежка и Подосиновик побеждают Мухомора и Бледную Поганку и становятся царем и царицей Грибного царства, добро побеждает зло, а любовь преодолевает все возможные преграды.

В 1928 году в Богучарском районе была начата «украинизация», и во всех школах было начато преподавание на украинском языке. С 1 октября 1930 года стали выходить на украинском языке в г. Воронеже газета «Ленинский шлях», а в г. Богучаре газета «Коллективист».

Отсутствие учебников и методических пособий на украинском языке побудило Егора Осипенко совместно с учителем Костенко И.М. написать и издать свой учебник. В конце 1931 года вышло учебное

пособие для второго класса для украинских школ, а вслед за ним – четвертого класса, под названием «Коллективная праця».

Как вспоминает внучка Егора Игнатъевича Елена: «Живопись не была его постоянным занятием, он был увлекающимся человеком и пробовал себя в разных направлениях. Когда работал над иконами для собора, я видела написанный им эскиз «Голова Иисуса в терновом венце», но он не сохранился дома, думаю, что дед оставил его в соборе. В еде был непривередлив, питался скромно, дед ведал деньгами и выдавал бабушке на продукты определенную сумму, чтобы сэкономить на книги и другие существенные покупки. Сохранился его учет расходов, с интересом читала. Я думаю, что он верил в Творца, Создателя, но икон дома вообще не было, никогда не видела, чтобы дед крестился, но, может, он это делал без посторонних глаз, он всю жизнь раздумывал над предназначением человека на Земле, пытался найти ответы и в книгах, и в философии Толстого. ... Несмотря на то, что зарплата учителей была небольшой, составляла чуть больше 400 рублей (для сравнения: мужской костюм стоил 140 рублей, корову можно было купить за 9 000-10 000 рублей), Георгию всегда удавалось путем жесточайшей экономии выделить деньги на выписку книг в основном из Санкт-Петербурга. К концу его жизни это уже была довольно большая библиотека, позволяющая получать разносторонние знания. Она сохранена внуками. В ней есть и философы, и классики, и поэты, среди книг: «Библиотека великих писателей» в 20-ти томах, издание Брокгауз– Ефрона, полное собрание сочинений Шекспира, Пушкина, Байрона, Мольера, Шиллера. Еще есть собрание сочинений «Вся природа», в него входят: «Мироздание» и «Жизнь природы» В. Мейера, «История Земли». М. Неймайра «Происхождение животного мира». И. Гааке, «Жизнь животных» Брэма, «Жизнь растений» Кернера фон– Марилауна, «Человек» Ранке, «Народоведение» Ф. Ратцеля. Даже по этому неполному перечню книг ясно, что он делал все, чтобы продолжать разностороннее самообразование и компенсировать то, что недополучил в детстве и юности.

С 1931 по 1933 годы Георгий Игнатъевич преподавал русский язык и литературу в Богучарской школе «Совхозуч». Зная о его художественных способностях, в начале 1931 года Городской совет г. Богучара обращается к нему с просьбой о создании памятника В.И. Ленину. И вскоре скульптура была изготовлена: сначала модель из дерева в натуральную величину, а затем по модели на Богучарском чугуно-

литейном заводе отлита бронзовая скульптура. За создание памятника Григорий Игнатьевич Осипенко был награждён председателем горсовета благодарственным отзывом и денежной премией, которую Осипенко отдал детскому дому. По этой же модели были изготовлены памятники вождю в селах Терешково и Журавка.

Начиная с 1935 года, Григорий преподаёт русский язык и литературу в начальной школе села Дьяченково. В своих воспоминаниях он пишет: «Приходилось ежедневно ходить на занятия за 5 верст». В Богучарских школах места не оказалось, возможно, по мнению внучки Осипенко, «из-за непростого, неуживчивого характера деда».

Елена Романова рассказала, что, «работая в Дьяченковской школе, её дед начал активно заниматься пчеловодством, в отдельные годы у него было до 12 ульев. Продажа меда давала возможность не голодать, покупать одежду и многое необходимое. Георгий Игнатьевич относился к пчеловодству очень серьёзно и ответственно, каждый день осматривал ульи, вел записи об их состоянии. Вот маленькая выписка из дневника: «10 июня, день жаркий, облачный. В 11 часов вышел сильный рой из 6-го улья и сел на клен во дворе. Убирать его было неудобно. Я волновался и злился на разные мелочи. В уборке роя хорошо помогал Лева. Осмотрел 2-ой улей: детка на 10 рамках, запасы меда и перги невелики. Срезал несколько мисочек. Тенденция к роению имеется. Поставил надставку на 12 рам.» Подобным образом записи велись по всем ульям каждый день. Пасека выручала семью всегда и особенно тогда, когда муж и жена Осипенко стали пенсионерами с пенсией в 300 рублей».

1 сентября 1937 года в дневнике пчеловода наряду с записями о состоянии пчел он записал: «Вот уже 15 дней занимаюсь в школе. Нагрузка 31 час в неделю. Условия работы очень тяжелые: учебников нет – на 40 учащихся всего 3 грамматики, по литературе тоже учебников нет, тетрадей недостаточно, а в некоторых классах вообще нет, классы содержатся грязно, школа, как в учебном, так и в хозяйственном отношении не подготовлена к занятиям. За что директор получил один месяц отпуска? Коллектив учительский слаб, до сих пор нет правильного расписания. Руководства в школе никакого нет, до сих пор не было ни одного педагогического совещания. Отношение учащихся к занятиям вялое, такое же, как и у учителей, лениво идущих на уроки....».

Летом 1942 года, когда Богучар был оккупирован немцами, Егор Осипенко с женой и дочкой Галиной оказались в оккупации. Галина

в 1940 году закончила с отличием Богучарскую среднюю школу и без экзаменов была зачислена на биологический факультет Воронежского университета. Но материальное положение семьи было трудное, родителям было уже за 50 лет, к тому же, началась война. Отец считал, что лучше быть поближе к дому в эти непростые времена. Галина возвращается в Богучар и поступает в Богучарское педагогическое училище, которое в 1943 году с отличием заканчивает. Поддавшись уговорам подруг, в 1944 году она уезжает в Россошь и поступает в 3-х годичную акушерско-фельдшерскую школу, которую, тоже с отличием, заканчивает в 1947 году. В этом же году она выходит замуж и начинает свою бессменную, более 30 лет, работу акушеркой в Богучарском роддоме. Тысячам малышей помогла Галина Георгиевна Рязанцева (Осипенко) появиться на этот свет. В архиве семьи хранится множество грамот, юбилейных медалей за её самоотверженный труд.

Семья Осипенко жила в большом доме № 12 на улице Кирова. Когда пришли немцы, дом приглянулся зондерфюреру Мюллеру. Он занял все жилые комнаты, хозяева вынуждены были ютиться в полуподвальном помещении дома.

Галина Георгиевна Осипенко рассказывала: «Денщик Мюллера сразу невлюбил Марию Яковлевну, ему не нравилось, как она на него смотрит. Заставлял ее убирать в комнатах Мюллера, угрожая пистолетом. Летом 1942 года стояла ужасная жара. Григорий Игнатьевич пропадал на пасеке. На непаханных полях вокруг Богучара буйно цвели медоносные сорняки и взятки были небывалые. Часть меда забирали немцы, но и для семьи оставалось немало, можно было не голодать. Когда Богучар подвергался бомбардировкам, всей семьей вместе с соседями, убегали вверх по улице Кирова, там прятались в ярах. Родители очень опасались чрезмерного внимания немцев к Галине, молодой, привлекательной девушке. Ей приходилось целыми днями отсиживаться в подвале.

К счастью, немцы продержались в Богучаре только полгода, в декабре 1942 года их выбили из города. В доме Осипенко разместили 20 красноармейцев, раненных в боях за Богучар, врача при них не оставили. Мария Яковлевна в течение 2-х недель стала для них и медсестрой, и санитаркой, и поваром, и добрым ангелом».

Как художник Георгий Осипенко совершенно бесплатно многое делал для города Богучара. В его дневниках сохранилась запись: «В течение 1943 – 44 годов: для райисполкома реставрировал два больших

портрета, написал вывеску своим материалом (бронза); для горсовета написал два больших плаката: «Красноармеец на фоне воздушных и морских сил» и «Орден», несколько сотен номерков для велосипедов и для контроля явки на работу рабочих для райкома, райисполкома, горсовета. Восстановил памятник В.И. Ленину, разбитый немецкими захватчиками, реставрировал статую Сталина И.В., написал вывеску бронзой, расписал два больших знамени на шелковых полотнищах; для прокуратуры, военкомата, РОНО написал вывески бронзой; для музея оформил витрину; в 1943 году подарил для Красной Армии 1 пуд меда».

Памятью о Егоре Осипенко, живописце, остались девять икон, выполненных для церкви Святого мученика Иоанна Воина. За живопись девяти икон, судя по записям Григория Игнатьевича, он получил 4750 рублей. Это иконы: «Апостолы Петр и Павел», «Всескорбящая Богоматерь», «Неопалимая купина», «Крещение», «Воскресение дочери Иаира», «Несение креста», «Моление о чаше», «Благословление детей». Две последние иконы можно и сегодня увидеть в церкви Иоанна Воина города Богучар. У внучки Елены остались 3 работы Егора Осипенко: два портрета детей – Галины и Льва, и натюрморт «Цветы», написанные его рукой.

За написание вышеуказанных икон отношение местной власти к Георгию Осипенко резко поменялось и «стало прохладным». В своих воспоминаниях дочь Георгия Галина писала: «Когда я собралась выходить замуж, то моего будущего мужа пригласили в райком и посоветовали не регистрировать со мной брак, так как мой отец, Георгий Осипенко, не благонадежен, он «богомаз». Совет не был выполнен. Галина вышла замуж за Рязанцева Ивана Филипповича, хорошо известного богучарцам. Иван Филиппович долгое время работал в райкоме КПСС, директором Богучарской средней школы, а последние годы заведующим Богучарским РОНО.

Как вспоминала Галина Георгиевна: «По непонятным причинам, «похоронку» на сына семья Осипенко получила только в 1947 году, она сохранена в семейном архиве. Дочь Георгия Игнатьевича вспоминала, что это были очень тяжелые переживания, родители сразу очень постарели, муж стал жаловаться на боли в сердце, все чаще он впадал в депрессию, временами не хотел ни с кем общаться. Когда самочувствие было лучше, его увлекающаяся натура заставляла его снова осваивать что-то новое и интересное». Сын Егора Игнатьевича

Лев окончил Богучарскую среднюю школу, летное училище и в 1941 году ушел на фронт. Летал на самолете «ЛАГГ-3». Через совет ветеранов 8-й отдельной армии ПВО мне удалось найти сведения об этой эскадрилье. 10 октября 1942 года она была перебазирована на аэродром у поселка Лазаревская для прикрытия военно-морской базы г. Туапсе. 30 октября 1942 года комсомолец, пилот сержант 1 авиационной эскадрильи 62 авиационного полка в бою над Черным морем в районе г. Туапсе был сбит. Льву Осипенко удалось посадить самолет на аэродром и, как рассказывают документы, «от ран, полученных в бою, через 20 минут после приземления умер. Похоронен в пос. Лазаревская».

Судя по встречающимся отступлениям, в «Дневнике пчеловода», который вел Георгий Осипенко, в голове его, несмотря на происходящие события, идут постоянные размышления о добре и зле, о собственном предназначении, о непостижимом устройстве мира. Он постоянно недоволен собой, чувствует себя способным достичь большего, но, как он считает, ему мешает постоянная борьба с бедностью, несправедливость чиновников и собственная несобранность.

Георгий Осипенко был глубоко верующим человеком. И в минуты радости, и в горе он обращался к Богу, о чем свидетельствуют записи в «Дневнике пчеловода»: «1 мая 1945 года, несмотря на мою разнообразную работу по хозяйству и вообще приличную приспособленность к изменяющимся внешним условиям, все же я поразительно ленив и еще больше нерадив не только в отношении тела, но и, главное, духа, который своими постоянными тяжелыми вопросами не перестает мучить меня в продолжение всей моей сознательной жизни. Боже, помоги мне. Укрепи мой разум и добрую волю к тебе. ... 2 июня 1945 года. Много забот. Некогда подумать о душе. Умственная жизнь отодвинута на второй план. А жизнь не ждет, все уходит и уходит, оставляя тяжелые наслоения на душе, которые надо очищать для того, чтобы не забывать главного в жизни – закон Бога и его выполнение». Причину всех бед Георгий видел в том, что человек утратил твердые нравственные позиции и в жизни руководствуется ложными идеалами. В этом просматривается явное влияние на него учения Л.Н. Толстого, который считал, что спасение человека должно начинаться изнутри, с его души.

Новым увлечением после войны стало фотографирование. Он старался приобрести самые лучшие фотоаппараты того времени. Бла-

го, пасека давала такую возможность. Досконально изучил процесс фотографирования. Подрабатывал в фотографии и на дому, делал портреты, был отличным ретушером. Елена Романова вспоминает: «Благодаря тому, что ее рождение совпало с периодом увлечения деда фотографией, всё ее детство есть на его фото, они бережно хранятся в семейном архиве».

В своих воспоминаниях Елена Ивановна Романова пишет: «Георгий Игнатьевич первым в Богучаре купил телевизор, чтобы поймать изображение, сконструировал антенну на растяжках по всему двору, она было выше дома, вся семья собралась у экрана, но, к сожалению, ничего не получилось. Ретранслятор был в Воронеже, да и дом стоит не на горе. Все очень расстроились, а Георгию Игнатьевичу так и не пришлось в своей жизни посмотреть телевизор. Зато, когда позволяло здоровье, гонял на мотоцикле. Любил бывать на Дону и в тех местах, где проходила его юность».

Осипенко Георгий Игнатьевич умер в августе 1963 года от сердечной недостаточности. Похоронен вместе со своей женой Марией Яковлевной на старом богучарском кладбище.

Всю жизнь он совершенствовал себя, без чьей-либо помощи много достиг, но ушёл разочарованным. Он хотел найти то самое свое предназначение, которое бы сделало его в каком-то смысле бессмертным в сердцах людей. Вспоминаются слова Л Н Толстого: «Человек подобен дроби: в знаменателе – то, что он сам о себе мнит, а в числителе – то, что он есть на самом деле. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь».

Елена Романова написала в своих воспоминаниях: «Дробь Егора Осипенко всегда стремилась к целому числу и больше, числителю его мог позавидовать любой. За что он ни брался в жизни, у него все получалось, а это не каждому дано. Только он этого не осознавал, но мы знаем, ценим, помним. Всю жизнь Георгий Игнатьевич Осипенко совершенствовал себя, нам есть чему у него поучиться».

P.S.

Над данной работой мне пришлось работать почти два года, много времени ушло на запросы в архивы и переписка с Еленой Ивановной Романовой (Рязанцевой). Которая все эти годы бережно хранит бесценные письма, фотографии, воспоминания в семейном архиве. Только благодаря ей, удалось показать всю многогранность личности Егора Осипенко.

ПОЗНАВ ВПОЛНЕ ОН – СЧАСТЬЕ ЖИТЬ

18 сентября (1 октября по старому стилю) 1907 года в семье украинца, крестьянина Никандра Рыжманова родился мальчик, которого назвали Григорием. Хутор Дядин, в котором они жили или как его еще называли Дедин, стоял на берегу реки Левая Богучарка.

Река была довольно полноводной и широкой. По ней в сторону села Красноженово весной проходили даже пароходы. Здесь и прошло детство Григория. Хутор Дядин состоял из 137 дворов и 866 жителей, имелась школа на 60 учеников и торговая лавка А.Н. Овчарова. С ранних лет Григорий работал вместе с отцом сначала пастухом, а затем и пахарем. Будучи скромным и застенчивым человеком, часто любил уединяться и в раннем возрасте стал сочинять стихи.

Уже в 1928 году об этом времени он напишет такие строки:

«Я рос на просторе
За древним курганом,
В краю знаменитых
Побелкою хат.
Дружил я и с ливнем,
И с ветром – буяном
Под сводом синих небесных палат.
Под солнцем и тучами
Долгого лета
Овечьей отары
Я был пастухом.
Дремотные зори
Степного рассвета
Встречал я в пути
За полынным холмом ...»

Надо сказать, что и сейчас на хуторе осталось несколько ухоженных крытых камышом и старательно выбеленных хат.

Крестьянское сельское общество хутора в начале XX века было многочисленным и владело 2657 десятинами земли. В 137 дворах жило 866 жителей. По инициативе сельского общества и Богучарского земства в 1900 году была построена народная школа. Здесь и начал

свое обучение Григорий. В школу он пошел в период Первой мировой войны. В его последующих стихах часто звучат строки из детства и школьной жизни. К примеру, стихотворение «Батрачка Маруся»:

«...Ведь теперь с подружками
И Маруся в школе.
Ей и в тесном классе –
Все равно на воле.
На тетрадь склонилась
Русая головка.
Было бы желание,
Будет и сноровка...»

После окончания Дядинской школы Григорий продолжил обучение в Богучарской школе и закончил ее в 1925 году. Как писал воронежский поэт Владимир Григорьевич Гордейчев в предисловии вышедших в 1968 года стихов Григория Рыжманова: «От рождения житель деревни, самой сутью своей знавший ее горести и радости, свидетель глубоких перемен в народной жизни, Рыжманов шел в литературу с яркими наблюдениями, взятыми из самой жизни. Тема перемен, тема перелома присуще многим стихам Рыжманова этой поры».

Особый отпечаток на творчество Григория Рыжманова отложила Гражданская война, коллективизация, комсомольская юность. В стихотворении «Поручитель» он пишет:

«Не стереть эмали
Памятного дня;
В клубе принимали в комсомол меня.
Поручилось трое,
В том числе старик
Выглядел героем
Знатный большевик
...
На тачанках мчались
Мы в огонь и в стынь
За меня ручались
Орден и костыль».

После школы Григорий Рыжманов по направлению комсомола поступил в Богучарский педагогический техникум (впоследствии Богучарское педагогическое училище имени Крупской – Е.Р.). Примечательно, что учителем русского языка и литературы была бывшая учительница Богучарской мужской гимназии Ольга Павловна Страхова, которая с 1915 по 1918 годы обучала Александра Михайловича Шолохова.

После окончания педтехникума в 1928 г. Григорий продолжил обучение в Воронежском государственном университете и начал печататься в воронежских периодических изданиях. Студенты и преподаватели университета в то время создавали свои группы и объединения, такие как «Пестрая вагата», «Чернозем», «Синяя блуза» и другие. Н.А. Романов, Е.В. Петухов, Г.Н. Рыжманов, С.Н. Прядкин, А.М. Путинцев, Л.А. Плоткин. стремились тогда «выковать» новую пролетарскую культуру.

После окончания литературно – лингвистического отделения педагогического факультета ВГУ в 1931 г. Григорий Рыжманов работал до войны литературным сотрудником областных газет «Коммуна», «Молодой коммунар», «Будь готов!», журнала «Подъем», в книгоиздательстве литературным консультантом, во Дворце пионеров. В его стихах и поэмах отражены трудовые свершения современников, красота окружающей природы, сложность нравственных конфликтов. В 1934 году в Москве происходил прием в Союз писателей, Григорий Рыжманов становится сначала кандидатом, а в 1935 году вместе с Михаилом Булавиным, Николаем Задонским становится членом Союза писателей СССР.

Писатель Рыжманов
Григорий Никандрович.

В феврале 1935 года Г.Н. Рыжманов участник Первых всесоюзных курсов комсомольских писателей, часто выступал перед слушателями серьезных аудиторий. В 1936 году он участвует в работе молодых литераторов, созданных по инициативе ЦК комсомола в г. Малеевка.

С июня 1934 года по июль 1937 года в Воронеже отбывал ссылку Осип Мандельштам. Выслан он был за самоубийственное стихотворение о Сталине («Ода о Сталине»). Сталин сохранил жизнь своему подданному, дав указание: «изолировать, но не ликвидировать». Сначала Мандельштам вместе с женой снимал квартиру в пятиэтажном доме на углу улицы Фридриха Энгельса и Чайковского, затем перебрался в одноэтажный домик в тупике на улице 27 февраля. В письме к своему другу М.А. Гецову от 17 января 1935 года П.И. Калецкий писал: «... Ты спрашиваешь о Мандельштаме? Рассказывать о нем надо много и долго. Очень умный, путанный человек, с гениальными иной раз высказываниями, говорящий о стихах, как о своем хозяйстве, практически неумелый – как ребенок, вспыльчивый, взрывающийся как бомба при мельчайшем споре, – он очень трудный и обаятельный человек. Иной раз его замечание – это чистый клад, над которым надо сидеть и сидеть, иной раз остроумный афоризм, которым прикрывается все же бессодержательность. Живет он неважно, хотя ему в лечении идут навстречу. Числится он консультантом при «Подъеме» и получает жалованье. Его, по существу, жалко, впрочем, он и сам в этом виноват. Встречи с ним бывали интересны и представляются ярким пятном на фоне серости человеческого материала в Воронеже».

Большая часть воронежских писателей и поэтов «не приняли» Осипа Мандельштама и его стихов и поведение. В феврале 1936 года Григорий Рыжманов вместе с воронежским писателем Михаилом Булавиным стали участниками III пленума правления Союза Писателей СССР, который проходил в городе Минске. На обязательном заключительном банкете Григорий Рыжманов, Михаил Булавин сидели за одним столом с Н.Г. Антакольским. Борис Пастернак предложил тост «за замечательного поэта Мандельштама». Тост был нехотя поддержан, но воронежские писатели отозвались о тосте «как неуместное фрондёрство».

В марте 1936 года уже в Москве состоялась писательская дискуссия о творчестве писателей-диссидентов, в которой участвовали Григорий Рыжманов и Михаил Булавин.

Об этом и отношении воронежских писателей к Осипу Мандельштаму рассказала ему Эмма Григорьевна Герштейн, которая в мае тридцать шестого приезжала к опальному поэту в Воронеж.

В первом же выпуске сборника «Литературный Воронеж» (подписан к печати 4 ноября 1937 года) Григорий Рыжманов открыто вы-

ступил против Осипа Мандельштама и написал о нем «гневную отповедь», созданную им еще в декабре 1936 года.

Приведу фрагменты двух стихотворений, созданных в одно время и написанных «одним» метром на одну тему.

И глядит он вдохновенно:
Неземной – пророк на вид.
Но какую в сердце тленном
К нам он ненависть таит <...>
Презирай, гляди надменно –
Не согнусь под взглядом я,
Не тебе иду на смену
И не ты мой судия.

Г. Рыжманов. Мандельштаму.
Воронеж, декабрь 1936 г.

Твой зрачок в небесной корке,
Обращенный вдаль и ниц,
Защищают оговорки
Слабых чующих ресниц <...>
Он глядит уже охотно
В мимолетные века,
Светлый, радужный, бесплотный,
Умоляющий пока.

О. Мандельштам. (Ответ Г. Рыжманову – Е.Р.)
Воронеж, январь 1937 г.

В областных газетах, в журнале «Подъем», альманахе «Литературный Воронеж» с 1928 года по 1941 год Григорий Рыжманов опубликовал свыше трехсот стихотворений. В 1937 году выходит первый сборник стихов «Отрада», а в 1938 году в Воронеже вышел литературно-художественный сборник под названием «Непобедимая», посвященный 20-летию рабоче-крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, с частушками. Одними из авторов были Михаил Булавин, Петр Прудковский и Григорий Рыжманов.

Уже в октябре 1941 года Григорий Рыжманов Бобровским РВК призван на фронт. Практически с октября 1942 года по февраль 1943

года лейтенант Г.Н. Рыжманов на Донском фронте участвует в обороне Сталинграда, где получил свою первую награду медаль «За оборону Сталинграда». Затем Степной фронт, где участвует в битвах под Курском и Харьковом.

Свои стихи он часто публиковал во фронтовой газете. Вот отрывок из стихотворения «Мамаша», написанного в 1943 г.:

«Скольким готовили вы у лежанки
На сыроватой соломе постель,
Мыли платки и сушили портянки
В ночи ненастные, в дождь и метель.
Сколько вы в путь проводили, как близких,
Выйдя с внучком, не ждущим отца ...
Скольким вы дали наказ материнский,
Скольким наполнили жаром сердца.
Есть вам за что называться мамашей!
Есть о чем помнить в боях сыновьям.
Верно во многом и доблестью нашей
Все мы обязаны вам, матерям!»

С октября 1943 года и до окончания войны он воюет на 2-м и 3-м Украинском фронтах. После гибели гвардии капитана поэта Григория Доронина, секретаря дивизионной газеты «Боевая красногвардейская», Григорий Рыжманов назначается секретарем редакции и вступает в ВКП (б). Редакция газеты «Боевая красноармейская» состояла из нескольких грузовых машин, которые дислоцировались в 15–20 км от линии фронта. Журналистов-фронтовиков объединяло одно – способность в любую минуту ринуться в гущу сражений ради газетной строки, проявить бесстрашие, стойкость. Как рассказывает наградной лист Григория Рыжманова: «За время работы показал себя дисциплинированным, политически и литературно грамотным, смелым в бою. Настойчивым и неутомимым в труде офицером-журналистом. В самых сложных условиях наступательных боев и постоянного передвижения тов. Рыжманов, работая часто без сна и отдыха по несколько суток подряд, обеспечивает своевременный выпуск газеты, специальных выпусков, листовок. Он много работает над тем, чтобы сделать газету еще лучше. Он ведет и сам готовит к печати отдел сатиры «Огнем и смехом».

В составе 252-й стрелковой дивизии из 7-й гвардейской армии Г.Н. Рыжманов освобождал города Будапешт, Белград, Вену и Прагу. «В последних боях за расширение плацдарма на западном берегу реки Морава он находился в боевых порядках батальона, роты и организовал там оперативно ценный материал». В мае 1945 года старший лейтенант Григорий Рыжманов был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2 степени, но как это часто бывало на войне, за доблесть и мужество его наградили орденом «Красная звезда». Наградной лист подписал генерал-майор Горбачев Иван Александрович.

Особенно трогателен стих Григория Рыжманова «Фронтвик»:

«Еще ни разу он не брит,
И поступь молодо легка
А на груди уже горит
Награда – знак фронтовика.
В его уверенных глазах
Ни робости, ни грусти нет
Он потерял на фронте страх
И возмужал на десять лет.
Он вынес ненависти жар
И приступ жажды – победить!
И ту надежду одержав,
Познав вполне он – счастье жить».

После окончания войны Григорий Никандрович Рыжманов работал в бригадной газете, а потом вернулся в родной хутор, который во время войны находился в оккупации.

До конца пятидесятых годов люди еще жили в землянках. Одну из своих поэм «Тарасова доля» Григорий посвятил своим землякам. Изменив название села Дядин на Демьянку:

«Возрождалась Демьянка,
Вся спаленная врагом,
Но пока что и земляка
Дорогим была углом.
Жил в землянке со старушкой,
И герой села – старик,
По своей натуре русский

Работяга и шутник.
Разгулялась завируха,
Дед покрепче дверь – на крюк,
– Исповедайся, старуха,
Приближается каюк.

Далее в поэме повествуется о том, как дед Тарас помогает всем в хуторе восстанавливать свои жилища, забывая о том, что сам живет в землянке.

Сколько сроков подоспело –
Руки требуются всех.
А хатенка ... с этим делом
Подождать еще не грех.
– То на лето, то на осень...
А теперь – о молотье!
Все печешься о колхозе,
А когда же о себе.

Заканчивается поэма тем, что всем народом колхозники пришли и восстановили дом деда Тараса.

Говорливый и задорный
Обступил его народ.
Председатель Клим Озерный
С уваженьем руку жмет.
Дружно плотники явились
При лучистых топорах,
В полном виде снарядились
И другие мастера.
Рамы новые и ставни
Замечает дед Тарас.
– Вроде дом хотите ставить?
– Да как видите, для вас.
Видел он дела народа,
Сам старуху убеждал,
Но такого оборота,
Чтобы сразу – дом! – не ждал.

– Да, Тарас Кузьмич, примите
С благодарностью от нас...
Нету времени на митинг.
Приступаем в добрый час.

Написана поэма с юмором, добрым и простодушным языком. Ее герой – простой русский человек. Он общительный и жизнерадостный человек. В образе главного героя раскрываются глубокие национальные традиции русского народа. Он легко находит общий язык с жителями хутора, с уважением относится к своим землякам.

В 1954 году в Воронеже Григорий Рыжманов издает свой послевоенный сборник «Стихи и поэмы».

В предисловии к книге «Мастеренок», выпущенной в 1962 году, есть такие слова: «Прочитав эту книжку, вы узнаете, как Левка в поединке с бывшим верховодом двора – лентяем и озорником Толей Зотовым, вышел победителем, как он помог ребятам стать дружными и умелыми». Поэтический рассказ, несомненно, находится под влиянием Александра Твардовского, так как написан размером «Василия Теркина». Приведу отрывок:

«Ливень солнечного света
Всем веселья придает,
А по радио: «Ракета
Приготовлена в полет!»
Тут еще дружней и громче
Зашумела детвора,
Окружив ракетодромчик,
Где стояли мастера...
Распустила в небе красный
Парашютик безотказный
И, сверкая, как игла,
На снижение пошла.
– Точно выполнили, ловко! –
Восхищенно крикнул Левка.
И добавил: – Это что!
Создадим еще не то!
Да, уж это несомненно!
Ведь недаром с юных лет

Тренируют вдохновенно
Ум и руки – для побед».

В 1957 году был возобновлен выпуск альманаха «Литературный Воронеж» под новым названием «Подъем». В редакции журнала приняли активное участие: Григорий Рыжманов, Гавриил Троепольский, Ольга Кретова, Петр Прудковский. Жили все они в одном доме и подъезде на улице Чайковского.

В 1968 году выходит сборник стихов «Лепта». История издания данной книги примечательна. Когда рукопись была представлена к изданию, воронежский поэт Владимир Григорьевич Гордейчев покритиковал Григория Рыжманова: «Не хватало в ней некой малости, необходимой для завершения работы с книжкой. «Малость» эта могла быть действительно небольшой: дюжиной стихов с красками яркими и живыми. В рукописи преобладали стихи безгрешно-благопристойные, риторические». После критики, как писал в предисловии к книге Владимир Гордейчев, «Григорий Никандрович в замешательстве поколебался. После некоторой дискуссии на стол легла старинная папка с бельевыми тесемками. Рыжманов еще продолжал проводить доводы в свое оправдание: «Это же – неотобранное, это же самое начало!» – когда я развязал папку с газетными вырезками, потаенный архив поэта». Стихи, написанные Рыжмановым в молодости, поразили Владимира Гордейчева: «... я с увлечением обнаружил их неповторяемость, непохожесть друг на друга», именно они и вошли в новый сборник стихов «Лепта».

В поисках книг Григория Рыжманова мне пришлось обратиться в Богучарскую районную библиотеку. К большому сожалению, в картотеке таких книг не нашлось. Только в библиотеках Богучарской детской и с. Луговое сохранились книги «Лепта» и «Мастерок». Мне удалось побеседовать с Ткачевым Игорем Викторовичем – директором Богучарской средней школы №2.

Игорь Викторович рассказал мне интересную историю о своем деде Иване Стефановиче, который в детстве жил с Григорием Никандровичем в хуторе Дядин по соседству. Ткачев Иван Стефанович был женат на Рыжмановой Варваре Лукьяновне, отец которой в свою очередь доводился двоюродным братом Григорию.

Как рассказывал Ткачев Виктор Иванович: «Когда его отец Иван Стефанович учился в Воронежском сельскохозяйственном институ-

те, то «квартировался» у Григория Рыжманова на улице Чайковского, дом №8, квартира 52. Потом и я уже в 1980 году, учась на курсах газетчиков, тоже проживал у Григория Никандровича».

Виктор Иванович Ткачев рассказал мне очень интересную историю о Рыжманове, которая характеризовала его как человека скромного, трудолюбивого и порядочного. «Григорий пользовался у жильцов дома №8 уважением. К нему часто обращались за помощью по ремонту мебели, дверных замков. Как-то ранней весной он начал убирать территорию двора, за ним пошли остальные, получился хороший субботник. В знак уважения к писателю, управдом, обойдя жильцов дома, собрал деньги и купил Рыжманову новый костюм. От подарка Григорий категорически отказался, тогда управдом повесил костюм в прихожей и ушел.

– Как это так отдали такие деньги за костюм, – возмутился Григорий, – как так можно.

На следующий день Рыжманов, взяв костюм, направился к управдому. Войдя в кабинет, молча, положил костюм на стол и ушел».

У Григория Никандровича всегда было много друзей-писателей. Часто заходили поэт Владимир Гордейчев и писатель Гавриил Троепольский.

Виктор Ткачев вспоминал: «Гавриил Троепольский всегда интересовался, как там жизнь в деревне. Однажды даже попал к ним на поминки. Рыжманов и Троепольский похоронили собаку по имени Бим. У меня сохранились книги Григория Рыжманова с дарственными надписями, которые он бережно хранил все эти годы. Одна из них называется «Мастерок».

Интересный рассказ мне удалось записать еще у Хусточкина Якова Михайловича, который с 1964 по 1969 годы жил у Григория Рыжманова, когда учился в СХИ: «Дядю Гришу помню только добрым словом. Когда я поселился, он сразу мне отдал ключи от квартиры, показал, где лежат деньги, и сказал:

– Если нужны будут деньги, бери, только оставь записку, сколько взял. А ключ от квартиры пусть будет у тебя, чтобы всегда мог войти.

К 70-летию рождения В.И. Ленина он написал 70 стихотворений и хотел их издать, но так и не получилось. В квартире у дяди Гриши была богатая библиотека, которой мы, студенты, пользовались. Очень добрый и порядочный человек. Однажды Гавриил Троепольский, приехавший из заграничной поездки, был на Кубе, принес подарки

Григорию Никандровичу. Мне он тоже подарил янтарный мундштук и фломастеры на 12 цветов».

В своей книге «Визит к Евтерпе», изданной в 2011 году, Александр Георгиевич Лисняк пишет: «В 1985 году умер старейшина воронежской поэзии Григорий Рыжманов. Жили мы в одном дворе угловых домов улиц Студенческая и Чайковского. В одном подъезде с Рыжмановым проживали его ровесники-писатели. Вставить замок или глазок, починить мебель, окно, дверь – за всем этим писатели шли к Рыжманову».

Надо сказать, что в педтехникуме, где в 20-х годах обучался Григорий Никадрович Рыжманов, была отличная столярка, где будущие учителя под руководством учителя-краснодеревщика Лобасова Романа Ильича изучали столярное дело. Навыки и умения столярного дела, полученные в молодости, очень пригодились в дальнейшей жизни.

А.Г. Лисняк вспоминал о Рыжманове: «Как-то разговорились, я от всего своего искреннего максимализма и спроси, дескать, не надоело время тратить на столярку, писать нужно бессмертные строки... Я Вам, Саша, скажу не юля – пусть будут прокляты, кто толкнул меня на эту дорожку, кто сказал мне, что я поэт. А вот какого я убил краснодеревщика, знаем я и Господь. Тут, как говорится, пенять не на кого, хотя я думаю, ведь зачем-то в свое время понадобилось сказать Рыжманову, что он поэт. Да и стихи у него были хорошие даже без сравнения с нынешними авторами. А вот не поведать читателю о неумейной страсти власти, стремления к вечности по головам истории и здравому смыслу, я не имею права, тем более, этот случай очень показателен».

«ДОВЕРИЕМ НАРОДА ОБЛЕЧЕННЫЕ»

Не секрет, что учреждение Государственной думы в России явилось как «кровавое воскресенье» января 1905 года, так и неудачи русско-японской войны 1904–1905 гг., раскрывшей все недостатки бюрократического управления страной.

В рескрипте 18 февраля 1905 года царь Николай II пообещал «отныне привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». И уже 11 декабря 1905 года появился Манифест о дополнительных правилах о выборах, понизивший имущественный избирательный ценз и предоставивший избирательные права чиновникам и рабочим. Для участия в выборах по землевладельческой курии устанавливался земельный ценз – владение от 100 до 650 десятин земли в зависимости от местности, и имущественный ценз – наличие недвижимой собственности на сумму не менее 15 тысяч рублей. Именно благодаря этому цензу во II Государственную Думу был избран от Богучарского уезда Алексей Елисеевич Однокозов. По происхождению он крестьянин. Родился в 1859 году в Залимановской волости, где и окончил сельскую школу. Занимался хлебопашеством, торговал скотом и другой сельскохозяйственной продукцией. В своей волости пользовался авторитетом, за что жители выбрали его волостным старшиной. Восьмого февраля 1902 года избран во II Государственную думу от общего состава выборщиков Воронежского губернского избирательного собрания. Входил в Конституционно-демократическую фракцию. В работе думских комиссий не участвовал, с думской трибуны не выступал.

Однако II Государственная дума проработала лишь с 20 февраля по 2 июня 1907 года – всего одну сессию. А 1 июня 1907 г. премьер-министр П.А. Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи. Дума была распущена. Дальнейшая судьба А.Е. Однокозова неизвестна.

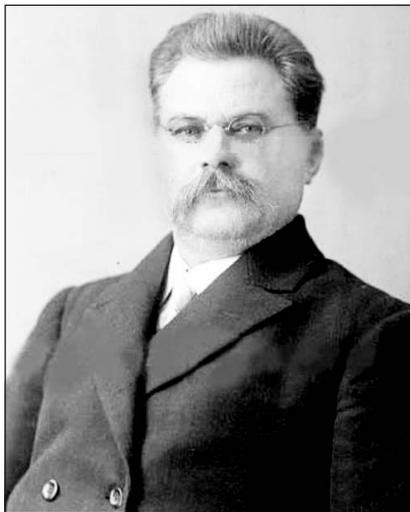
Уже осенью 1907 года прошли выборы в III Государственную думу. От Воронежской губернии было избрано 11 депутатов. Среди них один богучарский. Это Алексей Иванович Урсул. Его отец, подполковник Иван Яковлевич Урсул, являлся почетным мировым судьей с 1872 года, награжден орденом Святой Анны за участие в Русско-турецкой войне в 1853–56 годах. Алексей Иванович родился

в 1850 году, и тоже был участником Русско-турецкой войны, но уже в 1877–78 годах. Ряд лет являлся председателем губернской земской управы, старейшим губернским гласным.

Дом помещика А.И. Урсула и сейчас сохранился. Это участковая больница, расположенная в селе Старо–Меловая. Семейство Урсулов владело несколькими тысячами гектаров плодородной земли и лесного массива. Отставной гвардии поручик А.И. Урсул и его жена имели личные автомобили, а в хозяйстве свой трактор. Во Второй Государственной думе Алексей Иванович входил во фракцию октябристов. Это была праволиберальная политическая партия чиновников, помещиков и крупной торговой промышленной буржуазии России, крупнейшая в Думе.

III Государственная дума, единственная из четырёх, проработала весь положенный по закону о выборах пятилетний срок – с ноября 1907 года по июнь 1912 года. Однако А.И. Урсул не смог доработать в Думе до конца, так как в 1910 году умер.

В IV Государственную думу Воронежским губернским избирательным собранием от II съезда городских избирателей 21 октября 1912 года от Богучарского уезда избрали учителя Михаила Степановича Акалелова.

Депутат IV-ой Государственной думы от Богучарского уезда учитель Михаил Степанович Акалелов.

По происхождению он мещанин. Родился в Богучаре 30 октября 1868 года. Окончил местное городское училище и получил звание городского – приходского учителя. Имел и звание «Личный почетный гражданин». С 1885 года по 1899 год преподавал в Богучарском городском народном училище, а с 1899 года по 1912 год служил секретарем городской управы с годовым жалованием в 900 рублей. Михаил Алексеевич состоял членом Попечительского совета Богучарской женской гимназии имени Петра I, а также был делопроизводителем здешнего

суда. В Государственной думе являлся членом фракции «Союз 17 октября», а затем, после её раскола, вошел во фракцию земцев-октябристов. Входил в так называемый Прогрессивный блок. Член нескольких комиссий, в том числе: по исполнению государственной росписи доходов, по народному образованию, по рыболовству, по городским делам.

26 апреля 1917 года он был направлен Временным комитетом Государственной думы в село Ширяево Воронежской губернии для разрешения земельного конфликта между местными крестьянами и сельскохозяйственной школой. В июне 1917 года выехал в Богучар для лечения. Дальнейшая судьба М.С. Акалелова не известна.

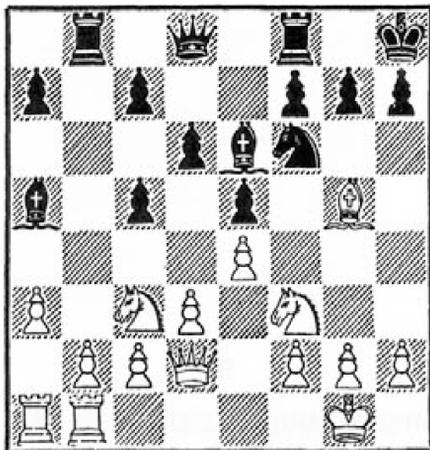
ПАРТИЯ ПРОВЕДЕНА С БОЛЬШИМ ПОДЪЕМОМ

Как-то известный воронежский историк спорта и доцент ВГИФК Владимир Фелов поинтересовался: «А есть ли у вас хоть какие-нибудь сведения об известном богучарском шахматисте Николае Калинском?». Честно говоря, я был удивлен. Сам играю в шахматы давно, читаю специальную литературу, но слышал эту фамилию впервые. Владимир Михайлович рассказал мне вкратце его историю жизни и передал часть своих публикаций о нём. Поработав с архивными материалами XIX века, метрическими книгами и «Журналами Богучарского земского собрания» удалось установить, что отец Николая, Евграф Венедиктович Калинский – коллежский ассессор, потомственный дворянин, служил уездным казначеем с 1856 год по 1861 год. В его семье росло трое детей: Александр, Николай (родился 2(14) марта 1862 года) и Еликанида. Все они получили хорошее образование. Александр и Николай окончили Богучарское александровское училище, а затем Московский университет. Сестра Еликанида прошла курс наук в женской прогимназии. А после в 1874 году поступила туда учителем музыки. Александр работал в Богучаре уездным врачом, а позже доктором в Александровском училище. В 1876 году был предводителем дворянства и городским головой. Юридический факультет Московского университета дал возможность Николаю Евграфовичу Калинскому с 1892 года по 1903 год быть судебным следователем и товарищем прокурора в Новохоперском уезде. В семье царил культ шахмат. В доме Калинских появилось одно из первых дебютно-теоретических руководств по шахматам «Хандбук дес Шахшпильс» П. Бильгера. Отец и сыновья часто засиживались за шахматами. Лучше всех играл Николай. Постепенно он увлекся игрой по переписке и уже в 90-е годы XIX века стал одним из сильнейших шахматистов России.

В 1899 году Николай Калинский как представитель Новохоперска Воронежской губернии стал участником Первого Всероссийского шахматного турнира, проходившего со 2 по 19 сентября в Москве. Проиграв пять партий, он вынужден был из-за службы покинуть турнир, не доиграв еще восемь партий. Во Втором Всероссийском турнире 1900-1901 годов, проходившем с 26 декабря по 14 января в Москве, Николай Евграфович участия принять не смог. Наибольших успехов Н.Е. Калинский достиг в сентябре 1903 года на Третьем Все-

российском турнире, который состоялся в Киеве. К сожалению, это был единственный турнир, который ему удалось закончить. Отсутствии турнирного опыта и дела на службе не позволили ему достичь хороших результатов. Но вместе с тем он дал несколько превосходных партий, «произведенных с большим подъемом». После 16 игр в турнире двое шахматистов имели одинаковое количество очков. Это были Михаил Чигорин и Осип Бернштейн. Решалась судьба первого места.

Достаточно сказать, что Михаил Чигорин перед этим выиграл и первый и второй Всероссийские турниры и уже дважды в 1889 и 1892 году играл матчи на первенство мира против Стейница. Все это говорило о высоком уровне шахматиста. Осип Бернштейн при этом в личной встрече обыграл Михаила Чигорина и очень рассчитывал стать чемпионом России. Осипу Бернштейну предстояло в последнем туре играть с Николаем Калинским. Мне удалось разыскать эту знаменитую партию в книге П.А. Романовского «Романтизм в шахматном искусстве». Николаю в этой партии достались белые. Шахматисты разыграли дебют итальянской партии.

После тринадцатого хода сложилась такая позиция: 14. b2-b4! (Остроумное нападение) 14. ...c5:b4 15. Кс3 - d5 Се6:d5 16. е4:d5 h7 - h6 17. Сg5:f6 Фd8:f6 18. а3:b4 Са5 - b6. (Белые добились превосходной позиции).19. Лb-e1 g7-g5 20. Ле1-e4 Фf6-g6 21. Ле4-e2 Лb8e8 22. c2-c4 e5-e4? (Этот ход ошибочен) 23. d3:e4 g5-g4 24. Фd2-c3+ Фg6-g7 25. Фс3:g7+ Крh8:g7 26. Кf3-h4. У белых не только лишняя пешка, но и атака. 26...f7-f5 27. Ла1-c1 Сb6-d4 28. Лс1-d1 Cd4-f6 29. Kh4:f5+

Крg7-g6 30. f2-f3 g4:f3 31. g2:f3 Крg6-g5 32. Ле2-g2+ Крg5-f4 33. Крg1-f2 Ле8-b8 34. Лg2-g4+ Крf4-e5 35. f3-f4+ Крe5:e4 36. Кf5-g3X.(Мат).

Обыграв будущего гроссмейстера О. Бернштейна, который боролся с М. Чигориным за первое место и отстал от победителя только на очко, Николай Калинский лишил его возможности стать чемпионом.

ном России. В итоге Калинин набрал 7,5 очка и занял 14-е место из 19 участников. После турнира ему была присвоена первая категория, кстати, первому в Воронежской губернии. (Сейчас она приравнивается к мастеру. – Е.Р.).

С 1904 года по 1917 год Николай Калинин – член прокурорского надзора Воронежского окружного суда в чине статского советника и одновременно с 1906 по 1917 год являлся учителем законоведения Воронежского реального училища. В Воронеже он был авторитетным шахматистом. С 1913 года по 1917 год – организатором и председателем комитета Воронежского шахматного союза. Продолжал много играть в шахматы по переписке. Дальнейшая же судьба Николая Евграфовича Калининского, к сожалению, не известна. Хотя, как утверждает Владимир Фефелов, «видимо, он был репрессирован в 20-х годах и погиб».

P.S. В архивах Министерства обороны мне удалось разыскать документы о родственниках Николая Калининского, и установить, что в 1907 году у Николая Евграфовича родился сын, которого назвали Ефграфом, а в 1908 сын Николай. Оба сына стали участниками Великой Отечественной войны. Ефграф Калининский проживал в Воронеже по улице Новомосковская дом 3, квартира 30. Без вести пропал в 1943 году. После войны его разыскивала жена Горожанкина Анисия Ивановна, проживавшая в Коминтерновском районе на улице 10-летия Октября в дома 4 квартира 22. А старший лейтенант Николай Николаевич был награжден в 1944 году медалью «За отвагу», а в 1945 году орденом «Красная Звезда».

ОН ОТКАЗАЛСЯ УБИВАТЬ ТРОЦКОГО

В период создания школьного музея в селе Полтавка мы с ребятами вели активную переписку с участниками Гражданской войны, собирали фотографии, литературу, воспоминания. Завязалась переписка и с Михаилом Булавиным, известным воронежским писателем. Он пригласил меня в гости, подарил свою книгу «Богучарцы» с автографом. Тогда же сообщил несколько адресов участников Гражданской войны. Булавин рассказал и о том, что есть еще одна книга под названием «Богучарцы», написанная коллективом авторов в 1933 году (она переиздавалась в 1935 году, но впоследствии весь тираж был уничтожен. – Е.Р.), а один из авторов, Иван Яковлевич Врачев, живет в Москве. И дал его адрес. На этот адрес я отослал свой очерк, в котором попытался буквально по дням восстановить боевой путь 40-й Богучарской стрелковой дивизии. Вскоре получил ответ, так началась наша переписка.

Кто же он, Иван Врачев? Сын кочегара и прачки, профессиональный революционер, в 21 год стал военкомом 40-й Богучарской стрелковой дивизии, ярый «троцкист», открыто критиковал И.В. Сталина. Его подпись стоит на документе о принятии Декрета об образовании СССР в 1922 году. Потом – начальник политуправления Туркестанского фронта, одновременно редактор фронтовой газеты «Еженедельник политработника». Командующий Ферганской группой войск, начальник политуправления Отдельной Кавказской армии.

Исключен из партии решением XV съезда ВКП(б). И.Я. Врачев был необычайно смелым человеком. На одном из Пленумов ЦК он сказал: «Может быть, у нас осталось пять минут демократии...»

В 1929 году подал в ЦК ВКП(б) заявление о разрыве с оппозицией и просьбой восстановить в рядах партии. Был восстановлен кандидатом, а 17 января 1930 года решением ЦК ВКП(б) вновь стал членом партии. Через пять лет его снова исключили из партии и арестовали, а в 1937 году приговорили без суда к высылке. В 1938 году он отказался исполнить поручение НКВД СССР убить Льва Троцкого в Мексике. Трижды обращался с письмами к И.В. Сталину с просьбой отправить на фронт во время Великой Отечественной войны: не получив ответа, ушел в армию добровольцем. Рядовой – стрелок дослужился до старшины. Он всегда оставался патриотом своей Родины.

Вот с таким человеком у меня и завязалось общение.

В моем архиве сохранилось семь писем и несколько рукописей Ивана Яковлевича Врачева.

В одном из посланий он сообщал: «Благодарю вас за подарок – ваш очерк интересно написан на солидном научном уровне. Вы даже готовитесь к изданию книги о 40-й Богучарской дивизии? Хорошая инициатива. А какие у вас возможности, на сколько печатных листов планируется книга? Для меня это не праздный вопрос. Вы, Евгений Павлович, просите меня о воспоминаниях, а мне не надо их писать, потому что я давно написал монографию о Богучарской дивизии на сорок печатных листов, имею о своей работе положительные отзывы историков. Кроме того, у меня есть статьи и очерки. Кстати, я начну присылать их в музей. А есть ли у вас возможности перепечатать их на машинке? Не собираетесь ли вы в Москву? Хотелось бы встретиться. Если возможно, пришлите мне еще один экземпляр своего очерка. Всего доброго. 16/ I.82. И. Врачев».

Сразу после открытия школьного музея в 1984 году И.Я. Врачев прислал письмо: «Благодарю вас и членов совета музея за присланную газету со статьей о школьном начинании и приглашение на открытие музея. Очень тронут знаками внимания. Искренне приветствую юных краеведов и особенно инициаторов столь важного дела – Валю Червонную, Олю Золотореву, Нину Прядкину, участвовавших в первых поисках. Для возможного пополнения фондов музея посылаю следующие материалы.... 4 апреля 1984 года. И. Врачев».

Перечисляя вехи из биографии Ивана Яковлевича Врачева, я не упомянул ещё об одной. Когда в 1949-м, уже в третий раз в своей жизни он обратился к Иосифу Виссарионовичу Сталину о своем восстановлении в рядах партии, то его арестовали как бывшего троцкиста. Постановлением ОСО при МГБ СССР в 1950 году приговорили к 25 годам ИТЛ в лагере строгого режима на Крайнем Севере. А через шесть лет решением Комиссии Президиума Верховного Совета СССР он был освобожден со снятием судимостей, а его дело прекращено «за отсутствием состава преступления». На заявление о восстановлении в рядах КПСС ему было снова отказано.

В 1967 году в богучарской газете начали печатать статьи Ивана Врачева «Странички из дневника» по материалам книги «Богучарцы», той самой, изданной в 1933 году. После нескольких публикаций редактора «приструнили» сотрудники соответствующих органов. Печатать статьи И.Я. Врачева прекратили. И только в 1989-м, а затем

Военком 40-й Богучарской стрелковой дивизии
Иван Яковлевич Врачев.

и в 1990 году в нескольких номерах районной газеты «Сельская новь» снова появились воспоминания Ивана Врачева: «В самом начале» и «Я был сторонником Троцкого». Но то уже была другая страна, и другое время.

Переписка с легендарным военным комиссаром 40-й Богучарской стрелковой дивизии продолжалась довольно долго. В 1990 году Ивану Врачеву я послал очерк «Если сопоставить факты», опубликованный в газете «Сельская новь». В материале была предпринята попытка опровергнуть утверждение Александра Солженицына на тот счёт, что в конце 1917-го и начале 1918 годов революционные трибуналы в глухих местах устроили красный террор.

Рассказывая о событиях тех лет в своем материале, я сообщал, что в Богучарском уезде власть практически сменилась бескровно. «И только начиная с 8 августа 1918 года, после приезда генерала П.Н. Краснова в Богучар, было арестовано и заключено в тюрьму более 300 человек. Каждую ночь белоказаки расстреливали и убивали в Богучарском яру по 15–20 человек... Только в августе было расстреляно 115 человек, 213 человек подвергнуто зверским истязаниям». У крестьян отобрали 1326 лошадей, 1043 рабочих вола, были уничтожены многие посевы. Людей закапывали заживо в землю. В центре города расстреляли 28 красноармейцев (центральная площадь города почти 60 лет носила название Павших стрелков. – Е.Р.) В расправах принимали участие донские казаки. В отместку в 1919 году именно богучарцы участвовали в подавлении Вешинского восстания, где уже «красный террор» оказался еще страшнее.

Иван Яковлевич не участвовал в подавлении восстания, так как возглавил дивизию в качестве военного комиссара 5 ноября 1919 года,

но в Богучаре бывал и хорошо помнил те события. В своем письме он положительно отозвался о моем очерке.

В другом послании, в феврале 1987 года, он писал: «Отрадно, что вы и ваш коллектив проводите большую работу. О П.С. Грживо-Домбровском (П.С. Грживо-Домбровский⁶⁶ с 17 августа 1919 года по 3 апреля 1920 года начдив 40-й Богучарской стрелковой дивизии. – Е.Р.) и у меня нет ничего. Знаю только, что по окончании Гражданской войны он жил в Калуге, был начальником военного училища. Относительно письма В.А. Васильева (военный комиссар Богучарского уезда В.А. Васильев в мае 1921 года написал письмо В.И. Ленину. В письме он сообщил, «что часть участников мятежа против Советской власти, вспыхнувшего в ноябре 1920 года в Богучарском уезде, уцелела и организовала бандитскую шайку, которая совершает убийства партийных и советских работников») ничем помочь не могу. Вы переоцениваете мои возможности и доступа в Институт марксизма-ленинизма я не имею. Ваш очерк интересен.

У меня гостил Евгений Иванович Габелко, он член ученого совета Воронежского краеведческого музея, сегодня передам ему ваш очерк для музея. Когда немного поразгрузюсь, постараюсь чем-нибудь пополнить ваш музей. С приветом и пожеланиями успехов в вашем благородном деле. И. Врачев». В одном из своих писем он пообещал прислать воспоминания о В.И. Ленине, с которым беседовал в те далекие годы, но так и не прислал.

⁶⁶ Офицер 9-го пех. Ингерманландского полка. На 25.01.1914 Штабс - Капитан того же полка. Капитан (пр. 25.01.1914; ст. 14.03.1911). Участник мировой войны. На 24.05.1915, 18.06.1915, 19.11.1915 в том же чине и полку. Подполковник (пр. 18.06.1915; ст. 07.10.1914; за отличия в делах...). Полковник (пр. 19.11.1915; ст. 19.03.1915; за отличия в делах...). Командир 398-го пех. Нижнеднепровского полка (с 01.04.1916). На 01.08.1916 в том же чине (ст. 19.03.1914) и должности. Во время гражданской войны служил в РККА. Начдив 40 (17.08.1919-03.04.1920). Участвовал с дивизией в боях в составе 8-й армии Юж. фронта. Награды: ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (ВП 24.05.1915); мечи к ордену Св. Станислава 2-й ст. (ВП 24.05.1915); Св. Георгия 4-й ст. (ВП 02.06.1916); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ВП 14.07.1916); Георгиевское оружие (ВП 04.08.1916). В списках репрессированных значится Петр Станиславович Грживо-Домбровский 1874 г.р., проживавший в Калуге, столляр, осужденный в 1941 тройкой при УН-КВД Смоленской обл. по ст. 58-10 УК РСФСР к 7-ми гг. лишения свободы. Источник: Русский Инвалид, - СПб, №139, 1915 г.

...Только в 1989 году увидела свет книга «Богучарцы», издали мы сборник в Богучаре, рецензировал его и рекомендовал в печать кандидат исторических наук В.М. Фефелов, научным редактором был Е.И. Габелко. Неоценимую помощь оказал нам и Иван Яковлевич Врачев.

В годы перестройки о И.Я. Врачеве много писала столичная и мировая пресса, а знаменитая английская актриса Ванесса Редгрейв как «советскую диковинку» возила его в Англию, Испанию, Грецию.

Приезжал И.Я. Врачев и в Воронеж, гостил у Евгения Ивановича Габелко. Впоследствии дал интервью газете «Коммуна», в которой когда – то был членом редколлегии, напечатал кое – что из своих воспоминаний на её страницах. В 1997 году переписка с Иваном Врачевым прекратилась, он умер, не дожив год до своего столетия.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ ПЕТРА АГАФОНОВА

Так сложилось, что Богучарский уезд был самым многочисленным по населению в Воронежской губернии, поэтому во время Первой мировой войны из его жителей был сформирован 234-й полк, который получил название Богучарский. Вместе с ним в состав 59-й стрелковой дивизии вошли 233-й Старобельский, 235-й Белебеевский и 236-й Борисоглебский пехотные полки, а также 59-я артиллерийская бригада. Начальником дивизии с 19 июня 1914 года был назначен генерал-майор Александр Семенович Оглоблев. Надо сказать, что 59-я пехотная дивизия первый год войны провела в гарнизоне Новогеоргиевской крепости. В середине июля 1914 года на Никольской площади Богучара было многолюдно. Здесь собрались новобранцы со всего уезда. Началась война, шла всеобщая мобилизация. Провожали на фронт и Петра Агафонова – отец Калина Лупанович, мать Ефимия Петровна, младший брат Карп. Расставание оказалось недолгим. Новобранцев Дьяченковской, Монастырщинской, Подколодновской, Бычковской, Шуриновской и Красноженовской волостей определили в одну команду. К середине дня длинная вер-

Сидит крайний справа Петр Калинович Агафонов.

ница на подводах и пешим ходом направилась на железнодорожную станцию в Кантемировку, а оттуда к месту формирования. За два года на фронте Петр Калинович познал все тяготы и лишения окопной жизни. Боевое крещение солдат Агафонов получил 30 августа 1915 года в Виленском сражении, которое продолжалось почти до конца сентября. Уже летом 1916 года, во время Брусиловского прорыва, 234-й полк, как рассказывают архивные документы, попал в немецкую «газовую атаку». За эти бои под Нарочью в марте 1916 года Петр получил Георгиевский крест 4-й степени, и тут же бойца направили в госпиталь. В том же году он вернулся в родное село и вскоре потерял зрение.

Георгиевскими крестами были награждены многие солдаты 234-го Богучарского полка, среди них – подпрапорщик Филипп Павлович Пахомов (награжден Георгиевскими медалями 4-й степени, 3-й степени, имеет Георгиевский крест 4-й, 3-й, 2-й и 1-й степеней), уроженец Павловского уезда, деревни Большая Гнилуша; егерь Степан Данилович Вишневский из Богучарского уезда, Твердохлебовской волости; ефрейтор Федор Иванович Галиев, уроженец Богучарского уезда, Залиманской волости; младший унтер-офицер Никита Осипович Сонов, из Богучарского уезда, Бычковской волости и многие другие.

Георгиевский крест в то время давал существенные льготы. Как рассказывала мне Евгения Ивановна Карташова из села Монастырщина, ее дед тоже имел Георгиевский крест. Раз в год Иван Карташов отправлялся на ярмарку в Богучар, где по предъявлении Георгиевского креста на сумму в 25 рублей набирал целый воз продуктов и подарков жене и детям.

В Суходонецком сельском Совете Богучарского района сохранились документы, согласно которым удалось установить, что отец Петра Агафопова – Калина Лупанович – был жестянщиком, этой профессии он обучал и сына. Будучи слепым, Пётр продолжал ремонтировать ведра, кастрюли и иную домашнюю утварь. В 1924 году он женился, и у них с женой появилось четверо детей.

Уже в 1982 году мне удалось встретиться с Петром Калиновичем. Жил он тогда в селе Белая горка. Приехал я к нему с его внуком Сергеем Агафоновым. Место на жительство, наверное, было выбрано им не случайно. Дом стоял на высоком берегу реки Дон, как говорят, на отшибе. От калитки тянулись веревочки по двору и в дом, на которых висели колокольчики. Как только мы открыли калитку, тут же в доме

зазвенел колокольчик. Из хаты вышел хозяин и зычно спросил: «Кто это там?» Нас встретил высокий, ещё крепкий и статный пожилой мужчина лет восьмидесяти. Красивое лицо с правильными чертами, словно копия древнегреческого бюста: выразительный рот, высокий, сливающийся с линией носа большой лоб. Белая воздушная борода, седые волосы. Что особенно бросилось в глаза – так это ухоженный двор. Хата свежeweыбеленная, крыта камышом, на белом фоне стен ярко чернели ставни. Внук представил нас, и мы прошли в дом. В двух комнатах с земляными полами стоял запах полыни, свежeweыпеченного хлеба и тыквенных семечек. В прихожей – стол и три стула, в углу – русская печь, в спальне у кровати на полу лежали разноцветные домотканые половицы, большая скрыня, сундук, в углу висело много икон. Обычная обстановка русского дома.

Мы долго беседовали с хозяином и его женой Феней. Немногословный, строгий с виду, но чуткий и сердечный, он угостил нас хлебом и козьим молоком. Уже позже Сергей Агафонов рассказал мне интересную историю о деде. «В начале 20-х годов в его дом поздно вечером постучались двое мужчин и попросились переночевать. Незрячий Петр Калинович обладал идеальным слухом, и когда постояльцы шептались во дворе между собой, он понял, что они беглые бандиты. Он потребовал, чтобы они ушли, но постояльцы кинулись в драку, тогда вместе с женой он связал преступников. Связанными бандиты лежали всю ночь. Рано утром, погрузив их на тележку на двух колесах, отвез в сельский совет. Все в селе удивлялись мужеству Петра Агафонова, который вез двух здоровых мужиков по улице».

Вообще, вместе с женой они были, как говорят, набожными людьми. Постоянно ходили по станицам Ростовской области, посещали храмы, собирали пожертвования малоимущим. Однажды они зашли и в станицу Вешенскую к писателю Михаилу Шолохову. Тот принял их, накормил, а Петру Калиновичу подарил кожаное полупальто. В семейном альбоме его сына Дмитрия Агафонова сохранилось фото, на котором Петр сидит в той самой кожанке, а на груди у него Георгиевский крест. Петр Калинович Агафонов ушел из жизни в 91 год и похоронен в родном селе.

ВСЛЕД ЗА БОГУЧАРСКИМ ПОЛКОМ

Совсем недавно в Интернете, на одном из форумов, был выставлен на продажу Георгиевский крест 4-й степени за № 795142 старшего унтер-офицера 234-го Богучарского полка Самсона Григорьевича Борового, которым он был награжден «за проявленное мужество в боях с неприятелем» 6 января 1916 года. Оценили крест в 10500 рублей. Сам собой напрашивается вопрос: «Почем отечественная история?» Конечно, это высшей степени кощунство, когда продаются военные награды, ведь за ними – героизм и подвиги, кровь и страдания наших соотечественников. Вот и возникло у меня желание пройти фронтовыми дорогами Богучарского полка и рассказать о его бойцах.

Все воинские части, которые перед Первой мировой дислоцировались в Воронежской губернии, в 1914 году отправились на фронт. Оставались лишь небольшие подразделения для полков второй очереди. Вскоре из них в Воронеже сформировали 233-й Старобельский и 234-й Богучарский пехотные полки, которые отправились в район Варшавы и вошли в состав Первой бригады 59-й пехотной дивизии. 234-й пехотный Богучарский полк получил знамя образца 1857 года 3-го батальона 26-го пехотного Могилевского полка, который в то время находился в Воронеже. На знамени золотым шитьем был вышит светло-синий крест. А 24 января 1916 года знамя оправили светло-синей каймой. В его верхней части изображалась икона Спаса Нерукотворного.

В августе 1914 года Богучарский пехотный полк вошел в состав формируемой 9-й армии Северо-Западного фронта. В сентябре включен в формируемую 10-ю армию все того же Северо-Западного фронта. В начале октября полк прибыл в гарнизон крепости Гродна, а 30 апреля 1915-го его включили в формируемый 36-й армейский корпус Северо-Западного фронта. На 1 января 1916 года он входил в 1-й армейский корпус 2-й армии Западного фронта, в составе которого участвовал в Нарочской операции.

Исторические источники сообщают, что «59-я пехотная дивизия ничем себя не проявила, проведя первый год войны в гарнизоне Новогеоргиевска», участвовала в Виленских боях и Нарочском наступлении. При этом выводы делаются на основе того, что всего два офицера дивизии были награждены Георгиевскими крестами. Это далеко не так.

1914 год. Проводы на I-ю мировую войну на площади Никольской в городе Богучар.

Достаточно сказать, что Виленская операция 1915 года, в которой участвовал и Богучарский пехотный полк, хотя и являлась оборонительной операцией в районе города Вильно (Вильнюс), но в результате ее была взята крепость Ковно (Каунас). Удержав район города Вильно, русские войска во встречных боях, продолжавшихся до начала сентября, нанесли противнику большой урон. Немцы же так и не смогли прорвать русскую оборону.

18 марта 1916 года 59-я пехотная дивизия приняла активное участие в Нарочском наступлении.

Вот что рассказывает в своей книге «Нарочская операция в марте 1916 г.» Н.Е. Подорожный: «На правом фланге корпуса 233-й и 234-й полки в 12 часов перешли в атаку, в 13 час. 50 мин. преодолели проволочные заграждения противника и заняли часть опушки леса на участке Медзины, Антоны и поперечную просеку № 8. Дальнейшее продвижение было остановлено сильным фланговым огнем противника. Около 17 часов со стороны м. Годутишки, с фронта Ракетишки, Суботишки, было замечено движение пехоты и артиллерийских запряжек противника на восток. В сумерки было обнаружено накопление германцев по всему фронту участка; в 21 час противник

Георгиевский крест 4 степени за № 795142, старшего унтер-офицера 234-го Богучарского полка Борового Самсона Григорьевича

перными войсками не для русских, а против русских. Хорошие окопы! Накатник здоровый, блиндажи, что тебе надо! Рельсы, бревна, земля толстым слоем на блиндажах. Только бойницы обращены против русских. Тут измена была. Мы в эти окопы не пошли, отступили саженей на 500 и сделали свои окопы. На четвертые сутки в ночь немцы выбили нас из этих окопов, и мы побежали еще шибче, чем тогда. Прибежали в местечко Радунь часам к одиннадцати утра. Здесь для нас были устроены простые окопы.

Держались под Радунью три дня. Германец сделал канонаду. Ох, и канонада! Никогда он так не бил по нас. Ясный день был, а стал точно вечер темный. Тут и снаряды рвутся, тут и песок летит, и сено, и солома горят, вся деревня горит. И простые снаряды, и зажигательные летят. Крик, вой. Вот тут-то нам жара и была. Осталось нас 13 человек от всего полка. Я в это время был фельдфебелем.

Отступили из Радунь на Бельск. Подходим к Бельску. Встречает нас генерал Оглобля со своей свитой. Мы идем. Впереди командир полка со знаменем, командир батальона, три ротных командира, два

пытался переходить здесь в контрнаступление, но был отбит. В итоге дня корпус понес потери: а) в 22-й пехотной дивизии – 49 офицеров и 5547 солдат, б) в 59-й пехотной дивизии – 1 офицер и 89 солдат».

А вот как вспоминает об этом один из участников тех боев младший унтер-офицер 234-го Богучарского полка И.Р.Носов:

«Я был ранен и переведен в Богучарский полк. Оттуда нас погнали под Осовец. Оглобля (с 19.07.1914 по 24.06.1917 генерал-майор Оглоблев Александр Семенович – Е.Р.) сказал командиру полка:

– Окопы для вас там готовы. Инженерные войска делали. Не разбить германцу.

Разыскали мы эти окопы. Они, оказалось, были сделаны нашими саперными войсками не для русских, а против русских. Хорошие окопы!

фельдфебеля, семь унтер – офицеров. Рядовых в полку – ни одного...

Генерал командует своей свите:

– Смирно! Равнение на знамя!

Командир полка командует нам:

– Смирно, господа офицеры!

Генерал спрашивает:

– Какой полк идет?

– Богучарский, ваше превосходительство!

– Знамя цело?

– Цело, ваше превосходительство!

– Командир полка жив?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Командиры батальонов целы?

– Трое без вести, один цел.

– Ротные командиры?

– Трое осталось, ваше превосходительство!

– А рядовых?

– Рядовых ни одного, ваше превосходительство!

– Ну, этой сволочи найдется!

Под деревней Боровички я был ранен в глаз, и мне оторвало палец. Попал в госпиталь в Витебске».

К концу 1916 года весь кадровый офицерский состав Богучарского полка погиб. Командирами рот стали прапорщики.

Многие воины 234-й пехотного Богучарского полка отмечены георгиевскими наградами, среди них – капитан Александр Ефимович Гудиш, штабс-капитан Владимир Оскарович Якобсон, подпрапорщик Филипп Павлович Пахомов, младший унтер-офицер Иван Максимович Хвостиков, поручик Тимофей Михайлович Кончаков и другие.

Поручик Богучарского полка
Кончаков Тимофей Михайлович.

Отдельно хочется сказать о поручике Богучарского полка Тимофее Михайловиче Кончакове. К 1916 году он имел Георгиевские кресты 4-й, 3-й, 2-й степени, не хватало лишь 1-й степени до полного Георгиевского кавалера. Тимофей Михайлович родился в селе Елань-Колено Новохоперского уезда, был грамотным, знал несколько языков, писал стихи. После Первой мировой войны участвовал в Гражданской войне, затем эмигрировал во Францию. В эмиграции жил в Париже, работал шофером. На собственные средства издал сборники стихов: «Шоферские песни» (1935), «Из крестьянской жизни» (1936), «Ей» (1938), «Письма родным, друзьям, знакомым» (1938), «Старина, сказка, небыль» (1945).

Его внучка Вера Андреевна Цыганова вспоминала: «Тимофей очень тосковал по Родине и присылал моей маме открытки примерно до 1926 года, когда еще разрешалось писать письма.

... В одном из четверостиший в 1925 году он написал на фотографии своей дочери:

Итак, Аннет, исполнилось твое желанье,
Со мной ты во Франции была,
Но не понравилось тебе мое скитанье,
Вернулась ты, меня с собою не взяла.

С ФРОНТА ДА В ПЛЕН

В 1983 году участнику, как тогда говорили, империалистической войны Якову Безуглову исполнилось 105 лет, и он всю жизнь занимался огородничеством.

«Моя Родина – СССР», – так называлась одна из пионерских акций, проводимых в Полтавской восьмилетней школе Богучарского района Воронежской области. Было это уже давно, в 1983 году. Тогда с пионерами и комсомольцами мы создали в школе музей, одна из экспозиций музея посвящалась нашим землякам, участникам Гражданской войны, бойцам 40-й Богучарской дивизии.

Поисковики отряда «Богучарец», в который входили Лимиревы Юра и Валя, Валя Червонная, Валя Прядкина, Золотаревы Юра и Оля, Вера Забудько и Татьяна Хандрымайлова, побывали в каждом доме Полтавки. Беседовали с жителями, записывали их воспоминания и пополняли фонды музея новыми экспонатами.

После Гражданской войны в селе на ту пору уже не осталось ее участников, и это понятно – минуло с того времени уже почти 65 лет. Но однажды на окраине села, которую здесь называют Кубанью, мы наткнулись на ветхую – прелехую хатку, в которой, по словам соседей, обитали старожилы, которым в ту пору было более 100 лет. Зашли во двор, отгороженный плетнем, и увидели старушку, перебивавшую лук для посадки.

- Здравствуйте, бабушка, а где хозяин? – спросил я.
- На огороде, сажает картошку, – ответила старушка.
- А сколько же ему лет?
- Да уж сто пять годков исполнилось....

Когда познакомились поближе, то узнали, что хозяйку звать Варвара, а ее мужа – Безуглов Яков Иванович.

С огорода к нам вышел высокий, широкоплечий и статный мужчина. Запомнилось, что у него были большие крупные натруженные руки. И сто пять лет ему никак не дашь.

Яков Иванович поведал занятную историю, которая глубоко задела у меня в памяти. И по сей день помню её в деталях.

А дело было так: из числа жителей села на Первую мировую ушло много его односельчан, среди них были Пётр Григорьевич Кучмин, Павел Кузьмич Лещенко, Данила Васильевич Воронков, Василий Иосифович Морозов и другие. Призвали и его, Безуглова Якова Ивановича.

Почти три года пришлось переносить все тяготы и невзгоды окопной жизни. 2 марта 1915 года он был сильно контужен, дослужился до младшего унтер-офицера. И вот пришёл долгожданный мир. Побросав винтовки, солдаты кинулись домой.

Со слов Якова Ивановича попробую восстановить картину.

«Не успели мы отойти от фронта, как попали в плен к немцам. Нас человек пять поместили в сарай. И мы ждали своей участи. Уже к вечеру обнаружили, что в земляном полу под плетеной из лозы и обмазанной глиной стеной можно сделать подкоп, что мы и осуществили ночью. Бежали почти всю ночь. К утру вышли на какой-то хутор, постучались в первую хату, на порог вышла красивая хозяйка лет сорока».

На время прерву рассказ и сообщу, что мальчишкам и девчонкам, которые прошли все село и не всегда слушали воспоминания ветеранов внимательно, на этот раз стало так интересно, что они повеселели и буквально ловили каждое слово участника Первой мировой войны. Продолжу. «Хозяйку звали Олеся. Черные толстые волосы, черные глаза и брови. Синяя блуза белым горохом, кружевной воротничок, темно-серая юбка. На стол она поставила нам щи. После солдатской похлебки из чечевицы, нам, изморенным голодом, они казались необыкновенно вкусными. У нее мы отдохнули и заночевали».

Меня, конечно, очень удивило то, что по прошествии такого большого времени солдат Первой мировой запомнил такие подробности о хозяйке, щах и даже как ее звали.

Однако Яков Иванович продолжил свой рассказ: «Рано утром мы снова тронулись в путь. Пройдя верст 20, повстречали конный отряд «красных». Так мы и попали в Красную Армию».

Из рассказа бывшего солдата Первой мировой узнали, что с красными он ходил в атаки под Царицыным. К сожалению, ни фотографий, ни каких-либо экспонатов мы тогда не принесли в школьный музей. Но сам рассказ ребят так вдохновил, что уже на следующий день трудовая бригада пришла к ветерану Гражданской войны и участнику Первой мировой и посадила ему огород.

Поиск продолжался. Однажды нам пришло письмо из Воронежа от кандидата исторических наук Евгения Ивановича Габелко. Он прислал копию архива Митрофана Андреевича Пархоменко. В нем находился и именной список красногвардейцев и красных партизан в Богучарском уезде по состоянию на 1 июля 1918 года. Именно благо-

даря ему нам удалось установить многих участников Гражданской и, как правило, Первой мировой войны.

В Богучарском краеведческом музее и сейчас хранятся многие биографии и снимки участников Первой мировой и Гражданской войн, переданные из школьного музея села Полтавка. На одной из фотографий наши земляки – солдаты 234-го Богучарского пехотного полка, уроженцы сел Дьяченково и Полтавка. Впоследствии на здании школы, построенном за год до начала Первой мировой, была открыта мемориальная доска в честь участников Гражданской и Первой мировой войны. На ней есть имена Петра Григорьевича Кучмина, Павла Кузьмича Лещенко, Данилы Васильевича Воронкова, Василия Иосифовича Морозова.

Вечная им память. В 2014 году исполнилось 100 лет, как началась Первая мировая война. Мы достойно увековечили память участников Великой Отечественной войны. И тут невольно задумываешься: а почему остались в забвении имена и события столетней давности?

Беседуя со многими жителями Богучарщины, как правило, на вопрос «А твои родственники участвовали в Первой мировой войне?» слышишь один и тот же ответ: «А я не знаю....»

«ГРЯНЕТ БЕДА РОКОВАЯ»

3 июня 1916 года в Воронеже вышел первый номер вестника «В дни войны». Как писали члены редколлегии, это был связующий печатный орган фронта и тыла. Каждый номер этого издания рассылался во все воронежские полки, а также по подписке в Воронежской губернии.

Это глубоко патриотическое издание публиковало отчеты о помощи солдатам и беженцам, о награжденных и списки погибших на фронте, солдатские частушки, письма с фронта, легенды, творчество и события местной жизни.

Так, за подписью учителя Григория Плетенского (первый редактор богучарской газеты. – Е.Р.) в одном из номеров опубликован «Отчет о деятельности Богучарского педагогического комитета помощи детям воинов за 1915 год», в котором сообщалось, что среди многочисленных организаций, которые появились в связи с войной, «заслуживает внимание Богучарский педагогический Комитет, учрежденный согласно предложению попечительского Харьковского учебного округа от 31 августа 1914 г. за № 20918». В состав комитета вошли директор гимназии Г.А.Новочадов, начальница гимназии Л.Н. Кармышева, инспектор народных училищ А.А.Кармышев и заведующий высшими народными училищами Н.А. Афанасьев.

Деятельность этой общественной организации была направлена на оказание «помощи детям воинов, находящихся в действующей армии. Заседания правления проходили по четвергам в мужской гимназии».

Комитет организовал сбор денежных средств на оплату обучения, выдачу денежных пособий, а также покупку одежды, обуви. В отчете за январь 1915 года указывалось, что было собрано «с ученических спектаклей и частных лиц» 480 рублей 52 копейки, израсходовано – 235 рублей 65 копеек. Вообще за 1914 – 1915 годы богучарцами было собрано 6576 рублей 5 копеек. Но, как писал Григорий Плетенский, «нельзя ограничиться только сухими цифрами: слишком живое и подвижное дело оказывать помощь! В уезде нет такого уголка, куда бы ни пришла помощь детям воинов. Это все дело учительства...

Грянет беда роковая,
Скажется мигом страна:
Единодушие и разум
Всюду дадут торжество».

Воронежцы поддерживали тесную связь с фронтом. К примеру, крестьяне поселка Бирюченского направили на фронт 194 аршина холста, 25 пар чулок, три пары перчаток, материи для двух рубашек, двое кальсон, 22 кисета, 490 яиц, две деревянные ложки и много других вещей.

В апреле 1916 года через представительницу города Воронежа Серафиму Николаевну Веретенникову в 234-й пехотный полк были переданы подарки «под самый праздник и явились тем «яичком, которое особенного дорого к Христову дню». Как писал в своем письме командир полка: «Ваша память о полке, 21 месяц отстаивающем каждый клочок земли, дает ему новые силы, поднимет дух и поддерживает уверенность в неизбежной победе над сильным врагом». Это была не разовая акция, в июле 1916 года, через квартирмейстера И.М. Вольфа на фронт было передано в 234-й пехотный Богучарский полк: «50 пудов махорки, 16 страниц курительной бумаги, 2 ящика спичек, множество почтовых конвертов и бумаги, книг для чтения, сапожные инструменты. Кроме того, получено более чем на 100 руб. книг специально для господ офицеров». В ответ командир полка 12 сентября 1916 года написал письмо, которое было опубликовано в воронежском вестнике «В дни войны»: «От себя лично, от лица офицеров и нижних чинов полка вновь приношу Воронежскому отделу связи с фронтом нашу благодарность за богатые подарки и добрую память о нас».

Воронежская губерния в годы Первой мировой войны была не только «большим госпиталем» для раненых – с октября 1915 по сентябрь 1916 года к нам поступило 1563 человека раненых и 417 больных, – но и местом многочисленных беженцев. С 15 июля по 17 сентября 1915 года через станцию Воронеж – Курский проследовало 143 поезда и 3737 вагонов, в которых было зарегистрировано 89264 беженца.

Министерством внутренних дел и Всероссийским земским собранием на их содержание выделили 553000 рублей. На 1 января в Воронежской губернии находилось 37592 беженца. Среди них было 1278 детей, почти 1200 школьного возраста.

Скупые цифры отчетов сообщали, среди них: 349 русских, 246 поляков, 122 литовца, 236 евреев, 35 латышей.

Бюро помощи беженцам и учащимся при Воронежском семейно-педагогическом собрании в 1915 – 1916 году содействовало откры-

тию 18 школ, «из них для детей русской национальности – 11, польской – 3, литовской – 2, еврейской – 2». Дети призванных на войну посещали столовую Воронежской общепедагогической организации.

«В дни войны» в ноябре 1916 года сообщали: «Что касается помощи учащимся–беженцам, то благодаря ходатайству бюро, 24 из них были назначены на учительские должности в начальные школы для беженцев, 8 – определены в качестве заместителей учителей, 6 – на должности надзирателей и классных дам, 1 – получил место заведующего лазаретом, 1 – место санитаря, 1 – регистратора, 6 – пользовались вследствие своей нетрудоспособности поддержкою Бюро».

Помогали фронту и дети: «Ученики Загребайловский школы (село Луговое Богучарского района. – Е.Р.) установили довольно тесную связь с фронтом, посылают туда подарки и письма и сами получают благодарственные письма от воинов. Письма учеников, посылаемые русским солдатам на фронт, обычно проникнуты теплом, лаской и участием. Иногда эти письма сочиняются в стихотворной форме».

В одном из сообщений издания «В дни войны» из села Дьяченково отмечалось: «У детей нашего села сложилось убеждение, что немцы – не христиане, почему рассказы о жестокости и вызывают не ненависть, а сожаление. В годы войны особенно усилился наплыв в школу. При этом мальчики говорят, что учиться нужно для войны, так как грамота понадобится на военной службе...»

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ ИЗ БОГУЧАРА

7 июля 1942 года штаб Юго-Западного фронта, оставив Россошь, перебазировался в Калач. Именно здесь органами НКВД была создана школа, которая готовила разведчиков. Одними из первых её прошли богучарские активисты ОСОАВИАХИМА. Специальную группу подготовили и для работы на территории города Богучар. Возглавил ее Спиридон Иванович Шабельский, человек известный в Богучаре.

Еще в 1916 году Спиридон Шабельский становится членом РСДРП. Уроженец села Дедовка Богучарского уезда, он одним из первых в июле 1918 года пошел служить в Богучарский Советский стрелковый полк.

Партизанка
Резникова Нина Васильевна

В одном из писем к сестре Шабельский писал: «Много еще у нас врагов, и бороться с ними непросто. Но вот закончится Гражданская, восстановим наши разрушенные шахты, и какая хорошая жизнь начнется! Наши дети будут жить по-другому». Впоследствии он был командиром пулеметной роты, а затем политкомом 357-го полка 40-й Богучарской дивизии.

В 1920-х годах переехал на рудник Сорокино (Краснодон), здесь жила его сестра Феона Ивановна, мать известного молодогвардейца Ивана Туркенича.

В своей книге «Матери молодогвардейцев», изданной в Луганске в 2007 году, Галина Плиско писала: «Феона Ивановна глубоко уважала и любила своего брата. И часто, когда Ваня подросток, стал пионером, мать рассказывала ему о боевой молодости дяди Степана.

Семья Шабельских к тому времени переехала в Богучар Воронежской области. Жизнь этого человека стала для Вани символом преданности пролетарскому делу, стойкости коммуниста. С ярким и доходчивым материнским словом входила в душу подростка романтика революционной бури, обрастая живой плотью».

Через калачеевскую разведшколу НКВД прошли многие богучарцы, среди них и Нина Васильевна Резникова, Клавдия Никитична Веремеева, Таисия Стефановна Попова, Евгения Автономова, Дарья Григорьевна Калашникова.

Комсомольцы учились взрывать мосты, пускать под откос вражеские поезда, уничтожать склады с боеприпасами; изучали топографию, тактику партизанской работы. Многих героев богучарской земли мы давно знаем по именам. Но пусть не посетуют на меня земляки, подвиг подпольщиков города Богучара из отряда «Народный мститель», которым командовал Н.К. Романов, пока остался только в скучных строках из архивов и воспоминаниях очевидцев.

Партизан Шабельский
Спиридон Иванович

Недавно я получил письмо из Харькова от Владимира Датченко, в котором он пишет: «Я, внук Шабельского Спиридона Ивановича, нашел на сайте фото юной разведчицы (Нины Резниковой. – Е.Р.) и в тексте сведения о моем дедушке. У меня на странице есть его фото времен Гражданской войны и фото до революции из села Дедовка, где они жили в начале XX века. Очень хотелось бы узнать, что вы знаете о дедушке, так как до сих пор о его судьбе нам почти ничего не известно. Дочь дедушки, моя мама, живет в Ростовской области. Она родилась в 1937 году в Богучаре и много мне рассказывала о довоенном городе, к тому же дедушка дружил с Малаховским, и у нас сохранились его письма».

Сведения о богучарской подпольщице Нине Резниковой в 80-х годах прошлого века мне удалось найти в Государственном партийном архиве Воронежской области.

В них сообщалось, что 15 декабря 1942 года итальянцы расстреляли богучарских подпольщиков: учителя, коммуниста С.И. Шабельского и секретаря подпольной организации, председателя райсовета Осоавиахима Шуру Резникову с дочкой.

Фотографию комсомолки Резниковой принес Александр Петрович Резников, он же сообщил: «Первая жена моего отца Нина Резникова, а ее сын Валера, его кровный брат. Жили они до войны в переулке Право-Северный, сейчас это улица Освобождения». Он прочел одну из моих книг «Малый Сатурн» и сообщил, что Шуру Резникову, оказывается, звали Ниной, а дочка в действительности оказалась сыном Валерой. Он сообщил и то, что Михаил Волошин с улицы Белогубова видел расстрел Нины с сыном.

Почему Нина Резникова на допросах в гестапо назвала себя Шурой и почему в архивных документах написано «вместе с дочкой», об этом история умалчивает. Но вот с Михаилом Волошиным, которому тогда было 14 лет, буквально на днях мне удалось побеседовать.

Он рассказал, что в первых числах декабря сорок второго сам попал в гестапо. Они с Егором Любченко и Пашей Яицким гуляли у ремесленного училища (здание нынешнего СПТУ), когда один из полицейских, доставлявший продовольствие итальянцам, подорвался на mine.

Мальчишек забрали в гестапо, которое находилось в здании нынешнего хозяйственного магазина, долго допрашивали, но ничего не добившись, отправили в комендатуру (здание нынешней администрации) и оформили документы на отправку в Германию.

А 15 декабря 1942 года немцы повели на расстрел С.И. Шабельского и Н.В. Резникову. При этом Нину забрали в гестапо вместе с сыном Валерой. Мама Нины Резниковой вспоминала: немцы не дали ей даже одеться, а Валера был в одном сапожке. Михаил Волошин рассказывал: «Сначала расстреляли Нину Резникову. Валера бросился за мамой в яму, они расстреляли и его».

Уже после освобождения Богучара, 19 декабря 1942 года, отец Нины Резниковой пытался найти могилу до-

Иван Васильевич Туркенич - командир и начальник боевого штаба подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия»

чери, но не нашел. Зима стояла суровая, снег начал сходить только в марте сорок третьего. Могил было много, многие занесло весенними потоками воды.

В своем письме Владимир Датченко пишет: «Не могли бы вы сообщить, что известно о месте захоронения подпольщиков и есть ли там памятник?»

К сожалению, память героев-подпольщиков до сих пор не увековечена, могила их не найдена, их имён даже нет в Книге памяти Богучарского района. Как мне удалось узнать, такая участь постигла многих, кто проходил по закрытым спискам архивов НКВД.

Сейчас, через 74 года после освобождения Богучара от немецких захватчиков, скажу одно: умирая, наши земляки знали, что дело, которому они отдали свою жизнь, не умрет. Они были уверены: их товарищи будут бороться до тех пор, пока не победят врага.

А семья Шабельских 16 июля сорок четвертого получила письмо от Ивана Туркенича. В нем были его фронтовой фотоснимок с теплой надписью и такие строчки: «За смерть своего любимого дяди Степана я жестоко отомщу фашистам».

И слово своё он сдержал.

«ПО УЛИЦАМ ШЛИ КОЛОННЫ ЧУЖИХ СОЛДАТ»

9 июля 1942 года, когда проходили бои за Богучар, 8-я рота 1-й стрелковой дивизии прикрывала отход отступающих советских войск. Но в декабре всё того же сорок второго они возвратились назад. Немногие знают, что об этих событиях писал тогда корреспондент газеты «Красная звезда», известный советский поэт и писатель.

В своей статье «Возвращение», опубликованной в «Красной звезде» 27 декабря 1942 года, Алексей Сурков вспоминал: «Был июль. Наши части отступали от Северного Донца и Оскола за Дон. На исходе этих горьких дней мы оказались в тихом придонском городе Богучар. Город насторожился, но еще не чувствовал, как близко надвинулась беда. По неосвещенным улицам еще разгуливали парочки, из городского сада доносились переборы гармоники. А вдоль ограды сада, по неостывшей от дневного зноя пыльной дороге, двигались к донской переправе бесконечные вереницы машин с потушенными фарами».

Корреспонденту запомнился один капитан, который шёл с отступающими войсками: «Опаленное июльским зноем лицо капитана было серое от едкой дорожной пыли. В глазах ввалившихся от бессонницы, долгих переходов, горел чёрный огонь стыда и обиды. Капитан шел сторбившись, молчаливый, подавленный и нелюдимый».

Войска отступили. Уже через несколько дней немцы вошли в город. Вот как вспоминает об этих событиях С.В. Минакова: «Гул нарастал, женщины попадали в овраг, закрывая собой детские тела, над головами прошла какая-то грохочущая волна, я заплакала, увидела, как мамины губы что-то шепчут. Послышались взрывы ... Это немецкая авиация совершила налет на провинциальный непромышленный городок, население которого составляли женщины, дети и старики. Страшная картина открылась после бомбардировки: разрушенное здание яслей, двор, усеянный телами нянечек и детей, клочками пеленок...

В тот вечер с толпой испуганных, уставших женщин мы шли с мамой по горе, пытаясь уйти от гитлеровцев. Оглядываясь, видели Богучар: горящее здание педучилища, в котором когда-то учился Михаил Шолохов, необычно пустую площадь Павших стрелков... По улицам уже шли колонны чужих солдат. На улице 1-го Мая, где расположились итальянские части, валялись желтые лимонные корки».

В городе и населенных пунктах района был введен так называемый новый порядок. Управление оккупированных районов осуществ-

влялось через комендатуры. Они подчинялись штабам действующих на территории частей вермахта и поддерживали связь с гестапо.

Комендантом Радченского района стал сначала итальянский майор Ангис, а затем немец Кислинг.

В Богучаре комендатура разместилась в здании городского совета, где повесили вывеску с надписью на немецком и русском языках «Местная комендатура». Над каждым колодцем прибили регистрационные таблички на немецком языке: можно или нельзя фашистам пить из них воду. Во многих дворах и садах вырыли ямы – гаражи для машин и танков. На телеграфных столбах размещались объявления: «Разрешается выходить из домов с 5 часов утра до 5 часов вечера.

За нарушение приказа строгая ответственность». «Предлагается хозяевам и квартиронанимателям скалывать лед и чистить снег с тротуаров. За неисполнение – строгая кара». «Красноармейцы, не явившиеся в германские части, будут беспощадно расстреляны или повешены. Житель, дающий красноармейцу убежище, питание или оказывающий другую помощь, будет наказан самым строгим образом – расстрелом или повешением». За неподчинение приказу или даже опоздание с его выполнением богучарцы подвергались жестоким наказаниям, вплоть до расстрела.

В беседе с Алексеем Сурковым после освобождения они рассказывали: «Черноглазая пятилетняя Тамара то и дело вмешивается в разговор:

– Немец злой. Он маму искал и нас искал. Мне тетя говорит: «Расскажи стихи про Ворошилова». А я не рассказывала – ведь немец услышит, убьет меня и бабушку.

Помолчала, потом, что-то припомнив, проговорила:

– А меня немец по голове молотком бил.

Бабушка поясняет:

– Тамара играла на улице возле немецкого гаража, подняла с земли какую-то гайку. Немец шофер увидел, раскричался и ударил ребенка по голове тяжелой рукояткой молотка».

Вот только некоторые факты зверств фашистов на богучарской земле. Так, в селе Красногоровке были публично расстреляны Григорий Васильевич Ситников, Иосиф Васильевич Прядкин, Кузьма Литвинов и Николай Кравцов.

В Монастырщине фашисты расстреляли 12 стариков и старух. 89-летняя Пелагея Гречишникова была заколота штыком в своем доме.

В селе Хрущево фашисты застрелили глухого колхозника А.С. Самойлова, который не смог ответить на вопрос немецкого офицера. Зверски замучили, а потом сожгли Шуру Савельева пяти лет, Ваню Шмелева десяти лет, Ваню Горбунова четырех лет. Витя Удовченко был до смерти избит немцами, грабившими квартиру, за то, что он назвал их гадами...

Совинформбюро 19 декабря 1942 года сообщало: «...нашими войсками было занято более 200 населенных пунктов, в том числе города Новая Калитва, Кантемировка, Богучар ... В ходе наступления наши войска разгромили девять немецких дивизий и одну пехотную бригаду противника. Прорыв осуществлен силами Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Ватутин Н.В. и Воронежского фронта, которым командовал генерал-лейтенант Голиков Ф.И.»

В ходе операции «Малый Сатурн» были разгромлены 8-я итальянская армия, остатки 3-й румынской армии и две гитлеровские пехотные дивизии. Наши войска продвинулись на 100–150 километров. Вместе с наступающими войсками шли и военные корреспонденты. Алексей Сурков, автор знаменитых стихов песни «В землянке», представлял «Красную звезду», и Петр Лидов – «Правду», автор очерка «Таня» о Зое Космодемьянской.

В своем дневнике Лидов отметил: «25 декабря. Солнечный день. Мороз до 30 градусов. Вместе с Алексеем Сурковым уехал в Богучар. Корреспонденцию о боях за Миллерово на девяти страницах передал с трудом из-за загрузки телеграфа. Москва приняла ее только в полночь...»

Богучар ожил и начал восстанавливаться. «Комиссар партизанского отряда Алексей Дубровский уже приступил к исполнению своих прямых обязанностей председателя районного Совета депутатов трудящихся, – писал Алексей Сурков. – К нему приходят за поручениями, ему докладывают о пойманных предателях, о найденных складах, о всяких делах. От него ждут совета и помощи».

Невероятно, но здесь же, в Богучаре, Алексею Суркову снова довелось встретиться с тем самым капитаном, который в июле 1942 года шел с отступающими войсками: «Теперь он выглядел по-иному.

– Здравствуй, капитан! Торопитесь?

Он повернул голову на мой голос и смотрел на меня несколько секунд молча. Потом, очевидно, вспомнил то же, что и я, закричал вслед убегающему грузовику:

– Тороплюсь! Июльская заноза в сердце сидит».

Так закончилась эта история, фронт двигался на юг и на запад.

«ДОСТОИН ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Будучи директором Богучарской средней школы, я вместе с учителем истории Ириной Всеволодовой и школьниками вел активную переписку с ветеранами войны и участниками боевых действий в Богучарском районе. Результатом поиска стало создание в школе музея «Авиатор». Нам удалось собрать сведения не только о пилотах, воевавших на богучарской земле, но и о лётчиках – наших земляках. Среди них и генерал-полковник Сергей Яковлевич Жуковский.

Часто в прессе пишут о том, что в первые дни войны немецкие летчики, имея точные данные о размещении советских аэродромов, уничтожили на земле всю приграничную советскую авиацию. И приводятся цифры – около 1500 самолетов. Сообщается, что основной причиной отступления Красной Армии в первые месяцы войны стало как раз господство немецкой авиации в воздухе.

Но это не совсем так. Уже в первые дни войны советские летчики, проявляя настоящий героизм, отважно сражались на границе.

Утром 22 июня 1941 года по тревоге был поднят 127-й истребительный авиаполк в городе Гродно. Командир звена младший лейтенант Сергей Жуковский на биплане И-153 «Чайка» в этот день провел девять воздушных боев, лично и в группе из восьми самолетов сбил пять самолетов противника.

Летчику исполнилось на ту пору всего-то 23 года. Родился он 7 октября 1918 года на небольшом хуторе Перещепное Богучарского уезда в простой крестьянской семье. После окончания Богучарской средней школы в 18 лет был призван в армию. В 1938 году окончил Качинскую военную авиационную школу летчиков, а через год совершил свой первый вылет в составе 12-й авиаэскадрильи Балтийского флота. Авиаэскадрилья, в которой служил Сергей Жуковский, участвовала в Финской войне с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года.

В наградном листе от 18 декабря 1941 года в краткой боевой характеристике сообщается: «При боевых вылетах т. Жуковский проявлял отвагу, бесстрашие, героизм. Своим личным примером вовлекал подчиненных на отважные действия в борьбе с германскими варварами. Имеет всего 120 боевых вылетов, из них: 50 вылетов на штурмовике с бомбометанием по вражеской пехоте, артиллерии и аэро-

дромам, 45 – на разведку и 25 – на прикрытие своих войск и объектов в сопровождении бомбардировщиков.

С 20 августа по октябрь 1941 года имеет 85 боевых вылетов, из них: 10 – на штурмовку, 65 – на разведку и 10 – на прикрытие. Участник 20 воздушных боев, сбил в групповых боях вместе с товарищами 5 самолетов противника. Тов. Жуковский является бесстрашным летчиком-истребителем, храбрым и мужественным воздушным бойцом, культурным, грамотным командиром».

Наградной лист на Сергея Жуковского заканчивается такими словами: «За заслуги награжден орденом Красного Знамени, 7.9.1941 г. командованием дивизии был представлен ко второму ордену Красного Знамени. За отличное выполнение боевого задания командования и проявленные при этом мужество и героизм достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Заслуженную награду Сергей Жуковский так и не получил. Наверное, тыловое командование посчитало, что достаточно ему и ордена Ленина.

В декабре, уже в звании старшего лейтенанта, Сергей Жуковский стал командиром 1-й эскадрильи 440-го истребительного авиационного полка и возглавлял её до 12 ноября сорок второго. В тот период сбил еще три немецких самолета.

Жуковский Сергей Яковлевич.

На своем самолете ЛаГГ-3 (одноместный одномоторный поршневым истребитель-моноплан, стоявший на вооружении ВВС РККА до и во время Великой Отечественной войны. Использовался в качестве истребителя, истребителя-перехватчика) с декабря 1942 года по 25 июля сорок третьего, как видно из наградного листа, уничтожил 12 самолетов врага, 15 автомашин, зенитное орудие, одну цистерну с горючим. Летчики его эскадрильи в воздушных боях сбили 18 самолетов противника. «Ранее т. Жуковский награждался орденом Ленина

и орденом Красного Знамени за отличные показатели в воздушной разведке и штурмовке наземных войск врага... Достоин правительственной награды – ордена Ленина», – написано в его характеристике.

Но второй орден Ленина Сергей Яковлевич не получил. В наградном листе записано решение: удостоить Жуковского третьим орденом Красного Знамени.

С начала ноября сорок второго он – на Сталинградском фронте в должности командира 12-го истребительного авиационного полка. В боях за Сталинград, Донбасс и Северный Кавказ наш земляк показал образцы умелого выполнения боевых заданий, мужества и отваги. Он совершил 65 боевых вылетов, из них на сопровождение штурмовиков – 33, прикрытие наземных войск – 17, разведку войск противника – 9 и 6 полетов на перехват самолетов. В девятнадцати воздушных боях Жуковский лично сбил «Ю-87» и «Ю-88».

22 февраля 1943 года Сергей Жуковский вылетел в паре на перехват самолетов противника в район «Матвеев курган». Вот тогда-то в воздушном бою он лично сбил «Ю-88». А через четыре с половиной месяца, 12 июля 1943 года, самолет нашего земляка был подбит. Сергей Яковлевич получил тяжелые ранения ожоги лица, рук и ног второй и третьей степени, но машину всё-таки смог посадить.

После непродолжительного лечения – снова на фронт. За время боевых действий с 14 июля по 12 августа 1944 года Сергей Яковлевич на самолете Ла-5 (однопилотный истребитель Ла-5 был создан в 1942 году – Е.Р.) провел 24 успешных вылета, сбил шесть авиамашин противника «Ю-88» и «Ю-87», за что был награжден орденом Александра Невского.

Всего же Сергеем Яковлевичем Жуковским совершено более 500 боевых вылетов, одержано 15 побед. Войну он закончил в 1945 году в Вене, ему тогда исполнилось всего-то 30 лет. На груди – ордена Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, шесть орденов Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и 36 медалей. Уже после войны ему присвоили звание Почетного гражданина городов Гродно и Жодино.

Затем – учеба в Военно-воздушной академии. А с мая 1961-го он командующий 1-й Особой Дальневосточной воздушной армией. Генерал-полковник, Заслуженный военный летчик СССР, избирался делегатом XXII и XXIII съездов КПСС, депутатом Верховного Совета Белорусской ССР, членом ЦК Белоруссии.

Умер С.Я. Жуковский 10 ноября 1980 года, похоронен в Минске.

ТИХАЯ БОГУЧАРКА ПЕТРА ГЛЕБОВА

После окончания семилетки в семье Глебовых зашла речь о профессии, как вспоминал Петр: «я сказал, что хотелось бы поближе к природе что-нибудь: я же привык с мая по октябрь босиком ходить, охотник сызмальства. Решил почему-то, что «мелиорация» как-то с утками связана, значит – охотиться буду». Так начиналась трудовая биография народного артиста СССР Петра Петровича Глебова.

После окончания Брасовского мелиоративно-дорожного техникума в августе 1935 года 20-тилетний техник по водоснабжению Петр Глебов был распределен в провинциальный город Богучар. В богучарском мелиоративном товариществе при районном землеустроительном отделе еще работали те, кто с Андреем Платоновым начинал мелиорацию в пойме рек Богучар и Дон. В то время в мелиоративном товариществе имени Андрея Платонова слободы Лысогорка (сейчас входит в г. Богучар – Е.Р.) бурно кипела работа по осушению болот.

Петр Глебов вспоминал: «Работал техником на болотах, составлял карту для будущего осушения реки Богучарки».

Житель села Полтавка Дмитриенко В.А. рассказывал мне, что во время разлива пароходы из Таганрога подходили к городу Богучар, а в районе села Полтавка даже тонули кони, но когда вода уходила, в районе Буцака (между с. Песковатка и с. Купянка – Е.Р.) и у с. Полтавка появлялись болота с многочисленными тучами гнуса.

На основе карт гидротехника Петра Глебова в 1936 году впоследствии были прорыты три канала, которые сокращали извилистое течение реки и позволили осушить болота в районе сел Дядин, Полтавка, Купянка и Дьяченково.

В своей книге «Судьба актёрская» друг Петра Глебова Папоров Ю.Н. о днях пребывания в городе Богучаре, писал «где в свободное от работы время активно участвовал в художественной самодеятельности».

Петр Глебов не забывал любви к театру, участвовал в репетициях и спектаклях на сцене Народного Дома. Местный театр располагался на улице Театральной (сейчас улица имени Шолохова – Е.Р.), построенный еще в 1900 году по инициативе В.Ф. Фердинандова.

В 30-х годах XX века, как вспоминал один из актеров, «представления шли, главным образом, в кинотеатре «Шторм» и летнем саду,

Народный артист СССР
Петр Петрович Глебов.

на эстраде». (Деревянная сцена летнего сада и эстрада располагались в городском парке – Р.Е.). В своем письме в 1987 году к директору Богучарского краеведческого музея Анниковой Антонине Афанасьевне актер Анатолий Ляхов писал об актерах: «Хочу только напомнить Вам, что из них помню Корыстина И.П., Калюжную, Синор Р.С., Шандурина В, Плотникова Константина, Макаренко Митрофана, Василенко Николая (Василенко Николай Борисович впоследствии – известный воронежский график, член Союза художников, заслуженный художник РФ – Е.Р), Аленникова Анатолия, Вихрову Александру».

Хочу напомнить, что с 1928 г. до 1935 г., в богучарском районе проводилась «украинизация». Все обучение, газеты и документация велись на украинском языке. Поэтому и на сцене театра постановки велись и на русском, и на украинском языках. Репертуар театра был большим и многогранным. «Из них, – как вспоминал Анатолий Ляхов, – «Лес» (Островского), «Без вины виноватые» (Островского), «Не все коту масленица» (Островского), «Ой не ходи Грицко, тай на вечерник», «Бесталанная», «Наталка – Полтавка», «Любовь Яровая», «Сватаня на Гончаровке», «Платон Кречет» (Корнейчука) и другие». Работники богучарского краеведческого музея назвали еще постановки «Овод» (Войнич), «На дне» (Горького), «Странный человек» (Лермонтова) и «Ревизор» (Гоголя). А также сообщили, что в зале театра на 205 мест, было четыре комнаты для кружков. В хоровом, драматическом, струнном и плясовом кружках участвовали учителя, врачи, агрономы. В драматическом играли Петр и Римма Ключковы, а руководил кружком Митрофан Емельянович Макаренко.

В начале 30-х годов XX века здесь стали показывать и первые кинофильмы. Нет сомнения, что фильм «Тихий Дон» Петр Глебов смотрел в богучарском кинотеатре. Он вспоминал: «Еще до отъезда я увидел Абрикосова на экране в роли Григория Мелехова. Это была

его первая роль, но она меня ошеломила. Мне тогда очень сильно захотелось стать актером».

Что повлияло на выбор актерской профессии Петром Глебовым, трудно сейчас сказать, возможно, это был и наш богучарский кино-театр «Штурм».

В те 30-е года XX века старший брат Петра Глебова, Григорий трудится вместе со Станиславским К.С. в оперно-драматической студии. Зная, что младший брат мечтает об актерской профессии, он порекомендовал ему в июне 1937 года приехать в Москву и сдать приемные экзамены в студию. Петр Глебов так и сделал.

Уже в июле 1937 года Глебов П.П. вернулся в Москву и поступил в оперно-драматическую студию имени Станиславского К.С., где занимался у Кедрова М.Н.

В трудовой книжке Петра Петровича Глебова, заполненной зав. отделом кадров, есть запись: «Общий стаж работы по найму до поступления в Театр им. К.С. Станиславского 2 года. Подтверждено документами. Гос. Оперно-Драматический Театр им. Кс. Станиславского. 1937.IX.1. Зачислен на должность артиста драмы. Пр. 99 от 01.IX.37 г.»

Уже после войны в 1957 году Петр Глебов сыграл одну из лучших своих ролей, Григория Мелехова в экранизации романа Михаила Шолохова «Тихий Дон», созданной режиссёром Сергеем Герасимовым в 1957–58 годах. Глебов П.П. вспоминал: «Вечерами песни задушевные под гармонь пели, верхом в ночное с ребятами гоняли. Я и предположить не мог, что эти крестьянские навыки мне когда-нибудь пригодятся. Просто мне всегда хотелось быть на мужика похожим: и серьёзным отношением к жизни, и лаконичной, выразительной речью, и статью. Помню, на съёмках «Тихого Дона» я буквально потряс киношный народ, запросто вскочив на коня».

Директор Богучарской районной киносети Игнат Никифорович Щербань в 50-х годах XX века рассказывал, что в 1956 году в район приезжал кинорежиссер Сергей Аполлинариевич Герасимов и они с ним ездили к Дону, где он снимал виды реки Дон в районе с. Галиевка, но, с сожалением, эти фрагменты не вошли в фильм «Тихий Дон», да и сам фильм снимался в другом месте. Съёмки фильма проводились неподалеку от города Каменска-Шахтинского, на хуторе Диченское. Недалеко от хутора был «построен» хутор Татарский – казачьи курени и широкий майдан с церковью, а немного поодаль – усадьба Листницких.

КАК ЮРИЙ НИКУЛИН В ДОМЕ КОЛХОЗНИКА НОЧЕВАЛ

Если бы не злополучный гвоздь, попавший в колесо «Волги» выдающегося артиста цирка и кино, то и не провел бы он сутки в Богучаре.

В своих воспоминаниях Максим, сын Юрия Владимировича, пишет: «Отец научился водить машину, когда готовился к съемкам в фильме «Берегись автомобиля». Собственно, он-то и рассказал режиссеру Эльдару Рязанову историю о том, как один человек в Ленинграде угонял «Волги» у всякого жулья. И пока Рязанов с Брагинским писали сценарий «под Никулина», сам отец трижды в неделю брал уроки вождения у инструктора Миши с «Мосфильма». Ездили в переулках Арбата по вечерам. Но обстоятельства не позволили отцу сняться у Рязанова, роль досталась Смоктуновскому – отец жалел об этом всю жизнь. Раз есть права, нужна и машина... В свободную продажу такие машины не поступали и, кроме того, состояли на особом учете в Министерстве обороны».

Машину «Волга» ГАЗ–22 чёрного цвета Юрию Никулину продали по личному разрешению Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина. Как вспоминал уже сам Юрий Никулин, «в ГАИ «завалился» номерной знак, от которого, несмотря на его очевидную оригинальность, рассудительные москвичи решительно отказывались: 00–13. Я, как не суеверный, взял его». И вот с этого и начались приключения.

Уже в первый год машина попала в аварию. Сначала Юрий Никулин на «Волге» въехал в «зад» хлебного фургона: «Водитель «хлебовоза» это услышал (его, по-моему, даже не качнуло), вышел, посмотрел на мою машину, на свою, махнул рукой и уехал. Я остался с разбитыми фарами, погнутой решеткой и помятым капотом». Затем «Волга» кому-то не понравилась, на стоянке ее помяли и уехали. Потом как-то, когда машина стояла у светофора, в нее врезался грузовик. И последнее происшествие: Никулина «подрезал» лихой «Москвич». Тормознули, занесло, помяли крыло.

Очередное происшествие произошло с «Волгой» при поездке на юг. В конце весны 1970 года Юрий Владимирович Никулин с женой Татьяной Николаевной отправились в путешествие в южный город Туапсе. Явно они не рассчитывали на то, что подстерегало их на богучарской трассе.

Житель Богучара Владимир Бирюков рассказывал: «На улице Карла Маркса, где сейчас построили магазин «Магнит», была расположена мастерская по вулканизации, в которой работал местный умелец Николай Правдин. Мальчишкам он раздавал такие маленькие гвоздики с резинкой, что при любом попадании на дорогу гвоздик всегда острием направлялся вверх. Их-то и разбрасывали ребята на дороге, за это можно было получить в награду конфету. А вулканизация редко простаивала без работы. Очевидно, что подобное помогло «поймать» знаменитого артиста в Богучаре. Пробив колесо на «Волге», Юрий Никулин, наверное, в сердцах сказал свою знаменитую фразу: «Черт побери!..»

В Богучаре по этой же причине чуть раньше останавливался олимпийский чемпион, рекордсмен мира Петр Григорьевич Болотников, который даже выступил перед жителями в местном кинотеатре «Шторм». У моего друга Николая Подопригора, до сих пор бережно хранится его автограф, оставленный на простом листе бумаги.

Народный артист СССР

Выдающийся артист Юрий Никулин и его жена Татьяна с богучарцами. Фото Ивана Татаренкова

На богучарской АЗС тогда работал Николай Касимов, он то и рассказал Юрию Никулину, что рядом имеется придорожное кафе «Тихий Дон», где можно пообедать, а в городе – гостиница. Как рассказала мне Р.В. Мамай, которая в то время заведовала богучарским общепитом, «Юрия Никулина увидели

работники придорожного ресторана «Тихий Дон», куда он с женой зашел пообедать. По залу тут же разнеслось: «Никулин, Никулин!..» Все сбегались посмотреть на именитого артиста. Обедать в такой обстановке было просто невозможно, и тогда Юрий Владимирович повернулся к «зрителям» и со своей традиционной улыбкой сказал: «Гав...» По залу раскатился смех...

Где-то в середине дня черная «Волга» знаменитого артиста подкатила в центр Богучара и остановилась у газетного киоска. Один из очевидцев тех событий, Владимир Бирюков, вспоминал: «Первыми его в городе увидели двое вездесущих парней – Анатолий Молоков и парень по кличке «Факир». Артиста быстро обступила толпа. Юрий Никулин был прост в общении, рассказал анекдот и поинтересовался, где можно залатать пробитое колесо». Ясное дело, его направили к Николаю Правдину. Он-то и взялся за вулканизацию проколотовой шины. Сам же Юрий Никулин направился в местную гостиницу.

Мне удалось найти сына Николая Кузьмича Правдина – известного художника Павла Правдина, который сейчас живет в Новосибирске. Вот что он мне сообщил: «Никулин тогда ехал на курорт. Проколот шину, вот и заехал в Богучар латать колесо, а мой батя ему вулканизировал. Потом сфотографировался на память. Рассказывал, что в дороге вместе с женой они надевали маски, чтобы их не доставали поклонники».

Несмотря на всю «секретность» поездки, весть о Юрии Никулине разнеслась быстро. Мальчишки то и дело «мотались» по улице Прокопенко возле Дома колхозника, где поселился артист со своей женой и цирковым ассистентом, в надежде его увидеть. И многим это удавалось. Здесь же во дворе ночевала и его черная «Волга».

В этот год река Богучарка при разливе вышла из берегов и залила нижнюю часть райцентра. Семья фотокорреспондента местной газеты Ивана Татаренкова переехала на время в дом брата его жены и поселилась в доме Владимира Кузьмича Найденова. Дом тот располагался рядом с гостиницей. Иван Иванович был известной личностью в Богучаре не только как фотокорреспондент, но как минёр, участвовавший в разминировании Богучарского района после его освобождения от фашистов в годы Великой Отечественной войны.

Работая над статьей, я обращался за помощью ко многим богучарцам. Одни рассказывали, что в наших краях Никулин будто бы встретил своего фронтового друга; другие – что видели его с удочкой на реке Дон и городском пляже.

При чтении книги Юрия Никулина «Почти всерьез», где он вспоминал о начале войны, удалось даже отыскать строки, в которых он упоминает Богучар. Вот они:

«Наблюдатель Борунов доложил по телефону:

«Бобруйск»! Тревога! Два звена Ю-88 на бреющем полете идут с Териок на Сестрорецк.

В трубке слышны доклады всех батарей, команды тревоги.

– «Армавир» готов!

– «Винница» готова!

– «Богучар» готов!

С вышки нашего наблюдательного пункта видны гладь залива, Кронштадт, форты и выступающая в море коса, на которой стоит наша шестая батарея. «Юнкерсы» идут прямо на батарею. Вспышка. Еще не слышно залпа пушек, но мы понимаем: наша батарея первой в полку открыла огонь. Так 115-й зенитно-артиллерийский полк вступил в войну». Удалось найти и представление к награждению Юрия Никулина орденом Славы 3-й степени, который он так и не получил. Почему-то свыше посчитали, что сержанту, который отслужил и отвоевал в Красной Армии с 1939 по 1946 год, достаточно и медали «За отвагу». «Коммуна» в 2009 году в статье «Мой друг Юра Никулин» рассказала о том, что с Юрием Владимировичем воевал воронежец Григорий Маркович Авдюгин, с которым он дружил и после войны. К сожалению, его сослуживца из Богучара найти не удалось, так как прошло уже более 70 лет. Даже мальчишкам, которым во время приезда к нам Юрия Никулина, уже за 60 лет. И все же удалось найти одного из них.

Владимир Кузьмич Найденов все так же живет в доме рядом с бывшим Домом колхозника. И вот что он мне поведал.

– Увидев воочию Юрия Никулина во дворе гостиницы, первым к нему, набравшись смелости, подошел Иван Иванович Татаренков и сказал:

– Юрий Владимирович, здравствуйте!

– Ну, здравствуй!

Иван несмело продолжил:

– Я фотокорреспондент районной газеты, зовут меня Иван Татаренков. Можно с вами сфотографироваться?

– Да можно, конечно. Заходи завтра с утра.

На том и договорились.

«Рано утром, – как рассказал мне Андрей Татаренков, – нас подняли, одели по-парадному, и мы направились в Дом колхозника. Вместе с Натальей, моей сестрой, уселись на деревянные лавки, которые стояли в коридоре, и стали ждать. И вдруг вышел Юрий Никулин. Одетый в майку и трико, с электробритвой в руках и полотенцем на плече. Увидев его, мы замерли в ожидании чуда.

Юрий Никулин подошел ко мне и спросил:

– Бриться будешь?»

Я растерялся и робко ответил:

– Я еще не броюсь.

– Ну что ж, тогда я сам, – сказал Никулин и пошел бриться».

Андрей с Натальей заулыбались. Еще бы: сам Никулин с ними пошутил.

Ждать пришлось недолго. Вскоре подошел и отец Андрея и Наталья, Иван Татаренков с фотоаппаратом. Юрий Никулин вышел одетый в светлую рубашку и черные брюки, вместе с ним была и его жена Татьяна Николаевна. Как раз в это время подошёл и мастер по вулканизации Николай Захарович Правдин, который перед этим восстанавливал проколотую шину. Фотосессия состоялась. Иван Татаренков сделал несколько снимков прямо на улице. Сейчас они хранятся у Андрея Татаренкова. А тогда, обойдя машину со всех сторон и по-деловому попинав колеса, Володя Найденов обратился к Никулину:

– Юрий Владимирович, а колёса-то приспущены.

– Черт побери, опять, что ли пробил?.. – с досадой сказал Никулин.

– А давайте я подкачаю колеса, – вызвался Владимир Найденов.

Никулин достал из багажника ножной насос, и Владимир начал качать. Как он ни старался, колеса так и оставались приспущенными.

– Пора проверить давление в шинах, – сказал Никулин.

Каково же было его удивление, когда мономер зашкалило.

– А... я и забыл, это же резина импортная, поэтому и кажутся шины приспущенными! – обрадовался догадке Никулин.

Пришлось теперь уже «подпускать» и доводить давление в камерах до нормы.

Вскоре Юрий Владимирович выгнал машину со двора, за руль села Татьяна Николаевна – и счастливая семейная чета направилась по улице Дзержинского на выезд из Богучара.

На одном из снимков, сделанных Иваном Татаренковым, отчетливо виден и номер «Волги»: 00–13. Юрий Никулин вспоминал: «Эта первая наша черненькая «Волга» прослужила нам верой и правдой более одиннадцати лет... Но однажды, меня как осенило: во всем виноват наш номер! На что жена ответила: «Не номер, а забыли «таракана» поставить на торпеду!» Так и произошло – на «торпеду» в автомобиле был установлен игрушечный тараканчик. С тех пор Юрий Никулин перестал попадать в неприятные ситуации.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Известные советские писатели братья Аркадий и Георгий Александровичи Вайнеры, опубликовавшие более 150 книг, тираж которых превысил миллион экземпляров. По сценариям книг было снято 22 фильма – самые известные – «Гонки по вертикали», «Визит к Минотавру» и «Место встречи изменить нельзя» летом 1983 года четыре дня отдыхали в Богучарском районе Воронежской области в «Кемпинге» на озере Песчаном.

В ноябре 2003 года в город Воронеж приехал известный писатель Аркадий Вайнер. О его визите писала газета «Коммуна», но никто не обратил внимание на его слова при встрече в Воронеже, где он с теплотой вспоминал о посещении им города Богучара. А он тогда сказал: «Вот я и приехал. Я всю жизнь это делал и вот сейчас, собственно, во исполнение этого своего обыкновения и прибыл. Сегодня пасмурное утро, но я верю, что солнышко вскоре появится. Я думал, что это художественный образ – понятие чернозем. А тут я увидел, что его можно на хлеб мазать. И самое главное – это люди. Я встречался там в Богучарском районе с такими замечательными людьми, что это было подчас даже трогательно».

А дело было так. Летом 1983 года. В адрес Богучарского райкома КПСС пришла телефонограмма в стиле детективного романа: «Директору богучарского кемпинга. Прошу забронировать 4 места на фамилию Вайнер. И.Ф. Юшин». Первым секретарем райкома КПСС в то время был Михаил Петрович Федорищев. Сначала он подумал, что это какая-то шутка. Но, наученный горьким опытом лета 1982 года, когда в район приезжала знаменитая оперная певица Елена Образцова, а он об этом не сообщил в обком, второй секретарь Воронежского обкома И.Ф. Юшин выругал его «за самостийную организацию визита такой знаменитости», решил ему позвонить. Иван Федорович Юшин в телефонном разговоре объяснил, при чем здесь богучарский кемпинг и братья Вайнеры.

Оказывается известные писатели братья Вайнеры едут отдыхать на юг в пансионат «Литфонд», который расположен недалеко от г. Гагра, и по дороге хотели бы остановиться в г. Богучар, поэтому надо подготовить им встречу и ночлег.

Как рассказал мне Михаил Федорищев: «Уже на следующий день приехала черная «Волга», в которой были братья Вайнеры и с ними два мальчика. Они ехали в санаторий в Гаграх. Разместили мы

На фото: справа налево Константин Вайнер, Аркадий Вайнер, Михаил Федорищев, Георгий Вайнер, Станислав Вайнер.
Фото из архива М.П. Федорищева.
Фото Ивана Татаренко.

их на озере Песчаном. Ночевали две ночи».

Мальчишками оказались сыновья Георгия Станислав и Константин. Михаил Петрович Федорищев до этого работал учителем истории, затем председателем колхоза и Богучарский район знал, как говорится от и

до. Сначала гостей отвезли на «Золотой берег» реки Дон – городской пляж, а затем уже к озеру Песчаному в кемпинг.

Кемпинг представлял собой небольшой домик у берега озера, состоящий из трех комнат и принадлежал богучарскому общепиту. Здесь отдыхала в прошлом году и знаменитая оперная певица Елена Образцова.

Встреча была, действительно, трогательная, гости побывали на знаменитой Галиевской горе, с которой прекрасно видны живописные места богучарского края, там и сфотографировались. Аркадий живо интересовался сражениями в годы Великой Отечественной войны, где располагались позиции военных. Посетили и галиевскую пещеру, вырубленную на крутом берегу реки Дон. Потом Михаил Петрович провел экскурсию по городу Богучару и Богучарскому району. С большим уважением гостей встречали в колхозе «Россия», заведующий огородничеством Василий Кузьмич Полтавский угостил их помидорами. Затем посетили сувенирный цех лесхоза, где Вайнерам подарили знаменитые росписи по дереву – «богучарскую хохлому».

На следующий день братья Вайнеры собрались в дорогу. Перед отъездом из кемпинга на озере Песчаном Аркадий Вайнер сказал: «Надеюсь, через две недели мы обязательно встретимся на этом же месте». Михаил Федорищев пошутил: «Место встречи изменить нельзя». Все засмеялись.

Так и произошло. Уже через две недели, возвращаясь в Москву, братья Вайнеры заехали в Богучар. М.П. Федорищев рассказывал мне: «Их снова поселили в кемпинге, гости с большим удовольствием купались в озере Песчаном. Особенно им понравились богучарские арбузы. В дорогу багажник «Волги» был полон помидоров и арбузов. Аркадий подарил мне свою книгу с автографом, которую до сих пор храню».

Небольшой провинциальный городок очень понравился гостям, но особенно понравилась встреча с «замечательными людьми». Уезжая, гости пригласили Михаила Петровича Федорищева с семьей к себе в гости на празднования Нового 1984 года. Аркадий Вайнер сказал: «Место встречи изменить можно».

В канун нового года Федорищевы приехали в Москву. Как вспоминал Михаил Федорищев: «Разместились в гостинице напротив Дома Совета Министров. Когда подошли к подъезду дома, перед нами стояли мужчина и женщина. Они не знали кода. А нам Аркадий его сообщил. Мы открыли дверь и прошли по настоянию незнакомой нам пары первыми. Быстро поднялись по лестнице, дверь нам открыл Аркадий. Только разделись звонок в дверь, на пороге молодая пара которую мы встретили у входа. Вайнер сказал: «Познакомьтесь, и представил их. Михаил Танич – композитор, Лидия Козлова – поэтесса» Мы ответили, что уже познакомились, когда рассказали им код. На что Вайнер потом сказал: «Не знаешь кода, не стой у входа» и пояснил, что эту поговорку ему сказал недавно ушедший Никита Богословский, попавший в такую же ситуацию. С собой они принесли пластинку Аллы Пугачевой с песней «Айсберг» и подарили Вайнерам. В разговоре мы узнали, песня была написана на стихи Лидии Козловой и посвящены Михаилу Таничу».

Доктор медицинских наук Софья Львовна Дарьялова, жена Аркадия Вайнера, и дочь Наталья приготовили прекрасный праздничный стол. Все пришли с подарками.

Георгия с детьми не было, он в это время был в командировке в США. Аркадий рассказывал гостям о своем пребывании в Богучарском районе, слушали новую пластинку Аллы Пугачевой, было весело и уютно. За столом просидели до самого утра.

Так закончился ненаписанный и почти детективный роман братьев Вайнеров «Место встречи изменить можно».

ШЛИ НА СМЕРТЬ ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Кобеду, на перекладных из Богучара, Олег добрался в Лебединку, быстро перекусив, несмотря на уговоры матери, отдохнуть, сразу же пошел в Попасное. Было как-то тревожно. Уже у хутора, где пахло сиренью и жасмином, наконец он услышал знакомый голос. Вера пела:

«Зажглась звезда далекая,
Цветет сирень в саду...
Я к речке одинокая.
Тропиночкой иду».

Вечером ребята всегда собирались у ставка⁶⁷, Вера лучше всех играла на гитаре, вокруг нее собирались ребята не только их хутора, но и из ближайшего хутора Перекрестово и села Лебединка.

Совсем недавно в Лебединку приехал парень из города Сыроваткин Вовка, который стал ухаживать за Верой. Олегу не нравилось, что на «тропинке» к его девушке появился соперник. Частенько приходя на свидание, он спрашивал у нее:

– А Вовка был?

– Был, был, ну и что? – отвечала Вера.

Ей это нравилось. Игриво улыбаясь, давая понять, что любит его, брала его за руку и они шли на гору, что была на краю хутора в степи, провожать закат.

Вот и в это раз, подойдя к ставку, увидел, что Вовка уже сидел в компании ребят и пел. Вера, увидев Олега, передала «семиструнку» Вовке. Тот язвительно и радостно запел:

«Костры горят далекие,
Луна в ставке купается,
А парень с милой девушкой
На лавочке прощается...»

Вера подошла к Олегу, взяла его за руку, и они пошли на Высокую гору.

⁶⁷ Ставок — диалектное название пруда

Вечером в степи было спокойно и томно, протяжно звенели сверчки, пахло полынью и чабрецом. С запада все летели стаи черных птиц, а когда солнце проваливалось за горизонт, по краям появлялись немые, как в «воробьиную ночь», красные и белые всполохи. Вот уже почти год шла война. В тот вечер они еще не знали, что это закат и их любовь смешается с предательством и смертью....

Олег Дробный уже окончил школу и по направлению директора совхоза учился в Богучарском педучилище, ему было уже семнадцать. В детстве его ребята с улицы дразнили «белобрысый», а когда повзрослел, белесые волосы стали отливать золотистым цветом. Девчата в хуторе буквально «сохли» по нему. В Веру, младшую дочь директора совхоза, он влюбился еще учась в Лебединской школе. Все ребята знали, здесь ему не было соперников, да и Вера отвечала на это ухаживание. Невысокого роста, с длинной черной косой и большими темно-кариими глазами, она была душой компании и уже заканчивала семь классов.

Так сложилось в жизни Марии Михайловны Орловской, что, будучи директором совхоза «Первомайский», она воспитывала двух своих дочерей Веру и Таю и трех приемных сыновей Николая, Петра и Семена.

Сразу после начала войны всех мужчин призывного возраста забрали на фронт. Ушел на войну и двоюродный брат Олег по отцу, которого тоже звали Олегом, только отчество у него было Данилович. Многие мальчишки двадцать четвертого года уходили на фронт, приписывая себе год, но Олега все знали в хуторе, и в военкомате ему отказали.

В сорок втором в селах было почетно иметь профессию тракториста или комбайнера. Несмотря на то, что Олег учился в педучилище, вместе с ребятами из Лебединки Кимом Чеченевым, Никифором Кривобородовым, Владимиром Сыроваткиным и Михаилом Курдюковым он тоже окончил курсы. С «Сыриком», так по уличному звали Владимира, отец которого работал заведующим центральным отделением совхоза, Олег познакомился еще раньше, когда тот учился в Богучаре, где они и подружились. В этом году Вовка закончил восемь классов Богучарской средней школы и на лето приехал домой. Тут то и познакомил его Олег с Верой, которая жила с матерью на соседнем хуторе Попасное.

Все хутора и села усиленно готовились к уборке урожая, шел июль сорок второго. Всполохи огня, при закате солнца с Высокой

горы стали видны все чаще, но теперь они были не немые, а сопровождались далекими громовыми раскатами.

Наши войска с боями отходил к Дону. По дороге потянулись колонны отступающих солдат, они шли на восток. Фронт вплотную приближался к хуторам Попасное и Перекрестово.

В середине июля Ким Чеченев встретил друзей Никифора Кривобородова, Мишу Курдюкова, Никиту Жиликова и с волнением сообщил, что командир отступающей части сообщил отцу о прорыве фронта и приближении немцев.

– Что делать?

Разгорелся спор: уходить за Дон или оставаться.

– Я останусь. С врагом и здесь можно бороться, – твердил Михаил.

Спор прервал подошедший к ребятам отец Кима, – Иван Яковлевич.

– Сынок, сказал он, – пришли бумага из райкома комсомола и военкомата. В них указание, комсомольцам и допризывной молодежи отойти за Дон. Быстро собирайтесь. Я подготовил лошадей с повозкой. Семья Орловских и Сыроваткиных осталась в хуторе, остался и Олег.

Сборы были недолгими. Через два часа длинная вереница людей и подвод⁶⁸, с нагруженными на них вещами, уже ехали по степи далеко от хуторов. Взрывы снарядов стали слышны все ближе, поэтому лошадей пришлось бросить. Взяли самое необходимое – продукты и одежду. Вскоре оказались у Терешковской переправы. Там творилось что-то невообразимое, так как на понтонах все не помещались, кто-то плыл вплавь, держась на деревянные чурки, кого-то перевозили на лодках. К вечеру добрались до села Березняги, где и остановились на жительство.

Через несколько дней их разыскала председатель Неледовского колхоза имени Тельмана Анна Герасимовна Князева, которая тоже эвакуировалась. Она сообщила, что видела здесь за Доном первого секретаря Радченского райкома партии Якова Ивановича Цыбина. Он формирует партизанской отряд, командовать которым поручено секретарю райкома партии Михаилу Ивановичу Гениевскому.

На другой день ребята нашли расположение штаба и встретились там с Яковом Цыбиным и Михаилом Гениевским.

⁶⁸ Повозка, телега для перевозки грузов,двигающаяся конной тягой.

– Мы хотим записаться в отряд, – сказал Ким.

– Да вы еще слишком молоды, и в отряд мы вас не возьмем, – ответил Цыбин.

– Ну и что ж, – упрямылся Ким, – раз не можем принести помощь отряду, то будем действовать самостоятельно.

Яков Цыбин, после долгих раздумий и совещаний с секретарем райкома комсомола отдельно пригласил на беседу Кима и сказал, что по поручению обкома комсомола он назначается главным, и ребята включили в состав отряда. Было поставлено условие о том, что они в отряде, никому не говорить, даже родителям.

Сразу же Киму было дано первое задание, нужно было тайно пробраться на оккупированную территорию, изучить обстановку в тылу врага.

Ночью Ким Чеченев переплыл Дон и к утру, обсохнув, вышел на оккупированную территорию, где сразу приступил к выполнению задания. В течение многих дней он обходил ближайшие села и хутора, запоминал названия, расположение и номера воинских частей. На плохо одетого паренька мало кто обращал внимание. Собрав нужные сведения, благополучно перешел линию фронта. Яков Иванович похвалил Кима. Теперь задание получили все ребята – обосноваться в хуторе Попасное, передавать сведения связным из- за Дона.

Юные разведчики Ким, Михаил и Никифор вернулись в хутор. Ребята добросовестно выполняли задания, собранные данные оставляли в тайниках Мышкиного леса. Туда же к ним приходили и посланцы из партизанского штаба.

Вскоре ребята освоились и осмелели до такой степени, что собирать разведанные им показалось будничным. По окрестностям они видели много брошенного оружия, собирали его и прятали в лесу. Сбором старательно стали заниматься все ребята села. Только двенадцатилетний Жилияков Петр принес более 80 автоматов и дисков. Диски, затворы и автоматы прятали отдельно.

В это время на всей территории оккупантами был установлен новый порядок.

Пришла осень. Вскоре недалеко от Первомайского совхоза Радченского района был размещен лагерь военнопленных, где содержалось до полутора тысяч человек. По рассказам жителей села Лебединка, которых вместе с ними ежедневно «гоняли» под дулами автоматов на строительство узкоколейной железной дороги, дорогу тянули от

станции Шелестовка до Богучар, в строительстве принимали участие и военнопленные, которых жестоко избивали. Однажды принесенные пленным продукты, собранные местными жителями, были переданы охранявшим их фашистам, те отдали собакам. Но иногда колхозникам удавалось передавать кое-что из продуктов питания.

Территория лагеря ограждалась колючей проволокой и охранялась немецкими солдатами и полицией. При строительстве узкоколейки вручную насыпали землю, носили рейки, тяжелые деревянные колоды на расстояние три и больше километров, обессиленных, их били прикладами и палками, кидали в карцер. Кроме того, фашисты добивали, а то и закапывали еще живыми тех, кто просто уже не мог ходить от истощения. Как стало известно уже после войны, уничтожением пленных руководил полковник СД Пилиц Франц.

На сельском сходе в селе Лебединка, где присутствовали ребята, комендант Радченского района майор Ангис, сообщил: «... что районным старостой желает быть Бондарев Пантелей Петрович и, что «мы ему доверяем». Директором МТС им. Горького Радченского района была назначена член ВКП (Б) Левченко Александра Алексеевна. Директором Первомайского совхоза был назначен механик совхоза Романов Сергей Иванович. В селе и хуторах появились местные полицаи. Николай Бондаренко и Петр Гвозденко, которые жили на одной улице с Олегом Дробным и Михаилом Курдюковым, тоже пошли в полицаи. Петр Иванович Гвозденко был до этого директором Марьевского МТС Радченского МТС, еще и членом ВКП(б). Для ребят это было шоком. Ведь с Колькой Бондаренко они учились в одной школе, где вместе прошло детство. Теперь они стали врагами.

Однажды в конце осени в селе Лебединка появился незнакомец. Вечером он подошел к Олегу Дробному и представился инструктором Воронежского облисполкома Сергеем Баранниковым. Олег недоверчиво спросил: «Чем докажешь?» – Сергей показал ему удостоверение. Затем он стал убедительно рассказывать, что необходимо из комсомольцев создать партизанской отряд и что для этого надо. При этом просил никому не рассказывать про его визит, а связь с Олегом он будет поддерживать лично.

На другой день Олег подошел к Киму и рассказал про встречу с Сергеем Баранниковым. Ким, выслушав все, сказал: «А не провокатор случайно? Ну я узнаю через связного».

В начале ноября 1942 года Киму поступили сведения от комиссара партизанского отряда Цыбина, что скоро придут наши и что Баранников, действительно, работал в облисполкоме. Но сведений о его задании у него нет. Посовещавшись, ребята решили связать с Баранниковым держать через Олега и предложили ему создать свой отряд под командованием Сергея Баранникова, а также выпустить листовку к празднованию Великой Октябрьской революции. Листовку написали от руки в 12 экземплярах и расклеили в селах Радченское и Лебединка.

В листовке сообщалось: «Дорогие товарищи! Поздравляем вас с днем Октябрьской Социалистической революции. Вся страна отмечает этот день своими достижениями. Давайте и мы помогать освобождению района. А чем? Прячьте хлеб, масло и остальные продукты питания. Прячьте теплые вещи. Немцы говорят, что эти вещи для военнопленных. Не верьте немцам. Режьте телефонные провода, поджигайте немецкие склады и дома с немцами. Товарищи! Во избежание жертв среди мирного населения ройте себе бомбоубежища. Оказывайте всяческую поддержку партизанам и красным разведчикам...».

На следующее утро полицаи бегали по селам и сдирали листовки. Никто не подумал, что это сделали ребята. Все подозрение пало на партизан. Итальянцы знали, что в Радченском районе есть партизанский отряд «Народный мститель». Он был сформирован из комсомольцев Радченского района, командовал отрядом Н.К. Романов.

В то время в окрестных лесах и хуторах скрывалось немало солдат, не сумевших перейти линию фронта. При встречах с местными жителями, в том числе с ребятами, они не раз заводили разговор о том, что надо бы организовать партизанский отряд, для чего в первую очередь позаботиться об оружии и боеприпасах. И однажды ребята сознались, что оружие есть, и показали, где оно спрятано.

С того времени на дорогах немцы начали попадать об обстрелы. Это их насторожило. В центрах сел Радченское, Лебединка и хуторах Попасном и Варваровке итальянцы расклеили приказ немецкого командования такого содержания: «Воззвание к местному населению района, занятого германскими войсками. Каждое содействие или попытка в содействии, в получении продовольствия, одежды или предметов всякого рода, а также всякое сношение с партизанскими бандами или выдача всякого рода сведений карается высшей мерой наказания. Смертная казнь последует немедленно – будут повешены ... Высшее командование».

В начале зимы 1942 года в селе Лебединка состоялось собрание, на которое согнали всех жителей окрестных хуторов. Комендант Радченского района Кислинг рассказывал о «новом порядке»: «Совхозы и колхозы не оправдали себя и с 1 января 1943 г. будут ликвидированы». Немцы планировали ввести частное землевладение, рассчитанное на кулаков и помещиков. Землю планировалось разделить по количеству едоков – мужчин. Каждые 10 дворов должны были иметь старшего – десятника. «Из числа «лучших людей» создаются особые десятки, которые получают наилучшую землю, скот и инвентарь колхозов (недостающее количество инвентаря, скота, по словам Кислинга, будет завезено дополнительно). Остальным жителям – «лодырям» предоставлено право честно работать, подняться до разряда «лучших», после чего им также будет оказываться «помощь». По словам Кислинга, «львиная доля доходов будет оставаться у землевладельцев» и только «незначительные проценты пойдут в пользу немецкого государства». Особенно распиался на собрании Петр Гвозденко, постоянно кричал на сельчан и угрожал расправой.

После собрания ребята собрались обсудить план дальнейших действий. Михаил Курдюков предложил убить полиция Петра Гвозденко, но его не поддержал Ким.

Уже в начале декабря в хуторе Криничное Ростовской области, находившееся по соседству с Попасным, в облаву попала группа молодежи из близлежащих хуторов Ростовской области и села Лебединка. В перестрелке был убит один из полицейских и ранен Олег Дробный.

А произошло это так.

Накануне 8 декабря Владимир Сыроваткин под предлогом взять гитару пошел на хутор к Орловским. На пороге дома его встретила Вера.

– Ты чего пришел? – спросила она.

– Да за гитарой, – ответил Владимир.

Вера проводила его в дом, напоила чаем. Отдала гитару и напоследок сказала:

– Не приходи больше! Ты же знаешь, Олегу это не нравится.

Владимир двинулся в направлении Попасного, но не успел он отойти от Манькова, где жила Вера, как навстречу, ему на лошади подъехал полицейский Гвозденко.

– Ты зачем ходил в Маньково и куда идешь – бросил, не слезая с лошади, полицейский.

– Домой иду, не видно, что ли, – сказал Владимир.

– Дерзишь? Ты чего там забыл?– спросил Гвозденко и потянулся за карабином.

Полицай хотел, видимо, пристрелить давно надоевшего ему сына бывшего заведующего отделением совхоза.

Владимир опустил руку в карман, там лежала «лимонка»⁶⁹. Полицай понял это и руку отстранил, схватившись за уздечку.

– К Орловской Вере за гитарой ходил, – ответил Сыроваткин.

– Ну ладно, еще поквитаемся, – бросил полицай и поскакал в сторону Маньково.

– Поквитаемся, – бросил вдогонку ему Владимир.

Ветер дул в лицо, Владимир замерз, и, не дойдя до Лебединки, решил заночевать на хуторе у тетки, которая жила на окраине Попасного.

На следующее утро в Лебединке Ким, Михаил, Никифор и Олег шли по селу, обсуждая события на фронте, сведения о которых передал Киму связной. На встречу им ехал на лошади полицай Петр Гвозденко, поравнявшись с ними он зло с ехидцей сказал в адрес Олега:

– Болтаешься тут, а твой Сырик с Веркой в Маньково барахтается.

Олег вспыхнул и двинулся в сторону полицая, чувствуя свою защиту от ребят, почти крикнул:

– Подожди, гадина фашистская, наши придут, мы твои сорочьи крылья пообломаем.

Ребята подошли к лошади совсем близко, Гвозденко потянулся было за карабином, но лошадь как бы, почувствовав угрозу, фыркнула и понесла полицая к штабу.

– Вот зараза, – сказал Олег, – я пойду в Маньково, набью ему морду.

– Не ходи. Он специально тебя злит, вон, смотри, Вовкин отец идет, спроси у него, – пытался удержать его Мишка.

Как только Алексей Сыроваткин подошел с ним. Ким спросил:

– Дядя Леша, а Вовка дома?

– Да нет, – ответил отец, – на хутор пошел, сказал за гитарой.

Олег Дробный побежал домой, из тайника достал гранату и отправился в Маньково. Ветер дул в спину, было морозно и солнечно.

В это время в немецкий штаб села Лебединка вошел разгоряченный Петр Гвозденко и с порога бросил:

⁶⁹ Лимонка (граната) – взрывчатый боеприпас, предназначенный для поражения живой силы и техники противника с помощью ручного метания. Промышленная маркировка – ММГ Ф-1.

– Совсем обнагдела эта «комса».

За бывшим столом директора совхоза сидели двое итальянцев. Комендант майор Ангис и проживающий в селе гер-лейтенант, над которыми на стене висел портрет Муссолини, подняв голову, спросил:

– Кто это тебя так достал?

Офицер был из бывших русских эмигрантов и прекрасно говорил на русском языке.

– Да, эти колхозные сопляки, – ответил полицаи и продолжил, – тут такое дело, гер-лейтенант, был сейчас в Маньково, там ночью местная молодежь обстреляла полицейских и ранила одного немца, они планируют в обед провести облаву в Маньково и хуторе Криничном, просят нашей помощи. А сейчас еду, смотрю, наша «комса» кучкуется, а этот Олег Дробный постоянно бывает там, да и сейчас, наверное, пойдет. Не связаны ли они с партизанами.

– Все ясно, – ответил итальянец, – запрягай телегу, подымай всех, едем в Маньково.

Олег тем временем благополучно добрался до села. Не успев зайти в сенцы, где его встретила Вера, Олег спросил:

– Сырик был?

– Был, еще вчера, – ответила Вера, – забрал гитару и ушел.

Они долго разговаривали, то сорились, то мирились. В конце концов, Олег успокоился, собрался и пошел домой.

Ветер стих, солнце грело спину, под валенками начал похрустывать снег, Олег не спеша шел домой. Пройдя километра два, увидел, что на встречу ему едут сани с полицаями и на лошади, впереди них злополучный Петр Гвозденко. В голове промелькнули мысли: «Ну, вот и был, Вера!».

Как правило, фашисты, полицаи, чувствуя, что скоро начнется наступление советских войск, имели привычку убивать и детей и взрослых. Олег летом и осенью ходил в солдатской гимнастерке, что страшно раздражало полицаев. Мать просила Олега не надевать форму, но Олег упорно ее не снимал. Тем более что был известен случай в селе Белая горка чернорубашечник⁷⁰ однажды штыком убил одетого в солдатскую форму Николая Алехина, с криком: «Русский солдат».

⁷⁰ Вооруженные отряды фашистского движения в Италии. Свое название получили по черному цвету формы. Отличались собой жестокостью по отношению к мирному населению в период Второй Мировой войны.

Увидев Олега, Гвозденко поднял карабин и выстрелил, но промахнулся. Выхватив гранату, Олег Дробный бросил ее в полицаев. Раздался взрыв, лошадь под полицаем упала. В ответ стали стрелять, Олега ранили в ногу.

К вечеру с избитым и истекающим от крови Олегом полицаи добрались в хутор Попасный. Раненого бросили в школьный погреб, где он пролежал до утра. Вскоре задержали и Владимира Сыроваткина. В подвале уже было несколько человек военнопленных. Допрашивал их местный полицейский, как потом выяснилось, это был немец, потомок бывших колонистов, дезертировавший из армии из-под Харькова. Вот как рассказывал о допросе Владимир Федорович Сыроваткин: «Немец бросился ко мне и с возгласом: «Был участвовал!» замахнулся и ударил меня палкой по голове. Подо мною вспухла земля, и я упал на землю. Не знаю, сколько был без сознания, но когда пришел в себя, то ухватился за борт стоявшей рядом кадки с какими-то семенами. Я поднялся. Увидев это, полицаи снова замахнулся палкой, но его остановил итальянский солдат. Потом возили на допрос, допрашивал итальянский офицер на чисто русском языке, видимо из эмигрантов. На одном из допросов меня привели к нему. На полу лежал Олег. Одна нога в валенке, другая перевязана. Он был бледен, видимо от потери крови. Глаза закрыты. Следователь подошел к нему и носком сапога в бок растолкал Олега. Олег очнулся, открыл глаза, посмотрел в потолок, потом на следователя. Глаза были мутные, но когда он увидел меня, то принял осмысленного выражение: узнал. Заметив это следователь подбежал к распростертому телу моего друга и закричал: «Был, участвовал!!!». – показывая на меня пальцем. Олег только прошептал: «Был...». Конечно, Олег вспомнил Веру.

10 декабря, ночью, немцы схватили Мишу Курдюкова, у утра арестовали Никифора и Кима. Допросы в школе хутора Попасный длились 6 дней. Матери, родственники, рвались к школе, просили отпустить ребят. Немцы отгоняли их выстрелами из автоматов, но они не уходили.

Днем и ночью из школы доносились крики пытаемых. Как рассказывали очевидцы тех событий, в обморочном состоянии ребят вытаскивали на снег, а когда они приходили в себя, снова волокли в здание, били, ломали пальцы рук, закладывая их в двери.

У Михаила руки почернели, распухли, разбито все лицо. Так же зверски был избит и Никифор.

Партизан
Чеченев Ким Иванович

телей нашли спрятанных солдат. Всех окруженцев согнали к школе, начали допрашивать их. К вечеру кто-то открыл то, о чем до сих пор молчали ребята – где спрятано оружие. Положение осложнилось. Вечером того же дня был арестован Никита Жилияков. У них в доме при обыске были обнаружены автоматы, только без дисков и затворов.

– Как я ни уверял, вспоминал Петр Федорович Жилияков, что все натаскал я, меня по малолетству не тронули, а брата увели.

А ночью на двух автомашинах, под конвоем двух взводов итальянских фашистов четырех комсомольцев и пленных солдат увезли в Чертково.

Там арестованных разместили в двух помещениях. В том, где был Никита Жилияков, находилось несколько незнакомых солдат, а также директор совхоза «Первомайский» М.М. Орловская с дочками Верой и Таисией. Кима Чеченева, Мишу Курдукова и Никифора Кривобородова поместили в одну камеру, Олега Дробного и Владимира Сыроваткина в другую.

О допросах в Чертковской тюрьме вспоминал Владимир Сыроваткин: «После этого начались допросы с пристрастием. Били шомполами, нашими русскими (они длиннее немецких), до потери сознания, а затем прочитали приговор: «Повесить...»

– Мне навсегда запомнилось, – вспоминала свидетельница тех расправ, бывшая в те годы еще подростком Ефросинья Никитична Жилиякова, – как однажды выволокли на снег Кима Чеченева. Некоторое время он лежал без движения. Затем очнулся, застонал, сел на снег и, увидев нас, с трудом раздвигая разбитые губы, крикнул: «Прощайте, родные! И не унывайте. Скоро загремит из-за Дона, и наши придут! Отомстите за нас!»

Его схватили и снова потащили в здание школы.

16 декабря немцы неожиданно оцепили все дома, у нескольких жи-

Дальнейшие события развивались стремительно. Как рассказывал Никита Жилияков: «17 декабря еще продолжались допросы. Требовали сообщить, кто руководил партизанами. 18 декабря об узниках забыли. До этого камеры охраняли немцы. Затем поставили полицейских. Но те вели себя беспокойно, все посматривая в сторону Дона».

Фашисты так и не узнали, кто руководил отрядом, они думали уже о другом: «Как быстрее убежать».

Уже через сутки арестованным стали слышны канонады. Но радость от того, что наступают наши, омрачалась близостью смерти.

В камере их было трое. Окна камеры были расположены на север. То и дело полыхали зарницы, а через время раздавались канонады.

– Ох и больно же бьют, сказал Ким, – жаль, что мы не убили Гвозденко.

– Наши наступают, наверное, уже на хуторе, – ответил Никифор, – может еще нас освободят, тогда посчитаемся с ним.

– Видел, видел, полыхнуло, – встрепенулся Михаил, – наши уже близко.

Было страшно холодно, кровь запеклась на руках и прилипшей одежде.

– Да еще бы чуть-чуть, но, наверное, нас повесят? – продолжил Михаил.

Давайте споем напоследок, – предложил Ким, – на опушке леса. И они тихо запели:

На опушке лека
Старый дуб стоит.
А по тем дубом
Партизан лежит.
Он лежит не дышит
И как будто спит.
Только ветер тихо
Кудри шевелит...

– Это как про нас, – прервал песню Никифор.

До рассвета оставалось уже чуть-чуть. Михаил бредил. Все чаще всполохи света проскакивали сквозь, тюремную решетку, высвечивая ее крестообразную тень на стене.

Днем во дворе усилилась суета. Немцы грузили имущество. Потом во двор – это было видно из камеры, где находился Никита – вывели, скованных за руки, Кима, Мишу и Никифора. Посадили в душегубку, и машина выехала со двора. Как рассказывает документ, докладная первого секретаря Радченского райкома ВКП (б) Якова Ивановича Цыбина, переданная в Воронежский партийный архив, на расстреле Ким Чеченев, Никифор Кривобородов, Михаилом Курдюков запели «Интернационал».

Вскоре немцы и итальянцы ушли с отступающими войсками, а охранники разбежались. М.М. Орловская с дочками Верой и Таисией, Никита Жилияков и другие пленные выломали дверь, и пошли пешком домой. Владимир Сыроваткин и Олег Дробный узнав, что Мария Орловская с детьми направились в Маньково, пошли вслед за ними.

К селу подошли уже ночью. Олег знал, что в балке Гудой были расположены три склада с горючим и танковое соединение германских войск. При этом вокруг складов были большие заросли терна и верб. По дороге они нашли несколько гранат и решили взорвать склады.

– Пойду я, – сказал Олег, – отомщу им за все.

Владимир остался лежать в укрытии. Фашисты заметили Дробного и открыли по нему огонь. Две гранаты взорвались недалеко от склада, но склад уцелел. Олег снова попал в плен. До самого рассвета велся допрос пытки. Рано утром юного комсомольца заставили вырыть под одиноко стоящей яблоней яму, а затем повесили. Потом его столкнули в вырытую яму и присыпали землей. Все это видел один из жителей села Маньково Петр Андреевич Лазуренко.

Так и не дошел Олег к своей любимой Вере. Сразу после войны Орловская М.М. вместе с детьми уехала в г. Москву. Жители села и хуторов еще долго выясняли, кто же предал ребят, но и по сей день, ответа на этот вопрос нет. Правда совсем недавно стало известно, что бывший инструктор Воронежского облисполкома Сергей Баранников работал на немцев и был после войны арестован и расстрелян.

Уже после войны в городе Харькове состоялся суд над начальником Радченского гарнизона Торино. На него были вызваны в качестве свидетелей командир Радченского партизанского отряда партии Михаил Иванович Гениевский и мать Дегтярева Ивана Степановича, ей надо было опознать своего мужа. Все в селе знали, что он был повешен немцами. Как потом выяснилось, воспользовался партийными документами Дегтярева И.С. – Петр Гвозденко.

За могилой Олега Денисовича Дробного более двенадцати лет ухаживала Вера Федоровна Федоренко. К 45-й годовщине Великой победы, на могиле героя было установлено металлическое ограждение.

Многих фашистских приспешников постигла суровая кара предателей, они были казнены.

P.S. Прошло уже более 70 лет. Эту историю я впервые услышал от своего отца Романова Павла Ильича. Тогда, в семидесятых годах XX века, он написал об этом небольшую статью в местной газете. Работая в 80-е годы в Воронежском партийном архиве, я смог найти документы периода оккупации в годы Великой Отечественной войны, рассказывающие об этих событиях. Неоценимую помощь тогда оказала мне Л. Выставкина, которая в нарушение всех инструкций разрешила мне ознакомиться в своем кабинете с документами, не подлежащими выносу в читальный зал архива. Вместе с краеведом Эдуардом Соларевым мы побывали в селе Лебединка, где записали беседы с очевидцами тех далеких событий на диктофон. Мне помогали работники Богучарского краеведческого музея, которые отыскиали письма Владимира Сыроваткина; жители села: выпускница Богучарского педагогического училища учительница Ольга Павловна Ушакова, Старков Николай Ильич, Касаткин Владимир Николаевич, рассказавшие о переживаниях и настроениях жителей села в тот период. А также полковник запаса Кухтин Валентин Васильевич – разыскавший могилу Олега Дробного. В итоге получился почти документальный очерк с некоторым художественным вымыслом о неизвестных героях, которые шли на смерть во имя жизни.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ

Июльское утро сорок второго было ясным и солнечным, местное радио передало, чтобы все оставались на рабочих местах. Детей повели в ясли, служащие пошли на работу. Часть жителей ушла с отступающими войсками. Многие вышли из города и спрятались в оврагах. Татьяна как всегда пришла на работу в райисполком, по дороге встретила Гончарову Машу, которая вела дочку в ясли, та упорно сопротивлялась. Тревожное лицо подруги еще больше испортило настроение. Угрожающий ветер дул в лицо, из головы не выходила мысль, что делать с архивом. Проблема была в том, что во время эвакуации большую часть документов вывезли, но остались церковные метрические книги. В книгах хранилась практически все информация о богучарцах, когда родился, когда женился и кто умер. Куда их девать, она не знала.

В здании бывшей земской управы, где хранился архив, было неуютно, на полу листы бумаги, было пыльно и душно. Пытаясь навести порядок в архиве, за час до обеденного перерыва Татьяна вышла на улицу. Внезапно услышали и гудение немецкого самолета, свист. Посыпались бомбы. По площади в это время шла девушка лет семнадцати. Татьяна крикнула ей: «Ложись!» и сама упала на землю, закрыв голову руками. Одна из них упала рядом с ними. Земля содрогалась. Подняв голову, увидела, что девушка лежала на земле с оторванной головой. Стало жутко и страшно. Немецкая авиация начала бомбить город, в котором остались одни старики и дети.

Бомбежка продолжалась около часа. Затем все стихло. За окном потемнело, было видно, как горело здание педучилища, над ним подымался черный дым. Свет погас, замолчало радио. Выйдя на улицу Театральную, ужаснулась, в небе над городом стояло темно-оранжевое солнце. В воздухе стоял запах гари, над зданиями языки пламени. Там, где мимо Богучарского собора недавно шли колонны отступающих солдат, было непривычно пусто.

Опустошенная и очумевшая от страха и ужаса, Татьяна шла по городу. Горели разбомбленные здания, на площади Павших стрелков все усеяно мусором, газетами. У разрушенного здания НКВД, на углу, где стояла водосточная бочка, лежал раненный в живот младший лейтенант и просил воды.

На дороге остановился проезжающий автобус, из которого выскочил майор и крикнул на Татьяну: «Срочно вызывай скорую помощь, не видите, офицер ранен».

– Какая скорая, не видите, все разбомбили, сколько трупов кругом, – ответила Татьяна.

– Да я тебя сейчас расстреляю, – закричал майор и выхватил пистолет.

В это время снова раздался гул самолетов. Татьяна ничего не ответила и побежала на другую сторону улицы. Раздались взрывы, бомбили на улице Карла Маркса. После налета автобус уехал, младший лейтенант остался лежать у бочки, но уже не подавал признаков жизни.

Кругом слышались стоны и крики. У разрушенного здания яслей, весь двор, усеянный телами взрослых и детей, клочками пеленок. Во дворе почерневшие лица, воздевающие к небу руки и прокливающие фашистов.

Дом, в котором жила Татьяна, уцелел. Улицы города стали словно чужие. К концу дня в город начали возвращаться люди. Непривычно долгой казалась ночь. Слышался плач людей, звездное небо закрывала черно-белая мгла.

Рано утром по улице пошли колонны немецких и итальянских солдат. Солдаты заходили в каждый дом, людей выгоняли на улицу. Слышались крики, одиночные выстрелы и лай собак. Было страшно выходить на улицу.

На улице 1 Мая детдом заняли под казармы, а бывшая земская управа стала немецким штабом. Уже через неделю в городе прошли сходы горожан, были выбраны старосты и бургомистр – бывший учитель, в школе его дразнили ИванСер, он когда-то учил Татьяну. Женщин на выборы бургомистра и старост не пригласили, пришло человек сорок мужчин, которые «одобрили» его кандидатуру. Вскоре стало известно, что Николай Бондарев с улицы Урицкого и брата Ермоленко были избраны старостами.

Однажды Татьяна увидела в центре города Пушкареву Катьку она шла под ручку с немецким офицером. До оккупации она работала в райкоме комсомола. Небольшого роста с черными глазами она всегда вела себя заносчиво. При встрече с Гончаровой Машей Таня рассказала, что Катьку Пушкареву тоже видели вместе с немцами и в управе.

Вскоре в городе начались облавы. Заходили в дома, где жили родственники командиров Красной Армии и коммунистов, искали членов семей красных командиров. Татьяна подумала: «Как об этом узнали каратели? Не из метрических ли книг, но там этих сведений нет».

В начале июля начали вызывать к бургомистру в управу. Началась регистрация населения города. В управе, куда пришла Татьяна, в зале на втором этаже за столом сидели бургомистр и четыре старосты. До войны здесь часто выступала в «Синей блузе», читала скетч. Вспомнились строки:

«Мы синеблузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи –
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи...»

В ходе опроса стали выяснять принадлежность к ВКП (б) и ВЛКСМ. «Почему они спрашивают, ведь все они знали, что я работала в райисполкоме», – мысленно спрашивала себя Татьяна. После опроса заставили оставить в длинном списке отпечаток большого пальца правой руки.

Спустившись по черной чугунной лестнице на первом этаже, решила зайти в архив. Дверь была не заперта. В кабинете за столом сидел полицейский Андрей Ермоленко и судорожно курил. Когда-то они учились с ним в одном классе. Татьяна остановилась у входа и спросила: «Андрей, как ты мог?» Тот отрывисто и виновато ответил: «Жить всем хочется, ИванСер заставил. Ты же видела, вся управа из учителей».

«Наши придут, что будешь делать? Тебя же расстреляют!» – продолжила Татьяна.

«Сам знаю, что расстреляют. Тогда видно будет, думаешь, по своей воле тут сижу, – Андрей встал из-за стола, – иди отсюда, пока немцы не пришли».

За спиной Андрея стояли стеллажи, на которых пылились метрические книги. Татьяна не удержалась и сказала: «Ты хоть книги прибери отсюда, спрячь, тут же все сведения о богучарцах».

«Иди уже, – смягчился Андрей, – приберу».

Татьяна долго не могла заснуть. Ее все «мучили» вопросы: «Почему стали они предателями? Что это страх перед смертью? Жад-

ность к деньгам и власти над людьми? Как жить дальше, ведь победа будет за нами?»

Уже на следующее утро после регистрации возле управы, где раньше вывешивали афиши к фильмам, повесили объявление, согласно которому все трудоспособное население вызывалось на работу к пяти часам утра. За невыход на работу, невзирая на причины, виновным угрожали арестом.

Около афиши с объявлениями стояла соседка Минакова Светлана. Она спросила: «Ты ничего не слышала, говорят ночью в городе была облава?»

«Да нет, вроде ничего, – ответила Татьяна, – у нас поселили какого-то немецкого офицера, к нам не приходили».

«На Дзержинской и Театральной чернорубашечники прошли по домам и набили полный автобус женщин и детей, говорят, повезли по Старобельскому тракту в сторону Кантемировка», – продолжила Светлана.

Когда началась эвакуация Татьяна несколько раз подходила к председателю райисполкома Алексею Дубровскому и просила забрать архив. Тот отмахивался: «Да не до бумаг сейчас, людей надо вывести, скот, технику...»

В конце июля все трудоспособное население «погнали» на работы. Таков был «новый порядок», который оккупанты поддерживали массовым террором, практикуя телесные наказания и расстрел. Часто в яру за Богучаром немцы расстреливали тех, кто нарушал этот порядок.

Сначала горожане рыли окопы в соседнем селе Галиевка, потом насыпали бруствер для укрытия самолетов в селе Купянка. Весь август возили на бортовых машинах в село Дьяченково убирать подсолнечник и пшеницу. Техники было мало, почти все приходилось делать вручную.

В один из дней на двух лимузинах к полю приехали немцы. Вместе с ними была и Катька Пушкарева. Выйдя из машины, она показала рукой полицая, который нас охранял, на Свету Минакову и Нину Резникову. Девчат забрали и увезли в город. Больше мы их не видели.

Тимка Блощицын, что жил по соседству на улице Белогубовой, рассказал Маше, что видел, как их расстреляли в яру за зданием тюрьмы. Нину расстреляли вместе с ее сыном Валерой.

Зима пришла рано в конце октября выпал снег. Накануне октябрьских праздников по городу появились листовки. Они были на-

писаны на листке из тетради детским почерком. Одну наклеили прямо на забор у дома Татьяны. Ей удалось прочесть только строки: «... Режьте провода, поджигайте немецкие склады и дома с немцами...», в это время со двора вышел отец и сорвал ее, спрятав в карман.

Отцу уже было за шестьдесят, он держал пасеку даже во время войны. Немцы его не трогали. Почти весь мед они забирали, но все же часть оставалась, что позволило им не умереть с голоду.

С отцом и матерью они жили в подвальном помещении дома, туда же перенесли книги и часть разобранной мебели. На втором этаже поселился немецкий офицер с денщиком. Тот вел разгульный образ жизни. Часто посещал казино, которое было расположено по улице Кирова, выше от дома Татьяны. Туда заходили и богучарские девки легкого поведения.

18 декабря началась спешная эвакуация. Немцы в панике убегали. По грому приближающейся канонады со стороны села Перещепное стало понятно – конец «новому порядку». Всю ночь слышались автоматные очереди. Крики, вспышки, земля загудела от взрывов снарядов. Уже рано утром в городе начались бои. Вся семья Татьяны перебралась в подвал.

Ближе к полудню все стихло. По улице Володарского недалеко от дома солдат сбивал табличку на колодце, на которой указано «Брать воду можно только немцам». Еще висели вывески над банком и фотографией, а перед городским советом вбитая в грязь вывеска на русском и немецком языке «Местная комендатура». На улицы как будто после кошмарного сна выходят горожане. Едут машины, идут красноармейцы. Дороги в ямах от взрывов снарядов. На пожарной каланче над мертвыми, разрушенными и занесенными снегом домами яркое полотнище красного кумача.

На третий день всех горожан вызвали на регистрацию. Зайдя в здание райисполкома, бывшей земской управы, Татьяна заглянула в архив, метрических книг там не было. Поднимаясь по черной чугунной лестнице, подошла к залу, который охраняли два автоматчика. В коридоре среди людей увидела Катюшку Пушкареву, которая стояла в стороне, опустив голову. Почему-то вспомнился июль сорок второго, только за столом уже сидели председатель райисполкома Алексей Дубровский, секретарь райкома партии Белицкий и еще несколько военных.

После выяснения личности начальник Богучарского НКВД Масиков Михаил спросил: «Куда делись метрические книги?». Она рас-

сказала, что просила спрятать их Андрея Ермоленко и он должен знать, куда они делись. На что Дубровский сказал: «Ермоленко сейчас арестован и находится в тюрьме, попробуй с ним поговорить». Татьяна уже хотела уходить, как вспомнила про Пушкареву. «Алексей Григорьевич, – обратилась она к Дубровскому, – там, в коридоре, стоит Катька Пушкарева, она жила с итальянцами и выдала наших девчат Свету Минакову и Нину Резникову». Дубровский вызвал солдат, и они прямо из коридора под руки увели Пушкареву.

Михаил Масиков выписал пропуск и поздно вечером Татьяна пошла в тюрьму. В народе его называли острогом. Начальнику тюрьмы она рассказала о необходимости поговорить с Андреем, тот организовал ей встречу.

Отдельную комнату привели заключенного, его невозможно было узнать. Все лицо было в кровоподтеках и синяках, сам он был бледный как лунь, одна рука висела.

Андрей не узнал ее, не разговаривал, как она его не упрашивала, рассказать, куда делись метрические книги. Охранник сказал: «Завтра вечером приходи, мы его в чувства приведем». Но и на следующий день Андрей молчал. Только на третий день, когда она уже собралась уходить, он вдруг сказал: «Татьяна, это ты?» Она обернулась и сразу спросила: «Где метрические книги?»

– Во дворе, в конюшне, на чердаке, – ответил Андрей.

Ночью долго не могла заснуть. Рано утром Татьяна пошла к Масикову и все ему рассказала. Вместе они пошли в конюшню, которая располагалась во дворе земской управы. На чердаке аккуратными стопками лежали метрические книги.

«Не подвел», – подумала она об Андрее.

В архиве райисполкома Татьяна Варлыгина работала после войны до самой пенсии. И всякий раз, выдавая справки горожанам об их родственниках, невольно вспоминала эту историю с метрическими книгами.

P.S. Эту историю рассказал мне Титаренко Николай – сын Татьяны Варлыгиной, тем не менее многие имена и фамилии были изменены.

ОБ АВТОРЕ

Романов Евгений Павлович родился 6 января 1955 года в селе Радченское Богучарского района Воронежской области. Окончил Воронежский государственный педагогический институт (г. Воронеж) в 1979 году по специальности «Физика». С 1980 по 2010 гг. работал учителем физики и директором: с 1979 по 1987 г. – Полтавской восьмилетней школы, с 1987 по 1996 г. – Филоновской средней общеобразовательной школы, с 1996 по 2010 г. – Богучарской средней общеобразовательной школы № 1. С 2011 по 2015 г. директор МКОУ «Терешковская ООШ». С 1994 года высшая категория.

Награжден: значком «Отличник народного просвещения РСФСР» в 1993 г., медалью «За верность Присяге» в 2008 г., знаком «За заслуги перед Богучарским районом» в 2009 г.

Печатался в газетах «Российский писатель», «Коммуна», «Воронежская неделя», «Молодой коммунар», «Сельская новь»; журналах «Подъем» (Воронеж, август, 2013; сентябрь 2014, март 2015), «Мастерская» (Ганновер ФРГ, ноябрь, 2013; февраль, ноябрь, декабрь 2014; январь, март 2015, январь 2016); «Битюг» (Воронеж, №1,3,4 2014; №1 2015), «Московский журнал» (Москва, №3 март, №7 июль 2015). «Заметки по еврейской истории» (Ганновер ФРГ, №7(185) июль 2015). Опубликовал более 500 статей по истории Богучарского края, педагогике и управлению качеством образования.

Автор научных публикации и методических пособий по педагогике: «Статистические методы управления качеством деятельности школы. Диагностические подходы при аттестации учебного учреждения», Воронеж, 2006; «Психологические аспекты профильной подготовки учащихся в школе. Психолого-педагогическое сопровождение инноваций в системе образования: Теория и практика» Воронеж, 2007; Психолого-педагогическое сопровождение инноваций в системе образования: теория и практика. «Мониторинг педагогического

взаимодействия» Воронеж, 2008; «Адаптация учащихся к различным видам учебных задач: факторы влияния» Воронеж, 2009.

Среди опубликованных книг по истории Воронежского края: «Боевые помощники партии» (Богучар, 1985), «Богучарцы» (Богучар, 1989), «Малый Сатурн» на Среднем Дону» (Воронеж, 2010). «Богучар» (Воронеж, 2012). Книга «Богучар» (Богучар, 1988) признана победителем областного конкурса учебников и учебно-методических пособий для общеобразовательных учреждений за 1995 год. Имеет собственные сайты: <http://bogrom13.narod.ru> и <http://boguchar.webnode.ru>. Электронный адрес: romanoverp@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Корневое слово Евгения Романова3
ИСТОКИ	Что в имени твоём. Топонимика Богучарского края7
	Золотой дождь Богучара. Неожиданные находки и клады.....14
	Рыжкина балка и золотой шелом. Легенды, были, сказания25
	«...И на иные места не сходить». Из истории становления города31
	Донская станица. Восстание донских казаков ..46
	Черниговский полковник Иван Дзиньковский, он же Дзика. Обустройство территории Острогжского полка.....55
	Сей светлый лик иконы. Из истории Донецкого Предтечева монастыря.....66
	«Станционный смотритель» Черкасского тракта. Путешествие Александра Пушкина на Кавказ ...70
СУДЬБЫ	Благословил детей и внуков74
	Из рода Чеховых. Чеховские корни на Богучарщине.....80
	Они звались Фердинандовы88
	От Богучара до Лондона. Земляки со всего света ..96
	«Познакомился с очень интересным коммунистом...» 100
	Призраки Чевенгура 104
	Страна бедняков или Черная армия земли. Путешествие Андрея Платонова..... 108
	Улица называлась Мещанской 116
	Мужала здесь его душа. Шолоховские страницы.. 125
	История одной учительской жизни. Артист, художник, скульптор, учитель Егор Осипенко ... 130
	Познав вполне он – счастье жить. Богучарский поэт Григорий Рыжманов..... 151

ИМЕНА	«Доверием народа облеченные». Богучарские депутаты Государственной думы России 163 Партия проведена с большим подъёмом. Знаменитый шахматист Николай Калинин ... 166
ПАМЯТЬ	Он отказался убивать Троцкого. Превратности политической судьбы Ивана Врачева 169 Георгиевский крест Петра Агафонова 174 Вслед за Богучарским полком 177 С фронта да в плен 182
СТРАНИЦЫ ВЕЛИКИХ ПОБЕД	«Грянет беда роковая». Герои Первой мировой войны 185 Молодогвардейцы из Богучара. Подвиг подпольщиков города Богучара 188 «По улицам шли колонны чужих солдат». Фронтальная записка Алексея Суркова..... 192 «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Мастер воздушной войны Сергей Жуковский 195
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО	Тихая Богучарка Петра Глебова 198 Как Юрий Никулин в Доме колхозника ночевал. Место встречи изменить нельзя. Актёры советского и российского кино в гостях у богучарцев..... 201
ПРОЗА	Шли на смерть во имя жизни. Рассказ 209 Метрические книги. Быль 223